

Рыжков Александр Сергеевич (Украина, Николаев). Родился 5 марта 1985 года. Образование: магистр экологии, кандидат технических наук. Место работы: Национальный университет кораблестроения имени адмирала Макарова; должность: руководитель центра международного сотрудничества.

Признан лучшим литератором 2009 и 2010 года по версии всеукраинского молодёжного журнала «Стена». Член Московской государственной организации Союза писателей-переводчиков; обладатель почётной медали имени Чехова.

e-mail: a-ryzhkow@yandex.com
ЖЖ: <http://sergheev.livejournal.com>

Рыжков Александр ФБР

Здесь мне бы хотелось выразить свою признательность двум замечательным людям: Олегу Ладыженскому и Дмитрию Грозову, которые в дуэте пишут под псевдонимом Генри Лайон Олди. На романном семинаре «Партенит-2012» эти два великолепных мастера слова вдохнули жизнь в сырую рукопись «ФБР»...

Было бы справедливым упомянуть о моей благодарности организатору семинара Глебу Гусакову, а также участникам, которые с особым рвением перемыли «ФБР» все косточки. В особенности Дмитрию Карманову, замечания которого были крайне полезны.

Глава 1

«Жить стало лучше, жить стало веселее!» – сообщала выцветшая вывеска над воротами.

Во дворе играли дети. Одни радостно носились от дома к дому, стуча ладошками по стенкам и выкрикивая «дын-дыра». Вторые гоняли палками облезлого кота. Третьи жгли лупами насекомых. Четвёртые играли в «квадрат». Пятые поочерёдно перепрыгивали натянутую между клёнами верёвку. Шестые, что помладше, лепили куличики, загребая песок отработанными «масками счастья».

Зиновий Сергеевич Градов возвращался с работы. Он уже почти добрался до дома, как прямо под ногами пробежал дворовый кот; следом мчалась ребятня. Умные мальчишки тут же пустились наутёк. И только один пацан не стал менять траектории. Он-то и попался. Зиновий Сергеевич с молниеносностью удава поймал сорванца и выкрутил тому ухо. В назидание Зиновий отобрал палку, которой пацан тыкал в кота, и переломил об колено. Обломком старик огрел ревущего хулиганца по заднице, от чего тот помчался прочь, как только что гонимый им кот.

Тем временем четырёхлапый бродяга благополучно скрылся в заборной расщелине.

Довольный педагогически правильным поступком, Зиновий Сергеевич Градов продолжил прерванный путь. А направлялся он не куда-нибудь, а к беседке в дальнем конце двора. Правда, он по дороге заскочил домой, чтобы на скорую руку перекусить и взять шахматы. Лиза сегодня была на ночной смене, поэтому поужинать пришлось сухарями и холодными соевыми котлетами, приправляя их кетчупом прямо во рту. Чайник нагревать Зиновий Сергеевич не стал. Зачем, когда можно просто отхлебнуть из горлышка? Комнатной температуры кипячёная вода точно так же проталкивает котлеты с сухарями, как и горячий чай...

Беседку обвивал дикий виноград – в эту пору года за его густой листвой почти не было видно прогнившей крыши. За ржавым металлическим столом сидели пятеро стариков. Ещё двое стояли рядом и о чём-то увлечённо спорили.

– Ты и понять не можешь, какой бред несёшь! – взревел толстый бородач с лысиной в серпе седых косм.

– Это я не могу понять? Себя-то хоть слышал, Серж? – парировал старик – габаритами ничем не уступающий оппоненту, темнокожий, гладковыбритый и аккуратно причёсанный, с разросшейся до пугающих размеров родинкой на подбородке. – Повышение цен вызвано рядом экономических проблем, с которыми столкнулся современный рынок. Это механизм урегулирования. Ничего больше.

– Ага, ничего больше, а что ты про людей скажешь? Про нас рынок почему-то не думает. Мы для него как сырьё? Вроде тех железяк и пластмассок, которыми ты торгуешь? – глаза бородача всё больше наливались кровью.

– Серж, если судить с твоей ограниченной колокольни, то да, – спокойно, методично, словно жуя резину, говорил пожилой мулат. – Но если с моей, правильной колокольни, то народ – не что иное, как неотъемлемый атрибут рынка. Видишь ли, рынок – это система сложных связей, различных факторов, определяющих то или иное течение современных тенденций. Ты ведь знаешь такие слова как «система» и «фактор»?

Толстяк-бородач скривился, словно жевал лайм. Отвечать он не счёл нужным.

– Так вот, – продолжал мулат, – считай что рынок – это единый организм. Положим, кровь – это потребитель. А товар – сердце.

– Почему не наоборот? – как можно язвительнее спросил Серж.

– Да какая разница? Я тебе наглядную картину хочу дать: когда в организме заболевают, к примеру, трахеи или лёгкие – изменения происходят и в крови. Повышается температура, лейкоциты начинают выделять антитела. Организм борется с инфекцией. Порой одной иммунной системы не хватает и приходится пить антибиотики...

– Какие к фигу трахеи? – не выдержал бородач. – Какие к ляху антотола?

– Антитела, – поправил мулат.

– Да хоть фиготела! – забрызгал слюной Серж. – Что это за бред ты мне мелешь? Что ты баки забиваешь тупыми разговорами? Простому народу денег не хватает жрать себе купить, я не говорю уже про то, чтобы байгана лишнюю дозу оторвать!

На слове «байган» скучающие за металлическим столом старики насторожились, но потом вновь вернулись к своим делам – вернее, к ничегонеделанью. Все, кроме самого молодого, который увлечённо следил за спором. Звали его Альберт Зарецкий и до вступления в «клуб шестидесятников» ему оставалось чуть меньше трёх лет. Чёрная, как нефть, копна лишь недавно начала покрываться седыми прядями. Женоподобные скруглённые скулы и вздёрнутый маленький нос делали Альберта лет на десять младше.

– Ты не хочешь меня услышать, – пожал плечами мулат, продолжая говорить монотонно и сухо. – Законы рынка так же жестоки, как и законы природы. Если ты не можешь соответствовать происходящим изменениям – то ты оказываешься за бортом. Тигр не спрашивает жертву: хочет она жить или нет. Он просто нападает, потому что, не напав, он сам может умереть с голоду.

– Ну вот опять! Ну вот опять! – взвизгнул, словно поросёнок, бородач. – Перестань пудрить мне мозги, Толян!

– Я не пудрю тебе мозги, – вздохнул пожилой мулат Толян. – Цены поднялись не для того, чтобы минимальной зарплаты стало катастрофически не хватать на жизнь. Цены поднялись потому, что они не могли не подняться, понимаешь? Потому что если они бы не поднялись, рынок бы развалился и продукты, услуги, технологии – попросту бы перестали поставляться. И всё бы рухнуло к чертям собачьим Серж. И вместо того, чтобы сейчас здесь спорить, мы бы с тобой бродили по свалкам, отыскивая объедки и тряпки.

Бородач притих. Его ноздри раздувались, рот то и дело открывался, но слова застревали в горле, кулаки сжались до хруста в суставах. Толян был намного умнее и языкастее Сержа, и последний всегда проигрывал ему в словесных баталиях, даже когда был всем естеством уверен, что правда на его стороне. Но не на этот раз. Спор зашёл слишком далеко и Толян, по мнению Сержа, наговорил уж слишком много ахинеи. Плевать на прошлые проигрыши. Этот спор Серж просто так не отдаст!

– Ты несёшь ересь, – наконец-то выдавил из себя раскрасневшийся Серж.

– Это я уже от тебя слышал, – ухмыльнулся Толян, чуя скорый крах оппонента. – Если нечего больше сказать, то и не говори. Не пытайся судить о процессах, в которых ни черта не

понимаешь. Цены были подняты лишь потому, что они должны были подняться. И я готов удавиться самогоном, который разливала твоя покойная жена, если не прав...

Тут в голове поверженного Сержа что-то щёлкнуло:

– Ты мою жену покойницу-то не тронь, старый пёс, петух шпаренный, мутант родинковый...

– Что за шум, а драки нет? – вклинился улыбающийся Зиновий Сергеевич. Лево́й подмышкой он держал шахматы.

– Драки нет? Нет драки? – лицо Толяна осунулось, ведь он очень не любил, когда говорят об его родинке. Его бывшее хладнокровие, с которым он только что безоговорочно разгромил соперника в споре, куда-то вмиг испарилось. – Будет сейчас драка! Будет! – В подтверждение своих слов он вlepил Сержу смачную пощёчину. Бородач не остался в долгу и пихнул Толяна коленом в бедро. Тот взвыл, но не растерялся, схватил и дёрнул Сержа за то место, за которое обычно хватают бородачей – за бороду.

– Эй, друзья, вы чего? – Зиновий Сергеевич полез разнимать дерущихся стариков. Освободившись от власти подмышки, шахматы благополучно шлёпнулись на землю. Лакированные фигурки радостно высыпались из распахнувшейся темницы.

Четверо остались сидеть за столом. Пятый, конечно же, Альберт Зарецкий подскочил и устремился к дерущимся. Но до сварливых стариков и разнимающего их Зиновия добежать ему не было суждено. Альберт поскользнулся на белой ладье и рухнул на землю. Всё бы ничего, да вот на пути между его затылком и сравнительно мягкой землёй возник угол металлического стола. Всё произошло в одно мгновение. Вот Зарецкий вскочил со скамьи, а вот он уже валяется в луже собственной крови, содрогаясь в конвульсиях, держась за дыру в черепе...

Над телом застыли Толян, Серж и Зиновий Сергеевич. О драке забыли напрочь.

Четверо стариканов так и сидели. Один сплюнул мокроту и произнёс гнусавым голосом:

– Мудак ты, Зина, я ведь говорил, что твои шахматы рано или поздно кого-нибудь из нас на тот свет отправят!

Гнусавый старик оказался прав. Альберт Зарецкий скончался в больнице на следующий день. До пенсии ему оставалось немногим меньше тринадцати лет...

На солнце серебряные зубные пластинки Светы блестят ослепительно – стоит ей только улыбнуться. А улыбается она часто, особенно когда рядом со мной.

– Чего ты хочешь, дорогой? – спросила Света.

– Чего я хочу? Чего же я хочу... Знаешь, Свет, первым делом я хочу, чтобы ты перестала называть меня дорогим. Вторым делом...

– Перестала так называть? – её серые глаза хищно сверкнули. – А как же тебя называть, дорогой? Дешёвым? Или ещё как? Глупый ты, я ведь тобой очень дорожу, вот и называю дорогим. Дорогой!

На личике вспыхнуло ехидство.

– Дорогой, дорогой, дорогой! Дорого-дорого-дорогой! Бе-бе, – Светка высунула розовый язычок и подразнила, как глупый ребёнок.

– Прекрати.

– Нет! Бе-бе-бе!

– Да прекрати ты!

Я схватил непослушные запястья, и после недолгой борьбы завёл ей их за спину. Мы прижались друг к другу. Непозволительная близость. Щекой я чувствовал жар дыхания. Пахло из девичьего ротика кисловатыми яблоками и мятой.

– Хих, – выдохнула она и поцеловала меня в щёку, да так, что немного задела уголок губ!

– Ты что делаешь, дура? – я вмиг высвободил Светку из захвата. Да что там высвободил, от неожиданности я отпихнул её метра на два от себя. Диву даюсь, как она на ногах удержалась.

– Ты от меня как от жабы мерзкой отмахиваешься!

В её серых глазах собрались грозовые тучи, губы обиженно поджались. Казалось, ещё чуть-чуть, и она заревёт.

– Свет очей моих, что ты глупое такое говоришь?

– Не переводи всё на шутку, надоело уже.

– Но я ведь не шучу, о прелесть дней моих суровых, голубка стройная моя...

– Надоел ты мне, надоел! – Светка цокнула каблуком.

Не знаю... я не слишком разбираюсь в людях, особенно в выражениях их лиц... но мне тогда показалось, что Света очень несчастна. И одинока. Как никогда.

И виной этому я.

Но, с другой стороны – почему я? Я не виноват, что она втюрилась в меня, как наивная школьница, которой, собственно, и является. Глупые они, эти школьницы...

– Мне нужно идти, – выдавила из себя Света.

– Ну, не дуйся только, давай без этого? – я тут же догнал её.

– Отвали, – ускоряя шаг, отрезала Света.

– Отвалю, если перестанешь дуться, – я взял её за руку и легонько потянул, замедляя ход. Мы остановились. Поднявшийся ветер трепал её русые волосы.

Света молчала. В грозовых тучах начали появляться крошечные солнечные просветы. Хороший знак.

– Свет, ну перестань, глупенькая, разве я того стою?

Она не ответила.

– Дорогая, я немного переборщил, извини меня. Я не хотел. Даже не знаю, как это получилось.

– Я всё равно на тебя дуюсь. Оттолкнул меня, как лягушку скользкую.

– Что мне сделать, чтобы ты перестала дуться?

– Поцелуй меня в щёчку, Говард.

Я выполнил просьбу. На этом и расстались. Довольная, как объевшаяся сметаны кошка, Светка направилась в сторону школы, вскоре растворившись в толпе. А я пустился по улицам – всё равно до ночной смены времени полно. Говард, хех. Не люблю своё имя. Школьных друзей всех приучил называть меня Вар. Шутники добавляли ещё Садовый. Правда, школьные годы давно позади, да и друзья разбрелись кто куда. Редко мы с ними теперь пересекаемся, очень редко... Но я особо не скучаю по ним, ведь мне сейчас есть кого приручать – пусть это и один человек, особь женского полу. Вот только Светка приручаться не хочет. Дикая она, как кошка прямо. Глупая, наивная, сама себе на уме пушистая кошка.

Люблю её, как старший брат, но не больше.

Из трещин в асфальте растёт трава, бурьян, чертополох, полынь, но иногда встречаются и другие растения, названия которым я не знаю. Но если полынь очень горька на вкус и иногда от неё тошнит, то от тех странных растений тянет на рвоту одним лишь запахом уродливых, похожих на воспалённые геморроидальные узлы, цветочных гроздей.

Гуляя по улицам я не мог не думать о Свете. Чем бы ни пытался занять мысли – рано или поздно возвращался к нашему последнему разговору. Зачем меня только чёрт дёрнул за сигаретами выйти? Ведь было ещё полпачки – на день с головой хватало. Так сидел бы себе дома, газету читал или кроссворд разгадывал и горя не знал. Хотя и сейчас я горя вроде бы не знаю. Сигареты! Так мне мысли эта глупая Светка забила... И вот слоняюсь бесцельно по улицам, о ней думая. Всегда так с ними: едва переступают порог полового созревания,

выбирают себе недостижимый объект вожделения – как правило, беднягой оказывается мужчина постарше – и преследуют этот объект, жизнь ему и себе переиначивают, а иногда и отравляют...

На пересечении улиц Советская и Адмиральская на гранитном постаменте громоздится памятник какому-то мужику с большой лысиной, в костюме тройке, сжимающему правой пятернёй нечто вроде головного убора. Ну, на самом деле про лысину и костюм я долгое время не знал, пока как-то раз не прошёлся по Адмиральской после весеннего ливня. Тогда значительная часть голубиногo и вороньего дерьма была смыта – благодаря этому я и разглядел бликующую на мартовском солнце лысину цвета позеленевшей бронзы.

Хотя какая уже разница? Мёртвый памятник мёртвому человеку. Эхo давно сгоревшей в безжалостном пожаре времени эпохи, которую и в школах теперь не изучают больше одного урока в пятом классе, да и то в качестве факультативного занятия, на которое почти никто не ходит...

У кирпичной стены дряхлого довоенной постройки дома гордо громоздился сигаретный автомат. Покрытый толстым слоем пыли, с трещинами в витрине, с дырками и обрывками разноцветных проводов вместо доброй дюжины кнопок – автомат всё же был исправен. Накормив его горстью мелочи и одной бумажкой, я выбрал более-менее удовлетворяющую мои табачные предпочтения пачку «кэмэл блю», кнопка с изображением которой чудом пережила все обрушившиеся на неё тяготы. Жадно проглотив наживку, автомат недовольно стуча и скрипя выплюнул взамен мятую пачку. Принципиально не отыскивая на ней срок годности (который, наверняка, пугал седой древностью), я сунул пачку в карман брюк. Курю немного – сигарет семь-десять в день. Хотя для подавляющего большинства людей Земли эта цифра может показаться чудовищной.

Да, в наше время почти никто не курит...

В другом кармане ждала своего звёздного часа открытая пачка «мальборо», но мне захотелось попробовать курева из новой. Флегматичный верблюд вяло приглашал отведать славного табака, который в своё время так сильно любили американские солдаты. Меня не прельщала перспектива побыть в шкуре пиндоса, но вот просто покурить – милое дело.

Демонстративно затягиваясь и наслаждаясь удивлёнными, осуждающими, а порой полными отвращения взглядами прохожих, я шагал по улицам родного города. Топтал полынь, изредка спотыкаясь о выбоины в асфальте и зазоры в побитой тротуарной плитке.

Приговорив к огненной смерти три сигареты, я оказался у панельных стен родного дома. Настроения дальше слоняться не обнаружилось, и я благополучно поднялся на пятнадцатый этаж. Разумеется, лифт не работал. Разумеется, он лет пять, как не работает. Разумеется, я запыхался.

Разумеется, по дороге я вступил в лужу кошачьей мочи...

Из жизни доблестной милиции I

Майор Чан Вэй Кун, известный в милицейских кругах под кличкой Малыш, молчаливо разглядывал женщину.

Женщина мертва: из правого уголка губ по щеке медленно тянется тонкая багряная струйка, стеклянные глаза смотрят сквозь потолок в небо, на лице уродливая маска страха.

Да, она знала, что вскоре умрёт, и знала, кто послужит причиной её смерти...

Малыш окинул взглядом место убийства. Убогая мебель, голые стены, дешёвый линолеум, дымящаяся в пепельнице на подоконнике сигарилла – последняя в жизни хозяйки квартиры. Женщина так и не успела затянуться. В последний раз её бессмысленной жизни.

В луже крови, натекающей из ран женщины, лежал использованный байган. Женщина была из тех, возраст которых ну никак невозможно определить на глаз. К облегчению Чана она не отличалась красотой – обычная женщина, лишённая природой осиною талии и

большого размера груди. Обладательница болезненно худых ног с варикозными венами. К тому же, лицо с натяжкой можно назвать «не отталкивающим».

В общем, жаль её не было. Не то, что в прошлый раз. Да, тогда Малышу пришлось умертвить настоящую красавицу, пусть и с мешками под глазами – результатом бессонных ночей радости.

Свою работу Малыш сделал. В комнате его больше ничто не держало. Он потушил сигариллу о дно пепельницы и вышел прочь.

Вскоре за трупом придут ребята из отдела сбора урожая. Они будут долго материть Чана за то, что работу свою он проделал не чисто. Уже второй раз на этой неделе. Да, сейчас такой промах может сойти с рук не так легко, как прошлый. Настроение упало ниже обычной отметки. А куда уж ниже обычной отметки? Того глядишь и до чёрного сектора недалеко...

Но и в прошлый раз, и в этот – «превышения лимита жестокости» требовали обстоятельства. Так Чан напишет в рапорте. Начальство поверит, или сделает вид, что поверит...

На стоянке у дома ждала патрульная машина. За рулём сидел молодой милиционер; сержантские лычки на его погонах ещё не успели потемнеть от времени. Дождавшись, когда напарник усядется и закроет дверь, парень подал топливо на двигатели. Дюзы выплюнули мощные струи раскалённого воздуха.

Патрульная машина взмыла в небо.

Глава 2

Шкала настроения Зиновия Сергеевича Градова проползла ниже красной отметки и угодила в чёрный сектор. Последний раз такое случалось семнадцать лет назад, когда Зиновий зазевался за рулём своей «таврии» и насмерть сбил старуху. Да, несчастная была и без того больна, стара, дряхла и вряд ли протянула бы больше полугода, но всё же... Ускорить естественный процесс смерти другого человека – не очень-то и хороший поступок...

Зиновию Сергеевичу тогда повезло. Во-первых, ему попался талантливый адвокат. Во-вторых, вы получаете бесплатный байган, если настроение в чёрном секторе. Пусть самый простой, без излишеств, но и этого вполне достаточно. Всё время с момента аварии и до третьего месяца в исправительной колонии, Зиновий Сергеевич мог не отказывать себе в удовольствии и надевать «маску счастья» столько раз, сколько позволяло здоровье. А здоровье у него тогда было ещё крепким, как у быка. Единственный минус – при чёрном секторе жизни особо не порадуешься. Байган в этом случае – лекарство для уязвлённой души, не более.

Ну, признаться, был ещё один минус: год исправительной колонии. Хотя это лучше чем высшая мера наказания, о которой ходатайствовало обвинение в лице прокурора. И кто знает, чем весь этот сыр-бор закончился бы, не попадись Зиновию Сергеевичу хороший адвокат. К сожалению, Зиновий уже забыл, как его зовут... Адвокат свёл всё к несчастному случаю, неблагоприятному стечению обстоятельств. И вместо того, чтобы на радость зевакам быть сожжённым в чане с кислотой на центральной площади, Градов был депортирован на исправительные работы в одну из сибирских колоний.

Там-то он и получил кличку «Зина»...

Нет, в колонии объектом сексуального насилия Зиновий, как сам утверждает, никогда не становился. Кличку ему придумал один шутник, уж очень потешавшийся над именем «Зиновий». самого шутника звали Эммануэль Жак. Он любил шутить над всеми – над кем это было позволительно, и над кем это было вредно для здоровья. За свои шутки Жак частенько получал по роже, иногда по печени или почкам, бывало и по яйцам сапогом отхватывал. Даже миролюбивый Зиновий Сергеевич иногда не сдерживал себя и давал волю

кулакам. Но Эммануэль всё не переставал шутить. И чем сильнее его били, тем злее становились его шутки.

Всё бы ничего, да вот как-то раз язвительный шут Эммануэль Жак не поднялся со своей шконки во время утреннего построения. Надзиратель пнул его и тут же отпрянул, увидев у вывалившегося из-под одеяла Жака второй рот под подбородком. Кто-то очень умело и качественно вскрыл шуту горло. А главное, бесшумно, ведь даже ссученные ничего не слышали ночью. И если учесть, что металлические предметы: будь-то ложки, вилки, вилколожки, ножи, сварочные электроды, отвёртки, крышки от бабушкиного варенья, да хоть грёбанные пилочки для ногтей – категорически запрещались в колонии, то это лишний раз доказывало мастерство убийцы. Наверняка он сделал зло, заточив о камень украденную из столовой деревянную ложку.

Такое себе ночное возмездие над злым болтуном...

В общем, шкала настроения Зиновия Сергеевича Градова упала ниже красной полосы и угодила в чёрный сектор. И виной этому нерадивый Альберт Зарецкий, поскользнувшийся на белой ладе Градова и скончавшийся в больнице на следующий день.

Самое обидное (если не брать в расчёт смерти друга) то, что не у одного из сидящих за столом стариков, и даже не у виновников случившегося – Толяна и Сержа – шкала настроения не упала ниже красной полосы. А у флегматичного Петровича, любителя просидеть целый вечер с друзьями и не проронить и слова, она вообще в жёлтом секторе осталась, будь он неладен!

Разумеется, к работе Зиновия не допустили. Это плохо, поскольку «кто не работает – тот не ест». За простой деньги никому не платят.

Точно так же Градова не пустили на похороны Альберта, поскольку с настроением в чёрном секторе вообще никуда не пускают. Нет, родственников ещё пускают, поскольку обычно у них настроение редко выше чёрного сектора поднимается в таких ситуациях. Но если ты не родственник усопшего – иди гуляй, выбивай себе бесплатную порцию байгана и не возвращайся, пока стрелка не окажется минимум в красном секторе.

Поникший, удручённый, измученный бессонницей, Зиновий побрёл к ближайшему «магазину радости». Розовая дверь в форме неестественно вытянутой улыбки, три жирные чёрные буквы «ФБР» на верхней губе, забитая соблазнительным товаром витрина и продавец полукровка. Таких ребят на Земле называют чупакабрами. Злая ирония заключается в том, что мексиканский чупакабра – вампир, пьющий кровь рогатого скота, а иногда и людей – никак не похож на полукровок, которые есть не что иное, как результат порочной связи дагонцев и людей. Неизвестно, какой шутник дал им такое название, но несмотря на все противоречия и некоторый душок расизма, название великолепно прижилось. Худосочные гуманоиды с землистой кожей, непропорционально раздутыми животами и плоскими лицами с узкими прорезями крохотных свиных глаз – вот кто такие полукровки, прозванные в народе «чупакабры».

Было время дневной работы, и магазин пустовал. По сути, в часы общего рабочего времени «магазины радости» можно без зазрения совести закрывать. Прийти за очередной порцией байгана могли лишь крайне немногочисленные покупатели – те, кто работал во вторую смену либо такие вот «жертвы своих эмоций», как Градов. Вне всяких земных законов торговли, каждый магазин по продаже байгана работал двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. И частенько бывало так, что месяцами постоянные покупатели видели всё одного и того же продавца, лишь изредка прячущегося в подсобке на обеденный перерыв...

Не размениваясь на пустые разговоры, Зиновий показал чупакабре левое запястье, в кожу которого был вшит индикатор настроения. Продавец покачал головой, причмокнул раздвоенным на кончике языком, что, по всей видимости, означало сочувствие. Но одного сочувствия мало, ведь всё нужно делать по правилам, по протоколу. Он жестом попросил

Зиновия присесть за газетным столиком, усеянным рекламными буклетами и пробниками новейших разновидностей байгана.

Старик противиться не стал, покорно плюхнулся в мягкое кожаное кресло и принялся ждать. Пробники в крохотных нюхательных ампулах так и зазывали срезать им горлышки блестящим в свете люминесцентных ламп ножом и вдохнуть божественный газ радости, счастья, удовольствия, волшебства... Но старый тёртый калач Зиновий Сергеевич прекрасно знал: вздумай он протянуть руку хоть к одному пробнику, как придётся покупать целую «маску счастья». Умный прекрасно знает, что лишь раз попробовав неполную норму байгана – ты не успокоишься, пока не догонишься. А новые разновидности байгана, так мило выставленные на пробу, стоят столько, что Зиновию придётся ещё год-другой кредит выплачивать...

Нет, пусть слабовольные простачки зарятся на байган «Розовая страсть» или «Небесный огонь». Градову вполне достаточно бюджетного варианта «Пряная ночь»... Да, эффект не такой острый и без «излишеств», но смысл всё тот же. Так зачем же платить больше? Да и вообще, сейчас нечего впадать в раздумья: нужно выбить бесплатную порцию у этого хитроглазого чупакабры.

Словно учуяв мысли клиента, продавец вынул из подсобки кипу бумаг, которую и водворил на письменный столик, случайно задев ампулу с «Розовой страстью». К счастью полукровки, ампула не разбилась, звонко приземлившись на дощатый пол. Он бережно поднял её и поставил на место. Виновато кивнул, получив от Зиновия Сергеевича замечание, мол, бумажек наприносил, а ручку запомнил. В качестве расплаты за свой промах, чупакабра принёс Градову стакан с дюжиной ручек, а сам после этого стал у кассового аппарата и... замер, что ли? Да нет, не то чтобы замер. Он дышал, иногда чесал бородавку на левом ухе, но не больше. Просто стоял, флегматично глядя в одну точку на стене. И стоял он так всё время, пока Зиновий заполнял тонны бланков, форм, тестов и тому подобной бюрократической дерьмовщины.

Градов всегда настороженно относился к чупакабрам. Он частенько называл этих созданий «люди не от Бога». Они в первую очередь ассоциировались у него с ненавистной ему бюрократией.

Ну скажите на милость, зачем кому-то знать о том, во сколько лет Зиновий лишился девственности, что ощущал при потере близких людей, сколько лет он состоит в профсоюзе и состоит ли в нём вообще, испытывает ли он какие-либо проявления сексуального влечения к представителям своего пола и прочую чушь?!! Какой больной человек или дагонец хочет знать о том, сколько раз в день Зиновий ходит в туалет? Кому это вообще надо? Не говоря уже о номерах всевозможных страховок, соцпакетов, идентификационных кодов на имплантаты...

Зиновий заполнял бумаги часа два, если не все три. При этом он исписал две ручки и поломал от злости ещё четыре. Вдобавок пришлось ждать около часа, пока продавец проверит бумаги. К непомерному удивлению полукровки, всё было заполнено правильно. Вздохнув с астматическим присвистом, чупакабра выдал Зиновию «маску счастья» – круглую прозрачную ёмкость с двумя плавающими загнутыми трубочками с закупоренными крышкой отверстиями. На выпуклой поверхности маски гордо красовалась белая наклейка с надписью коричневыми буквами «Пряная ночь».

Градов принял причитающийся ему по закону подарок нехотя, как принимают обязательное для употребления горькое лекарство, но точно не как предмет воодушевления, радости, счастья... И не мудрено, когда стрелка настроения находится в чёрном секторе... Да, тогда ничто не может обрадовать, даже внеочередная порция байгана...

Обычно Зиновий вдыхал «маски счастья» у себя дома, после работы. В молодости он любил принимать их вместе с женой. Под байгановым опьянением у них бывал незабываемый секс. Такой, что прогулка по радуге и ночь в алмазах – становились не просто

словами... Но старению подвержены все, а замедлить его ход способен только «Вдох императора Ши» – разновидность байгана, которую не каждый олигарх себе позволить может.

После наступления климакса Лиза потеряла к мужу сексуальный интерес. Да и сам Зиновий всё реже испытывал утреннюю эрекцию. Поначалу он пытался заводить любовниц, чтобы продолжать ощущать себя мужчиной, но это лишь напоминало ему о неумолимом старении: короткое воодушевление, а потом длительный упадок настроения. Изменяя Лизе, женщине, с которой прожил большую часть жизни, Зиновий чувствовал себя чудовищно. Попытки вернуть её интерес в постели ни к чему не приводили. Это ранило самолюбие Градова, но поиски любовниц ранили самолюбие ещё больше. Со временем он бросил и это занятие. Не то чтобы он лишился интереса к женщинам или возможности этот интерес реализовывать... просто настроения в последние годы никакого не было. Одно развлечение после работы – играть в шахматы с друзьями и каждый субботний вечер в одиночестве вставлять трубки байгана в нос.

Пожалуй, и всё.

Сейчас Зиновий решил разок изменить традициям: употребить байган вне стен родной хрущёвки. Улицы были пустынные. Работоспособные граждане выполняли свой общественный долг. Способные обучаться дети, подростки и юноши грызли свой гранитный монолит науки. Круглый раненный зверь солнца подползал к закату, забрызгивая кислотные тучи кровью. Асфальт под ногами был почти целым, лишь иногда встречались выбоины и растущая из трещин полынь и прочая трава. В лучах заката кружили вороны. Их карканье монотонно-отвращающим эхом разносилось по округе. Если бы у этого карканья был цвет, то он оказался бы смолянисто чёрным, как раз в тон шкале настроения Градова.

На душе кошки скребутся – так говорят в народе, когда уж очень всё плачевно.

Зиновий Сергеевич не чувствовал ни одной скребущейся кошки внутри. Он чувствовал, что его душа – это те кислотные тучи, нависшие над городом Н. Заходящее солнце – это годы, которые ушли незаметно, оставив после себя дряхлую, изъеденную бороздами морщин старуху старость. А вороны – это те мысли, те подлые, дрянные мысли, эмоции, переживания... в общем всё то, что уже который год берedit душу. Нет, на душе не скребутся кошки. Нечего скрести. На душе каркают вороны. Монотонно. Уныло. Безапелляционно и цинично. Безвозвратно жестоко.

На душе каркают вороны...

Вороны, мать их!

А вот и «Парк Победы». От него осталось только гордое название. Проржавевшие до дыр прутья забора, громадные трещины, ямы, обнажившаяся арматура в железобетонных надломах. Выгоревшие после летнего пожара деревья, выступающие обугленными трупами из земли. И сорняки, заполонившие всё.

Зиновий Сергеевич Градов выбрал узенькую тропинку, натопанную нечастыми посетителями парка. По ней он добрался до первой попавшейся на пути скамейки. Ну, назвать скамейкой можно лишь условно то бетонное основание с обломком доски. Да ещё и поросшее плющом.

Старик расчистил себе место и присел на угол доски. Всё это время он держал в правой руке байган.

– Ещё недолго всё это терпеть, ещё недолго... – прошептал он, и подобно столпу яркого света, прорвавшемуся сквозь грозовую тучу, Зиновия захлестнули мысли о том, что пенсии ждать ему осталось чуть меньше месяца. И тогда он сможет получать байган столько, сколько его душе заблагорассудится. И тогда он не будет вкалывать на засевшей в печёнке неблагодарной работе педагога. И тогда он не будет каждый день видеть старческое лицо охладевшей к нему Лизы. И тогда-то жизнь наладится!

Не такое уж и дерьмо, эта жизнь...

– За тебя, Альберт Зарецкий, – тяжело вздохнул Градов. – Видит Бог, я не виноват в твоей смерти.

Он сорвал пломбу с круглой прозрачной ёмкости, на которой коричневела надпись «Прямая ночь», настроил плавающие трубочки под размер и резко воткнул их в ноздри. Глубоко воткнул. Так, чтобы заслезились глаза.

Вдохнул полной грудью.

Маленький прицепной вагончик отстегнулся от общего состава.

Металлические колёса застучали по колее облегчения и свободы...

– Совершеннолетие приходит с половым созреванием. У женщин оно наступает на несколько лет раньше, чем у мужчин. А следом за ним появляется и социальная ответственность. За каждый поступок теперь приходится держать ответ, и родители больше не могут взять на себя вину, если этот поступок плох...

Ранняя система, определяющая совершеннолетие по возрастной градации, варварски несовершенна. Человек был ограждён от реального мира колпаком возрастного порога до 18 лет (в некоторых странах эта цифра вопиюще доходила до 21 года). И это при том, что любой человеческий организм уникален!

Но эти времена давно в прошлом. Каждый вступает...

Света окончательно потеряла нить лекции. А если нет нити, ведущей к пониманию материала, то зачем разбирать тонны слов, под которыми эта несчастная нить безвозвратно погребена? Уж лучше подумать о нём. О Говарде...

Да, Говард грубый и неотёсанный. А ещё он считает Свету глупой малолеткой и делает вид, что не замечает её чувств. Дурачок этаким! Не воспринимает её всерьёз. А ведь Светке уже скоро шестнадцать лет!!! В шестнадцать её мама была второй раз беременна. Первый раз, как Света недавно выяснила из маминого дневника, не совсем удался – на седьмом месяце случился выкидыш. Мог родиться мальчик. И тогда у Светки был бы старший братик, который уж точно не давал бы сестричку в обиду! Он бы без проблем объяснил Говарду, что к Светке нужно относиться со всей серьёзностью. А если Говард не поймёт, то Вова объяснит по-мужски... И после этого всё у Светы станет замечательно!

С объяснениями Говарду что почём мог бы справиться и младший братик, не будь Светина мама такой эгоисткой, решившей после рождения дочери остановиться. Ей и одного ребёнка хватало. В принципе, не так это и эгоистично. Просто мать-одиночка всё взвесила и решила не заводить второго ребёнка. А может, и не было с кем это сделать – разве что в банк спермы сходить, но кто знает, какие там доноры...

Об отце Света ничего не знала. И даже в мамином тайном дневнике, который доца отыскала в грудё макулатуры, годами скапливавшейся в кладовой, об отце никаких упоминаний не было. Вернее они когда-то были, как догадывалась дочурка, но давно канули в лету. Те места в дневнике, в которых предположительно упоминался отец, были вырезаны, либо замазаны густым слоем штриха. Порой недоставало целых страниц...

Под штрихом разобрать хоть что-нибудь оказалось неблагоприятной задачей. Просвечивание листов настольной лампой не принесло результатов. Прощупывание с обратной стороны – глупая затея. Света даже пошла на отчаянный шаг – принялась лезвием сдирать белую засохшую краску, скрывающую от девушки вторую половину головоломки её происхождения. Было два результата неудачного эксперимента. Первый представлял собой две размытые каракули, чем-то отдалённо похожие на буквы «В» и «О». Второй, очень нехороший побочный результат – вероятность разоблачения. Света брала дневник лишь когда мать уходила работать в ночную смену. И возвращала под навал макулатуры до появления Виктории. Дневник казался заброшенным, записи в нём не обновлялись двенадцать с

хвостиком лет, но это ведь не мешает хозяйке время от времени просматривать его, испытывая мучительную досаду за время, которое можно было прожить иначе? Время, которое уже не вернуть...

Каракули тесно жались друг к дружке, первая была чуть больше второй, что давало Свете все основания считать их буквами имени. Да, имени, ведь каракули стояли не в начале строки, а посередине. Вероятность начала предложения Светка отбросила сразу, зная манеру матери писать каждое предложение с новой строки. «Во»... Ну чем не Вова? Ну да, конечно же Вова! Уверенности в этом не так много, но отца Светы вполне могли звать Вовой. Так это или нет, вряд ли когда-нибудь будет известно. И если будет, то уж точно не от мамы.

Виктория никогда не показывала, что злится на расспросы дочери об отце. Она реагировала на них по-особенному. Превращалась в немую мамочку, ходящую по квартире как живой мертвец. Порой после одного лишь упоминания об отце Светы, Виктория могла сутками не проронить и слова. Молча готовила еду, молча накрывала на стол, молча мыла посуду, молча стирала бельё, молча развешивала его на балконные верёвки, молча гладила, молча ходила в магазин, молча делала покупки, тыкая пальцем на нужные продукты, молча часами напролёт стояла у трюмо в спальне, глядя на проступающие в уголках глаз и губ морщинки, ненавидя их, замазывая кремом, время от времени расчёсывая можжевельным гребнем роскошную копну чёрных, как антрацит, волос...

И ни разу. Ни разу! Света не видела, чтобы мать принимала байган во время «молчаливого поста», как прозвала это странное погружение в себя дочурка. Вот стоило Виктории только вернуться из дебрей мыслей, вновь заговорить – как в руке её появлялась «маска счастья». И не одна, как с некоторым зародышем тревоги отмечала дочь.

Со временем Света перестала даже намекать маме на самую возможность существования своего отца. Жаль, не все люди и нелюди на этой грешной Земле знают, что при Виктории Соловьёвой упоминать о её прошлом, особенно о человеке, после которого все мужчины для неё стали если не отвратительны, то перестали существовать как особи, способные скрасить её постельное одиночество...

В последний год количество «молчаливых постов» заметно увеличилось. Самое ужасное, «молчаливый пост» начинался без видимых причин. Света уже начала забывать, как звучит голос матери. Но если бы только голос... Дочь начала забывать истинную суть Виктории. Всё чаще Света сталкивалась лишь с внешней оболочкой матери. И душа в этой оболочке была так глубоко спрятана, что возникали сомнения, а не пуста ли вообще эта оболочка?

Вова. Да, отца, возможно, звали Вова. Но если его – возможно, то не родившегося старшего брата Светы точно так звали!

Он сам ей это сказал...

«ДРЕНЬ-ДРЕНЬ-ДРЕНЬ!!!» – завопил звонок, отсекая занятие, предвещая начало перемены.

– Эй, сонная тетеря, так и будешь здесь сидеть? – сосед по парте потряс Свету за плечо.

– А? Нет, конечно, Саша, чего ты так решил? – ощущение реального мира вернулось со скоростью языка хамелеона, настигающего незадачливого долгоносика.

– Да просто сидела ты, как статуя, вот и решил, – пожал плечами Саша. – Ну, тогда жду тебя во дворе.

Света ещё с минуту сидела, потом принялась собираться. Всех одноклассников как ветром сдуло в школьный двор, и девушка не хотела становиться исключением.

У дверей её окликнул учитель:

– Светлана Соловьёва, вам не понравились занятия?

– Нет, Зиновий Сергеевич, с чего вы взяли? Мне очень понравилось, просто я сейчас себя не совсем хорошо чувствую, у меня эмм... голова болит.

– Свет, я понимаю, что сейчас в твоей голове места для учёбы совсем мало. Возраст такой, что только и думаешь о том, что у парней в штанах болтается.

– Зиновий Сергеевич! – лицо Светы налилось краской.

– Соловьёва, не придуривайся, – Градов достал из нагрудного кармана рубашки платок, вытер пот со лба и вернул платок на место. Украдкой глянул на шкалу настроения – жёлтый сектор. Хорошо... Утром был ещё красный. Занятия всегда повышали ему настроение. – В конце следующей недели ваша параллель проходит тест на совершеннолетие. Поверь моему опыту, практически все девчонки пройдут его положительно. Ты вряд ли станешь исключением – у меня глаз намётан. Из вашего десятого «В» тест не пройдёт разве что Крохина. Ну, под сомнением ещё Ли и Голубченко. Пятьдесят на пятьдесят, я бы сказал.

– Зиновий Сергеевич, зачем вы мне это говорите?

– Такова моя работа. Видишь ли, пройдя этот тест, ты ничем не будешь отличаться от меня в смысле прав и обязанностей. И если раньше твоя мать могла брать на себя вину за твои огрехи, то после теста за все поступки будешь отвечать одна ты. Я весь урок об этом говорил, но ты меня не слушала. А это очень важно. Я не хочу, чтобы ты наломала дров, не зная, что их уже нельзя ломать.

– Я не собиралась ломать никаких дров. Да и раньше не ломала...

– Знаю, Соловьёва, ты у нас хорошая девочка. Ваш класс весь хороший. Не то, что десятый «Г». Там одни кретины и крестинки, уж извини за откровенность. Ладно, не будем о них... Будем о тебе. И о твоей матери. Она забеременела до того, как прошла тест...

Глаза Светы округлились:

– Откуда вы это знаете?!

– Обязанность любого хорошего педагога – знать всё о своих учениках. Вплоть до личных данных, не открытых общему доступу...

Света всё это время стояла у раскрытой двери. Сейчас она сообразила, что этот разговор как раз из тех, которые не должны быть открыты «общему доступу». Она закрыла дверь и подошла к столу учителя, шёпотом спросила:

– И много вы обо мне знаете?

– Достаточно, чтобы быть за тебя в ответе, – тихо ответил Зиновий.

– Вы знаете что-то про моего отца? – не удержалась Света.

Градов ответил только после задумчивой паузы:

– Нет. Я как-то пытался выяснить это у твоей матери, но она просто перестала со мной разговаривать. Такое бывает, когда человек в прошлом испытал очень сильную эмоциональную травму. Так что ты по возможности старайся не бередить прошлое – твоей маме от этого делается очень плохо. И на твоём месте я бы следил за уровнем её настроения...

– Я слежу, – кивнула Света. – Почти всё время в красном секторе. Но насчёт травмы я не уверена. Когда у неё случается «молчаливый пост» – настроение обычно держится в жёлтом уровне. А как-то раз я даже видела стрелочку в зелёном...

– Хм... интересно ты называешь крайнее состояние апатии твоей матери. Но более удивительно про датчик настроения. Наверняка он плохо настроен. Я слышал о таких случаях – вместо того, чтобы попасть в чёрный сектор, стрелка скачет куда ей только заблагорассудится. Так бывает, если неправильно подогнать волновой приём эмоциональных всплесков. Я настоятельно рекомендую твоей матери сходить в сервисный центр и перенастроить датчик настроения.

– Я скажу ей.

«ДРЕНЬ-ДРЕНЬ-ДРЕНЬ!!!» – завопил звонок, отсекая перемену, предвещая начало урока.

– У меня всё равно сейчас окно. Соловьёва, мы немного отвлеклись. Я вёл к тому, что тебе не следует повторять ошибок своей матери... Ну, ты ведь понимаешь о чём я?

Света покраснела, но ничего не ответила.

– Впереди выпускные экзамены. Ты не задумывалась, почему я говорю с тобой, а не с той же Крохиной или Ли? Они середнячки. Сдадут всё на допустимый балл и пойдут себе на завод работать, или швеями, или в первомайский колхоз устроятся, коров и коз доить будут, выйдут замуж по залёту... Но ты, Света, ты не такая. Я редко ошибаюсь в людях. Ты и ещё Зарецкая Лида из десятого «А»... Вы можете сдать экзамены на высший балл. Табель вашей успеваемости на должном уровне. Вы реальные кандидаты на поступление в университет.

– Национальный университет кораблестроения? – Света выпучила глаза от неожиданности.

– Да. Я думаю, тебе не стоит объяснять, какие перспективы откроются для тебя...

– Но достойна ли я? Потяну ли?

– Если перестанешь думать о парнях и больше времени уделишь занятиям, то потянешь. Да, будет трудно, да, многим придётся пожертвовать... Но посмотри вокруг, Света, у тебя есть реальная возможность жить намного лучше, чем мы все. Занимать высокую должность здесь, или, если повезёт, переехать в Киев, а если совсем уж повезёт, так и в Москву...

– Москва... – мечтательно прошептала Света. – Интересно, как там...

– Получше чем у нас, в городе Н, поверь уж мне, – вздохнул Градов.

– Да слышала я... Но и мечтать боялась... – Тут лицо её погрузнело: – Лида. Её отец совсем недавно умер.

– Я знаю! – раздражённо ответил Зиновий Сергеевич. – Мы уже поговорили. Ты свободна. И не забывай о нашем разговоре.

Свету удивил резкий тон последних слов учителя. Но что тут поделать? Он учитель, как хочет – так и разговаривает. Надо спешить, а то урок уже минут семь как идёт. Математичка ругаться будет, стерва старая, как же её все ненавидят!

Хлопнула дверь. Зиновий Сергеевич остался один в аудитории. Вытерев пот со лба, он поглядел на шкалу настроения. Красный сектор.

Быть хорошим педагогом – тяжёлая работа...

Из жизни доблестной милиции 2

Психокинетика – не пустое слово, используемое болтунами для перчинки в социально бесполезных разговорах. Чан Вэй Кун, в отделе по борьбе с особо опасными преступниками получивший кличку Малыш за жилистую худобу и невысокий рост, знал это не понаслышке.

Телепатия – одно из самых на первый взгляд безопасных проявлений психокинетики. Телекинез гораздо опаснее и страшнее. Обладатель такого побочного эффекта мозговой деятельности способен, к примеру, засадить иглу из подушечки вашей жены, склонной к вышиванию, прямо вам в глаз, или ещё куда-нибудь. И поглубже, поглубже...

Телепаты способны отслеживать мысли, подобно посетителю в музее. Вот он переступает ваш порог сознания, бродит по коридорам мыслей, смотрит на экспонаты – некоторые из них скрыты под пуленепробиваемым стеклом, некоторые – лишь ограждены ленточкой и надписью «руками не трогать»... Так вот, подавляющая часть телепатов способна лишь смотреть на экспонаты. Подслушивать ваш шёпот в туалете. Быть молчаливыми соглядатаями ваших снов. Телепаты первой степени, они малоопасны для общества.

Есть телепаты второй степени. Они способны прикасаться к экспонатам вашего мозга минуя надпись «руками не трогать». Их немного. Но в последнее время наблюдается тревожная тенденция увеличения их численности. Они способны звучать в разуме жертвы отдельным голосом. Чем-то вроде параллельного голоса разума или совести. Никогда не обращали внимание на голоса в вашей голове? Все ли они принадлежат вам?.. В этом случае

всё зависит от силы воли жертвы и от желания прислушиваться к тому или иному шёпоту в голове.

И третья степень телепатов. Те, кто способен образно говоря «разбить пуленепробиваемое стекло». Их предполагаемая численность не больше нескольких десятков по всему земному шару. Большинство из них достаточно хитры, чтобы маскировать свои способности. Отслеживать их крайне сложная задача. Обладающие третьей степенью телепатии способны частично подчинить волю жертвы, заставляя совершать запрограммированные ими поступки. Единицы обладают силой полностью подчинить человеческий разум на неограниченный промежуток времени. Данные про расстояние, на котором действует их сила, ещё уточняются.

В исключительных случаях наблюдаются одновременные способности телепатии и телекинеза. Что делает задачу поимки такого объекта крайне сложной.

Но выполнимой.

Каждый сотрудник отдела по борьбе с особо опасными преступниками знает, что психокинетические способности открываются лишь после употребления байгана. Эту особенность следует учитывать при поимке нарушителя закона.

Даже грозный, способный превратить твой разум в куриную отбивную, телепат третьей степени без наличия живительного байгана в лёгких – простой, ничем не выдающийся человек из плоти и крови...

«Застрели себя, застрели себя, застрели себя, тупая легавая тварь, застрели себя!» – звенело в голове Малыша.

Телепат второй степени закрылся в ванной комнате. Выходить оттуда он, разумеется, не собирался. Чан был опытным милиционером, со стойкой психикой. Ему часто приходилось слышать чужие голоса в голове и пока ему удавалось с ними справляться. Сегодняшний случай не стал исключением.

От точного, натренированного удара ногой засов со звоном вылетел. Дверь хлопнула, оставив трещины в кафеле. Малыш ворвался в ванную. Загнанный в ловушку преступник взмахнул осколком зеркала, целясь в горло. Чан уклонился и провёл подсечку. Телепат и не понял, как очутился на полу с заломленной за спину рукой. Колено милиционера упиралось ему в шею, придавливая щеку к грязному кафелю.

«Щёлк-щёлк» – сказали наручники за спиной преступника.

Глава 3

Убогие, проигравшие в неравном бою с разрухой и запустением улицы, трещины в стенах домов, растения, лезущие из дыр в десятки лет не отремонтированных дорогах... И радужные новенькие рекламные стенды байгана. Билборды, плазменные панели и лазерные проекторы – расхваливали новинки и отдавали должное полюбившимся в народе брендам. Наряду с ними часто попадались красные плакаты с белыми надписями, расписывающими все достоинства пенсии, и почему на работе следует вкалывать, как вол, и много ещё чего...

Пенсия... В неё сейчас верят больше, чем в Бога... Что он, Бог, даёт людям? Жизнь после смерти? Пенсия же даёт жизнь во время жизни...

В зависимости от социальной пользы, людям полагается различная пенсия. Вот соседу Зиновия Сергеевича, слесарю Андрею Викторовичу Васильеву старость обеспечена в пенсионном пансионате Алма-Аты. Старший брат Зиновия Сергеевича, в прошлом водитель трамвая, уже третий год как отдыхает в пансионате Москвы. Самому же Зиновию Сергеевичу, старшему учителю средней школы №22 с углублённым изучением дагонского языка, забронировано место в пенсионном пансионате города Ялта.

Эх, Ялта, Ялта, сколько же ещё тебя можно ждать? Ещё чуть-чуть, совсем немножко...

Скучает ли Зиновий по своему старшему брату Андрею Сергеевичу Градову? Было бы лицемерием ответить, что да, скучает. Хотя с другой стороны, есть некая доля и этого чувства. Но на самом деле Зиновия мучила отнюдь не тоска. Зависть! Чистая, голая, непоколебимая ЗАВИСТЬ! Зиновий Градов как проклятый корячится с этими школьниками неблагодарными, а в это время его братец Андрей жирует в московском пансионате! И самое досадное, что толком и не знаешь, чем он там занимается. Первое правило выхода на пенсию – никаких мостов. Всё сжечь. Оторваться от прошлого, как пух, сорванный ветром с тополя. Таков неписанный закон. В принципе, он не лишён рационального зерна, ведь как можно вступить в новую, лучшую жизнь, не порвав при этом со старой, худшей и опостылевшей?

Нет, конечно же, любой родственник может справиться о состоянии дел своего счастливого пенсионера. Банальный запрос на адрес пансионата. По установленной форме, просто и лаконично. Сам Зиновий несколько раз делал такой. Обычно приходили типичные письма за подписью информационного сотрудника: брат передаёт вам привет, он доволен всем, наслаждается жизнью на полную катушку, в связи с чем очень занят и просит нас ответить за него. Два раза приходил видеоответ, в котором сияющий счастьем братец на фоне сказочного парка, усеянного тропическими растениями и автоматами с бесплатным байганом, желал Зиновию скорейшей пенсии, во время которой он «наконец-то заживёт по-настоящему».

Видеоответы особенно раздражали Зиновия. Просмотреть их можно только в публичном видеозале, прилично выстояв в очереди, во время которой волей-неволей смотришь видеопослания других пенсионеров-счастливиц...

Ничего, ждать совсем недолго. И, о счастье, Ялта, Чёрное море, галька, ледяное пиво в запотевшем стакане...

И дорогой байган «Пенсионный». Море байгана на море...

И никакой кислорожей Лизы, сделавшей Зиновия искусственным импотентом!

После вступления в брак муж и жена имеют право внести в «пенсионный договор» коррективы. Эта поправка внесена в закон «О труде и пенсии» специально для случаев, если супруги хотят выйти на заслуженный отдых в одно время, в один и тот же пансионат. Либо не в одно и то же время, но всё равно в один и тот же пансионат. В таких случаях высчитывается количество рабочих часов с учётом социальной пользы каждого супруга в отдельности и распределяется в соответствии с их пожеланиями.

После свадьбы Зиновий Сергеевич всё никак не мог дойти до пенсионного бюро, чтобы внести нужные изменения, да и Лиза его не торопила. Потом житейская кутерьма, работа, дом... забылось, в общем. А когда вспомнилось, уже на старости лет, то желание проводить остаток жизни друг с другом как-то не возникло ни у Лизы, ни у Зиновия. Так и остался каждый со своим пенсионным сроком. Зиновию оставалось меньше месяца до Ялты. Лизе – немногим больше двух лет до горнолыжного курорта Славское, что в Львовской области.

Зиновий Сергеевич всегда возвращался со школы одним и тем же путём. Сотня метров до трамвайной остановки, двадцать-тридцать минут давки и прелого запаха потных тел, потом два квартала до троллейбусной остановки, с полчаса давки и запаха и старческих болезней, ещё каких-то двести метров пешком, потом на восьмой этаж, разумеется, тоже пешком, ведь лифт так давно не работает, что подрастающее поколение и не знает вовсе, с чего бы это в стенах странные двери с вертикальными разрезами ...

Сегодня Зиновий Сергеевич Градов надумал изменить традициям. Хотя традициями не совсем уместно называть нужду в экономии... Нет, взять одно из дюжины городских такси – поступок более чем безрассудный. За него придётся вывалить две трети месячной зарплаты. И пусть у Градова скоро пенсия – это не значит, что следует делать безрассудные поступки! Зиновий решил просто пройтись пешком. А почему бы и нет? Постоянная беготня, занятость, с работы домой, из дома на работу. В перерывах запикиваешься едой, иногда встречаешься ненадолго с друзьями, но ты так устал, что и удовольствия от общения с ними почти не

получаешь. Неужели Зиновий запомнит город Н именно таким? Безликим ландшафтом, эфемерной декорацией? Он родился здесь, учился здесь, работал здесь, если не считать двух лет работы в московской школе-интернате для умственно-отсталых детей, и что же? Яркие детские воспоминания давно затёрлись, выцвели, побледнели. Что заберёт с собой в Ялту Зиновий? Пустоту, которая когда-то была его домом. Но может ли пустота быть домом? Может ли дом превратиться в пустоту?

С этими запутанными размышлениями Градов и не заметил, как прошёл кварталов семь, не меньше. Остановился у ближайшего бетонного столба с выщерблинами. Осмотрелся и понял, что его затея была обречена на провал с самого начала. Город и был бледным, эфемерным, уставшим призраком его детских воспоминаний. Город Н давно умер. Сейчас его труп медленно разлагался на костре солнца, раздуваемом ветром времени. Разбитые дороги, прогнивающие крыши, исписанные граффити стены доживающих свой век домов и заборов, растущие откуда только возможно сорняки в человеческий рост, и эта долбанная полынь. У доброй половины населения аллергия на её резкий запах. Только антигистаминный байган «Чистый вдох» и помогает бороться с ним...

Зиновий Сергеевич встряхнул головой, словно хотел разогнать стаю гнетущих, пессимистичных мыслей. Город Н не сильно изменился за эти десятилетия. Но изменился сам Градов. И то, что раньше в нём вызывало кристально чистый детский восторг, сейчас порождало ухмылку, а то и отвращение.

И от этого становилось грустно. По-настоящему грустно...

Зиновий поглядел на шкалу настроения. Стрелка застыла у самого дна красного сектора. Ещё чуть-чуть, и вновь чёрный. К чёрту воспоминания! К чёрту город Н!

Ялта, ещё немного, ещё совсем немного...

Зиновий Сергеевич в сердцах плюнул на бурьян под ногами. Да ну всё это, к чертям собачьим!

В следующем квартале стояла телефонная будка. И, как ни странно, пластмассовая трубка подавала признаки жизни! По ней Градов и вызвал такси.

«Ожидайте, машина скоро будет» – квакнул неприятный женский голос, после чего раздались отрывистые гудки. Казалось, диспетчер удивилась заказу не меньше, чем сам Зиновий Сергеевич, который за всю жизнь никогда не ездил на такси за свой счёт.

Обдавая Зиновия потоками горячего воздуха с поднятыми с земли песчинками, такси приземлилось невдалеке от телефонной будки. Это был дряхленький флаер системы «Волга-2074». Старый, с выцветшей краской и ржавчиной на капоте и днище. Передний двигатель ревел, как подстреленный в мошонку носорог, задний молчал, что означало лишь одно: он уже успел отдать механическому богу свою промасленную душонку. Дюзы поворачивались с пронзительным скрипом, а рулевые хвосты были настолько ржавыми, что невольно заставляли верить в чудеса, ведь им давно полагалось бы прахом рассыпавшись отдаться забвению... Оставалось только гадать, как эта рухлядь способна отрываться от земли.

Зиновий направился к флаеру, мотор которого оглушительно прочихался, как подавившийся жабой чупакабра, прежде чем заглухнуть.

Мордоворот в чёрной кепке блином, с козырьком, напозим на широкую лобную морщину, кивнул на наклейку на лобовом стекле, которая без затей гласила следующее: «ДЕНЬГИ ВПЕРЁД!». Лапищи таксиста, больше похожие на штыковые лопаты, чем на человеческие руки, мёртвой хваткой держали рулевое колесо.

– У меня сейчас недостаточно денег, – развёл руками Зиновий Сергеевич. – Но я вынесу, когда мы прилетим ко мне.

Мордоворот фыркнул и повернул ключ зажигания. Мотор прочихался и не завёлся. Мордоворот фыркнул ещё громче, как конь, и вновь повернул ключ. Мотор отчаянно закашлял, зачихал, несколько раз даже пукнул, если такое сравнение уместно, и всё-таки завёлся.

– Эй, дружище, тебе какое дело?! Я заплачу, честно! – сообщил Зиновий, с переменным успехом перекрикивая мотор и свистящие вхолостую дюзы. – Вот тебе все деньги, что есть сейчас! Здесь немного, но остаток я отдам! Отвечаю!

Скорее всего, из монолога Зиновия мордоворот услышал только слово «отвечаю», но и его оказалось достаточно. Таксист молниеносно выхватил лапищей деньги из протянутой в окошко руки, после чего нехотя кивнул, мол, давай, садись.

Дверца пассажирского сиденья заела. Так показалось Градову. Но на самом деле её просто нужно было сильнее дёрнуть. После некоторой борьбы с ручкой, Зиновий раскрыл эту коварную тайну и погрузился в салон.

– Садовая тридцать один. Второй подъезд.

Мордоворот кивнул и вдавил педаль акселератора в пол – дюзы выплюнули мощную струю горячего воздуха. По всем законам реактивной тяги, флаер оторвался от земли, набрал высоту и понёсся над плоскими, покрытыми рубероидом крышами дряхлеющих домов.

В салоне стоял запах мышей, пота и высокооктанового бензина. Пассажирские сиденья знали лучшие времена: из разошедшихся швов торчал пожелтевший поролон, погрубевшая обивка злобно тёрлась об одежду.

Зиновий приоткрыл окно, и прохладный ветер ворвался в салон, унося с собой часть застоявшегося смрада.

– Эй, не открывай окно, нарушишь аэродинамику! – голос таксиста был по-детски писклявым, что абсолютно не соответствовало его габаритам и грубой мужицкой внешности. Теперь понятно, почему он такой неразговорчивый.

– А зачем тогда ручки для стёкол стоят? Чтобы на них смотреть? – Зиновий решил, раз уж вываливать за такси громадную сумму денег, так хоть понаглеть при этом.

Таксист пробурчал себе под нос нечто неразборчиво-нецензурное.

Окно осталось открытым.

Остаток пути они летели молча. Зиновий заговорил, когда флаер подлетал к его кварталу:

– Слушай, а давай ты меня к балкону подвезёшь? Там я себе тихонечко перелезу и деньги тебе вынесу. Чтоб я не поднимался по лестнице, лифт всё равно не работает...

– Ты что, спятил, старик? – пропищал мордоворот.

– А что здесь такого? – как только мог безразлично спросил Градов.

– Что такого? – таксиста аж затрясло от негодования. – Что такого? Мы всех твоих соседей всполошим. Может, и стёкла кому-нибудь вынесем! Ты совсем уже из ума выжил на старости лет?

– Закройся, щенок! – Зиновий дал мордовороту смачный подзатыльник.

Таксист от неожиданности на секунду выпустил руль, и флаер совершил в воздухе затейливый пируэт.

– Заткнись, и делай так, как я сказал! Понял, паршивец этакий?

– Сотню сверху, – выдавил из себя мордоворот, потирая затылок. Лицо его побагровело от гнева.

– Десятку, и ни копейкой больше, – чеканя каждое слово, произнёс Градов.

– Ну ты и псих, – пропищал мордоворот.

Зиновий ничего не ответил.

Случилось так, как и предполагал таксист. Мощные струи воздуха из дюз выбили несколько соседских окон, в дыры высунулись недоумевающие жильцы. Поднялась кутерьма. Кто-то что-то кричал, где-то ревел ребёнок, кто-то стучал шваброй в потолок, а кто лупил гаечным ключом по батарее. Никто не был готов к «нашествию такси с неба»...

Винючник переполоха не без труда вскарабкался к себе на балкон. Жена встретила его с выпученными глазами, очень уж похожими на медяки.

Этими медяками она наблюдала, как муж вытряхивает на кровать коробку с их семейными сбережениями, берёт из образовавшейся денежной кучки значительную сумму и возвращается на балкон. Там он вручает эти деньги таксисту, кровно заработанные, отложенные на чёрный день деньги! Глаза у таксиста, правда, такие же круглые, как и у жены. Ему это тоже в новинку. Кажется, единственный человек во всём доме, сохраняющий спокойствие, это Зиновий Сергеевич Градов. Человек, которому до пенсии осталось меньше месяца. Человек, из-за которого начался весь этот шум-гам-тарарам. Флаер системы «Волга-2074» взмывает в небо. Как можно дальше от учинённого его дюзами погрома. Лишь несколько километров спустя мордovorot вытрет со лба пот, тяжело вздохнёт и... разразится диким, безудержным, откровенным ребяческим смехом!

С исчезновением такси шуму становится чуть меньше. Всполошенные люди продолжают кричать, визжать и ругаться. Телефонная трель не прекращается. Вот уже и первый звонок в дверь квартиры Градовых...

– Ты что же это делаешь, козёл старый? – выдавливает из себя жена.

– А знаешь что, Лиза, знаешь что? – Зиновий смотрит на жену с вызовом, уголки его губ приподнимаются в язвительной улыбке. Градов старается держаться прямо, но предательски подрагивающие руки прячет за спиной. – А знаешь что, зайка ты моя? А знаешь что, рыбочка?

– Что? – Зина срывается на истерический крик: – Что, Зиновий? ЧТО?

– А ничего, – ухмыляется Градов. – Абсолютно ничего! Спокойной ночи...

С этими словами он идёт рыться в кладовой. Там он откапывает старую раскладушку, на которой и засыпает. На кухне.

С этого дня Зиновий никогда больше не спал с Лизой на одной кровати.

За разбитые стёкла соседей пришлось вывалить немалую сумму. За то, чтобы некоторые «особенно расстроенные поступком Зиновия» соседи не писали доносов в милицию, пришлось вывалить ещё больше. Семейные сбережения прохудились где-то наполовину...

Перед сном Зиновий поглядел на датчик настроения.

Зелёный сектор...

На столбе объявлений меня привлёк красочный постер. На переднем фоне криво улыбался чупакабра, облачённый в красный с чёрными полосами костюм, уж очень похожий на ливрею, если б не пристёгнутые к поясу плетё и револьвер. За спиной дрессировщика крылатые мартышки дразнили какое-то не поддающееся классификации существо – нечто похожее на смесь змеи и ежа. Там были ещё какие-то диковинные звери, но моё внимание приковали к себе мартышки и уродливый объект их издевательств. Не мудрено, что они его дразнят...

На постере кричащими красными буквами сообщалось о том, что только такого-то числа, такого-то месяца в город Н приедет цирк Великого и Ужасного Боно Укротителя Мутантов. Также постер рекомендовал поспешить с приобретением билетов, ведь представление будет дано лишь один раз и если кто-то на него не придёт, то будет жалеть об этом до конца своих дней, даже во время пенсии!

Мартышки не умеют летать. Умеют их искусственные братья – гибриды мартышек и орлов. Только большое воображение дагонцев способно породить во плоти подобных уродцев. Хотя по сравнению с остальными их генетическими экспериментами, эти несчастные орломартышки ещё самые безобидные и милые создания...

И хоть меня отвращала ухмылка чупакабры Боно, но почему бы не пойти на его представление? А чтобы одному туда не тащиться, нужно Светку с собой прихватить. Она на

меня обижаются за недостаток внимания. Что ж, отличный повод это исправить. Друзей обижать нельзя!

Представление должно состояться чуть больше, чем через месяц. Если поторопиться, то без труда можно достать билеты где-нибудь на галёрке. А если совсем повезёт – то где-то в центральных рядах. Раз уж решение пойти на бесчинства Боно Укротителя Мутантов принято, то терять время нет смысла.

К ближайшим билетным кассам тянулась солидная очередь. Я занял место за усачом с козлиной бородкой, в шляпе с небольшими полями. Фасон этой шляпы лет эдак двести как вышел из моды. У него я разузнал цену на билеты. Цена шокировала... Я пересчитал содержимое карманов и без удивления обнаружил, что денег не хватает. Усач понимающе кивнул, когда я попросил его придержать в очереди место.

Пришлось попотеть, сбежав домой. Дыхание сбилось напрочь – привет от старой доброй привычки, завезённой нам Колумбом. Ей-богу, во время той злополучной пробежки я сотню раз пересмотрел взгляды на жизнь: лучше бы я на байгане сидел, чем пытался заменить его сигаретами. От байгана одышка вряд ли появится. Ну, это если правильный байган нюхать, конечно же. «Здоровье ультра» называется. Дорогой, правда, зараза, но кто ж на здоровье экономит, особенно если оно – ультра?

Как ни странно, очередь не сильно продвинулась. Зато хвост у неё очень даже прибавился. Ловя на себе осуждающие взоры, молчаливо глотая колкие замечания, мне всё-таки удалось протолкаться к законно забронированному месту. Козлобородый не подвёл и признал во мне человека, занявшего за ним очередь. Это очень расстроило одного амбала в конце очереди, демонстративно хрустевшего костяшками пальцев. Выкуси, здоровило, сегодня твоим кулакам не измазаться моей кровью!

Через какое-то время я восстановил дыхание. Мысли о байгане и отказе от сигарет тут же показались мимолётной трусостью и смехотворной слабостью. Стало даже немного стыдно за проявленный очажок слабоволия. Из этой искорки может вспыхнуть дикое пламя, в секунду способное сожрать мои твёрдые взгляды на жизнь. Кто мы без этих взглядов? Безликие мясные мешки с костями!

Погасить искру куда легче, чем пожар...

Очередь продвигалась медленно. Мучительно медленно. Что они там, заснули все? Хотя бы одна касса, но должна ведь работать? Достали меня эти очереди!

– Дагонцы, слышь друг, ты задумывался о них вообще? – заговорщицки шепнул мне на ухо козлобородый усач в котелке.

– Я не понимаю о чём вы.

– Вот скажи мне, ты их когда-нибудь видел? – продолжал шептать козлобородый.

Его дыхание заставило меня поморщиться: здесь был обильный запах лука, чеснока, яиц и, как ни странно, табачного перегара. Но ни намёка на алкоголь или байган – а на них у меня нюх, как у собаки. С моей работой иначе нельзя...

– Да по телеку только их и видно. Рекламы там всякие, передачи...

– А вживую, парень, вживую ты их видел? – усач схватил меня за предплечье и сильно сжал. Я машинально стряхнул руку, для профилактики проведя залом кисти...

– Ай, парень, больно ведь!

– Нечего за руки хватать, – спокойно ответил я, после чего выпустил кисть, – в следующий раз по носу дам.

– Усёк, – кивнул козлобородый. – Меня зовут Афанасий Михайлович Махно. Ты можешь называть меня Дядя Афанас. Ты мне в сыновья годишься, а может и во внуки.

– Короче, дядя, чего ты прицепился?

Я начал терять терпение, к тому же буравящий спину взгляд амбала в хвосте очереди не добавлял душевного комфорта.

– Дядя Афанас, – поправил усач.

Он всё продолжал шептать мне на ухо, хотя его громкий шёпот привлекал внимания больше, чем если бы козлобородый говорил обычным тоном. Мне не без оснований показалось, что у него не все дома. Да и действительно, какой здравомыслящий человек натянул бы на голову такую старомодную дрянь?

– Короче, Дядя Афанас, чего ты прицепился?

– Парень, ты не похож на простых тупарей-потребителей, в твоих глазах горят интеллект и здравомыслие. К тому же от тебя пахнет сигаретами.

– А сигареты тут причём?

– Кто сейчас курит? Только единицы из миллионов, настоящие личности, а не тупорылая быдлота. Стадо.

– Эмм... – я попытался придумать наиболее изящную фразу, чтобы послать этого душевнобольного куда подальше.

– Не задерживай очередь, чмо! – донесся грубый мужской голос из хвоста очереди.

Гнев вымел из головы все замысловатые изящества посылания Дяди Афанаса куда подальше. Но это был беспомощный гнев, ведь я и в самом деле задержал очередь, топчась на месте.

– Они не существуют, – раздалось шипение Дяди Афанаса у меня над левым ухом.

– Кто?

– Дагонцы, – едва различимо сообщил шёпот.

– А?

– Б! Дагонцы...

– Нет, мужик, ну ты в самом деле не с нашей галактики, такую чушь мелешь.

– Ты их не видел, я их не видел, никто из живых людей их не видел, – всё не унимался козлобородый усач в котелке. – Только эти долбанные чупакабры утверждают, что их видели. Но кто такие чупакабры? Результат неудачного генетического эксперимента сумасшедших учёных, если спросите меня.

Дядя Афанас впери́л в меня серо-зелёные, как кристаллы апатита, глаза. Они горели странным огнём. Нет, сумасшествия в нём, как ни удивительно, не было. Ну, или почти не было. Что же в них было? Щепотка одержимости, горсть уверенности, ложечка надежды на понимание. Это взгляд убеждённого человека, но отнюдь не шизофреника.

– Я вас не спрашивал, – вяло отмахнулся я.

Вопреки рассудку я ощутил нездоровое желание выслушать этого человека. Узнать к чему же он клонит. Пусть всё, что он несёт, и бред, но зато интересный бред. Просто хотелось утолить разыгравшееся праздное любопытство. Не больше.

– Ты заметил, что дагонцы, которых показывают нам по телевизору – похожи на смесь человека и рыбы. Нечто среднее, изошрённо-извращённое, и в то же время не отталкивающее человеческую природу.

– Да не задерживайте вы очередь, мудацьё собачье! – вновь раздался грубый мужской голос уже в середине очереди, которая раньше была хвостом.

Я задержал дыхание и досчитал до десяти. Выдохнул. Ничего страшного, не обращай внимания, наплюй на него, он идиот, не надо уподобляться ему. Забей, короче.

– Молодой человек, – пробаритонил собеседник, – давайте продолжим наш разговор чуть позже. Очередь почти до нас дошла. Возьмём билеты и поговорим в нормальной обстановке, чтобы никто не подгонял и не делал замечания. Согласны?

Я едва заметно кивнул.

Остаток времени в очереди мы простояли молча. Билеты на представление взяли в двадцатом ряду; не очень-то и близко к сцене, но и на том спасибо. Места выписывали в порядке живой очереди, и моё оказалось по соседству с местом козлобородого. Хорошо это или плохо – я не стал утруждаться подобными раздумьями.

Дядя Афанас жестом позвал за собой. Нормальный человек пошёл бы в диаметрально противоположном направлении, размышляя о том, сколько же нынче психов развелось на белом свете. И был бы сто раз прав! Но кто сказал, что я нормальный человек? Все нормальные люди байган употребляют и со школьницами не дружат, а если дружат, то уж совсем не моей наивной дружбой, а более взрослой, после которой обрюхатившиеся девчонки в очередь на бесплатные аборты выстраиваются...

Козлобородый завёл меня в пустынный переулок. Несмотря на то, что стоял день, мне стало не по себе. Сейчас этот человек, облачённый в одежду из прошлого, достанет соответствующую своей эпохе раскладную бритву, приставит её к моему горлу, и... Ох, Джек Потрошитель, вот где ты скрываешься от полиции Скотланд-Ярда!

– Я смотрю, тебя смущают мои часы? – поинтересовался Джек Потрошитель.

– Часы?

Джек отодвинул полу странной куртки в широкую белую полоску и вынул из кармана жилета металлический блин, цепь от которого была пристёгнута к поясу. Край этой цепи, выглядывающий из-под куртки, и привлёк внимание. Это могло стать потенциальным оружием, и посему мои нервы натянулись, как стальные струны. Ноги ударило мелкой дрожью, они только и ждали команды, чтобы пуститься наутёк, спасая меня от неприятностей. Чёрт дёрнул пойти за этим козлобородым!

«Клац» – сказал металлический блин. Я чуть не подпрыгнул на месте.

– Какая нервная сейчас пошла молодёжь, – улыбнулся Джек Потрошитель. – Это обычные часы. Механические. Раритет! Таких уже лет сто не делают, если не больше.

Я подошёл, недоверчиво поглядел на странные стрелочки и циферки под стеклом, потом посмотрел на свои дешёвенькие «кассио», потом опять на стрелочки и циферки. Ну да, разница во времени – около двух минут. Этот идиотский блин и в самом деле часы! Не удивительно, что их уже не производят...

– Должно быть, я кажусь тебе немного... – козлобородый почесал затылок, – немного странным?

– Ты похож на Джека Потрошителя, – не стал врать я. – В детстве у меня такой комикс был.

– Комикс... – вздохнул Дядя Афанас. – Вот на кого, значит, я похож? На картиночки и крикливые фразочки.

– Вас это расстраивает? – я немного успокоился, но бдительности не сбавил.

– Да нет, – отмахнулся Афанасий Михайлович Махно. – Это не удивительно. Сейчас время такое. Каждого, кто ходит в костюме тройке, котелке и проверяет время по механическим часам, сейчас считают или сумасшедшим, или иностранным шпионом, или, как в твоём случае, Джеком Потрошителем.

– А почему вы так ходите?

– Ну, видишь ли... – тут Дядя Афанас картинным движением руки почесал бородку. – Да какая тебе разница? Мы сюда пришли не о моём внешнем виде разговаривать. К тому же эти мусорники смердят.

– И что вы хотите мне сказать? – странно, но вонь из мусорных баков меня почти не раздражала. – Про дагонцев? Всемирный заговор и всё такое?

– Это не смешно парень, – серьёзное выражение лица не шло Дяде Афанасу, особенно в сочетании с его бородкой и котелком. Про усы я вообще молчу. – Дагонцев не существует! Зато заговор, о котором ты так ветрено рассуждаешь, существует на самом деле. – Он понизил голос, и мне едва удалось расслышать слова: – За ним стоит корпорация «Фармацевтика Бережных Рук».

– Чего? – на этом месте я уже не сомневался, что разговариваю с душевнобольным человеком.

– Того, парень, того, – на лице Дяди Афанаса блеснула улыбка ликования. – ФБР поставляет байган всему миру и очень ревностно хранит его формулу. Ты видел когда-нибудь байган другого производства?

– ФБР создали байган, они его и продают. Какой дурак делиться секретами будет? Обычный рынок, дядя, ничего больше.

– Дядя Афанас, – поправил козлобородый.

– Да хоть Тётя Афоня! К чему ты всё это клонишь?

– Ты правильно про рынок сказал, очень правильно. ФБР действительно создали байган, только они тогда ещё не назывались так. По всем нашим земным законам – это продукт наркотического действия. А как легально продать нелегальный продукт? Нужно запудрить всем мозги! И, как мы видим, мозги они запудривать умеют по высшему разряду. Стойкими к их мозгопромывательству на сегодняшний момент остались лишь несколько стран, но с каждым годом их всё меньше и меньше. Думаю, устоять сможет только Китайская Народная Республика, у них с этим строго, все остальные рано или поздно поддадутся соблазну...

– Так, помедленнее, Дядя Афанас, слишком много слов.

– Разве ты ещё не сообразил? – выкатил глаза козлобородый. – Вся эта история «контакта с иной цивилизацией», все эти рыболоуди, называемые дагонцами, все эти чупакабры, якобы результаты смешанных браков дагонцев и людей – всё это плод изощрённого воображения. Обман. Ложь. Фальшь. Пыль в глаза! Ну сам подумай: прилетают к нам на планету пришельцы, и вместо того, чтобы крушить здания, выжигать города сверхгалактическим оружием – они начинают торговать байганом. Продуктом, который тут же бьёт все мыслимые и немыслимые рекорды продаж. Продуктом, образ жизни с которым навязывают нам везде: в метро, в телевизоре, на заборах наших домов и дворов, на тюбиках зубной пасты, на обоях наших квартир, под крышами наших церквей, даже на туалетной бумаге, чтоб чёрт их побрал! Продуктом, к которому пристращаются, как к наркотику и без которого не представляют жизни миллиарды людей. Потому что это и есть настоящий наркотик! А как можно продать наркотик на Земле, где психотропные вещества запрещены? Оказывается, очень просто – всего-то и нужно, придумать стайку недобитых инопланетян, создать от их имени корпорацию «Фармацевтика Бережных Рук» и продавать как космический товар, не поддающийся существующей на Земле классификации, а, следовательно, и не запрещённый. И пока люди не пришли в себя, пока не начали вводить запреты – лоббированием своих интересов отсечь подобную возможность, благо коррупционеров повсюду хватает. А как красиво они ведут ассоциативную пропаганду! Назвать свою корпорацию по аббревиатуре американского федерального бюро расследований – структуры, известной во всём мире и подсознательно вызывающей страх, доверие и послушание. И эти «дагонцы» – лишь качественно прорисованные компьютерные модели. Уверен, над ними работала не одна сотня лучших голливудских специалистов. И за названием, и за формой долго не гонялись, содрали всё с Дагона – западносемитского бога, покровителя земледелия...

– Но зачем? – обречённо выдохнул я.

Мой мозг уже давно расплавился, как сыр в микроволновке.

– Как зачем? Чтобы «инопланетяне» подсознательно не вызывали отвращение, чтобы в них была «частичка Земли». Ты в курсе, что любой не зародившийся на нашей Планете биологический организм будет в корне отличаться от всего, к чему мы привыкли, к тому, что мы знаем, что мы видели? Прилети гости с другой галактики на самом деле – людям бы понадобились десятилетия, а то и века, чтобы привыкнуть к их внешности. У таких уродцев байган вряд ли кто-нибудь покупать станет. Другое дело – «оземляненные» пришельцы. К таким гораздо быстрее можно привыкнуть и, соответственно, гораздо быстрее начать покупать их товар.

– Так... – здесь мой мозг полностью отключился. – Хорошо. Спасибо за информацию. Можно, я пойду домой?

– Парень, тебя ведь никто не дер...

– Эй! – заглушил речь Дяди Афанаса грубый мужской голос. – Вот где ты, мудило, которое без очереди пролезло!

Амбал уверенно шагал к нам. По выражению тупого лица явно читалось, что шагает он не для дружеских объятий...

Всё произошло слишком быстро. Я не успел полностью увернуться, и направленный мне в челюсть кулачище скользнул по уху. В голове раздался хлопок. Больно. Я ткнул амбала коленом в пах, чем только разозлил ещё больше. Мощные лапы сомкнулись на моей шее. Будь шея послабее – давно бы треснули позвонки от такой неукротимой, нечеловеческой силы. Я бил его по рукам, лягался, брыкался, но всё без толку. Амбал не сбавляли хватки. В глазах помутилось, нечем дышать. Тело слабело, и вскоре я превратился в тряпичную куклу в руках чудовищного Карабаса. Звон в голове всё нарастал. Так вот как звенят колокола по умирающим...

Раздался отвратительный звук – смесь глухого шлепка и треснувшей тыквы.

Пальцы, сжимающие шею, ослабли. Амбал шатнулся и осел. Я высвободился из душащих меня лап. Отдышался. Когда в глазах перестали плясать разноцветные круги, я увидел следующее: возле мусорного бака валялся громадный мужчина, чуть не отправивший меня на тот свет. Из раны в его затылке сочилась густая тёмная кровь. Мужчина тихо поскуливал, как подышающий пёс, попавший под колесо троллейбуса. Невдалеке стоял Дядя Афанас. По его щекам струились слёзы, моча усы и козлиную бородку. В дрожащей руке он держал цепочку и то, что осталось после удара от его механических часов.

– Теперь я понимаю, почему их давно не производят, – я не знаю, откуда во мне нашлись силы для сарказма.

– Я, я, я... я убил его? Я убил его? – бурчал под нос Дядя Афанас. – Убил? Я не хотел, но он такой большой... он бы задушил тебя, да? Да? Я не хотел, я, я...

Мне ничего не оставалось, как склониться над амбалом и пощупать его пульс.

– Жив. Черепно-мозговая. Думаю, если скорая быстро приедет, то откачают...

– Но я, я... Неужели он умрёт, неужели, я убил его, неужели?

– Тише ты, – я пошлёпал Дядю Афанаса по щекам, – всё будет хорошо, слышишь? Слышишь меня?

– Д-да...

Я огляделся по сторонам. Глухой переулочек, глухие стены без окон, ни одного случайного свидетеля.

– Значит так, Дядя Афанасий. Это была самооборона. Моя самооборона, понял? Дай сюда эту цепочку!

Он безропотно отдал мне остатки часов.

– Я всё улажу. Я милиционер. Правда сейчас не при исполнении, но это не играет роли. Повторяю, это была МОЯ самооборона. Мне ничего не будет за разбитый череп этого ублюдка, а вот тебя могут посадить годика на три в самом лучшем случае.

– Делать, что мне делать? – промямлил Афанасий Михайлович Махно.

– Иди домой или куда ещё, только как можно подальше от этого места. Лучше туда, где тебя будут видеть люди, чтобы потом подтвердить твоё алиби. Но уверен, до суда не дойдёт. И постарайся не думать о случившемся. Ты помог мне, я помогу тебе. Усёк?

– Ус-сёк, – затряс головой козлобородый. Да так затряс, что с головы его упал котелок, обнажив лысину, обрамлённую серпом седеющих волос.

Я поднял котелок и протянул ему:

– На, держи свою кепку. И чтоб духу твоего здесь не было!

– Спасибо, тебе, парень, спасибо, спасибо, – затараторил Дядя Афанас и засеменял прочь.

– Тебе спасибо, – я прошептал это уже пустому переулку.

Всё сложилось как никогда удачно. По ближайшему телефонному автомату я вызвал своего напарника – Малыша. Он вскоре прибыл на патрульном флаере. Мы погрузили амбала в отсек для преступников и доставили в госпиталь.

Дальнейшая судьба громилы меня не интересовала. Заявление на него я написал, но на рассмотрение пока не подал, зачем лишнюю шумиху поднимать? Пусть лежит себе в рабочем столе, пылится... А если амбал объявится с обвинениями, тогда и пойдёт в ход эта писуля. Пока что на допрос меня никто не вызывал, значит громила ещё не помер. Да и не мудрено – такому здоровяку нужно что-то посерьёзней старинных карманных часов.

Чан Вэй Куну я наврал, что нашёл часы в мусорном баке. В заявлении я написал то же самое.

Из жизни доблестной милиции 3

– Вар, ню и кабаня ти завалил вчера, – обычно Малыш не разговаривал перед заданием, концентрировался, но этот раз стал исключением.

– Да ладно, не такой он уж и большой, – ответил сержант милиции Говард Андреевич Закиров.

Он сидел за штурвалом их патрульного флаера системы «Крылатый Патриот – 1280». Небо было чистое – ни единого вшивенького облачка – высота тысяча восемьсот метров, скорость девятьсот километров в час. Если не сбавлять оборотов, в Киеве они окажутся через полчаса.

– Нет, большо очень, ти молодец, – китайский акцент Малыша уже давно не смущал Говарда. – Я би с нимь едва справился.

– Чан Вэй, вы непревзойдённый мастер кунг-фу, такой амбал вам на один зубок, – с нескрываемым уважением сказал Говард и подал мощности на джызы.

– Ти хоть знаешь, кого завалил?

– Амбала тупого. Он меня задушить пытался, – Говард непроизвольно провёл рукой по громадным синякам на шее.

– Я наводиль справки, этот амбаль – Михаил Молотов, заслуженный мастер спорта по вольной борьбе, – Малыш сказал это нарочито спокойно, доставая при этом коробочку мятных леденцов из кармана. – Будешь конфетку?

– Нет, спасибо, – ответил Говард и присвистнул. – Ничего себе, заслуженный мастер спорта, а ума и агрессии – как в диком животном.

– Его за неспортивное поведение полгода назад исключили из борцовской федерации, вот и поехала крыша.

Если к китайскому акценту напарника Говард и привык, то к чистому русскому ещё не успел. Словно говорил петербуржец, а не отступник общества Карающий Феникс, известное своими сомнительными связями с Триадами. Остаётся только строить самые фантастические догадки, как Чану удалось иммигрировать в Российскую Федерацию, а оттуда и в Украину, на работу в отдел по борьбе с особо опасными преступниками. Ведь, как известно, от Тριάд беги, не беги – всё равно нежилец...

В любом случае, Чан менял акценты, как фокусник меняет шляпы с кроликами. Делал ли он это сознательно, или получалось само собой – всем знакомым оставалось только гадать.

– Мал... – Говард осёкся. Он был ещё слишком молод и низок рангом, чтобы позволить себе называть напарника по кличке. – Чан Вэй, могу только похвалить ваше мастерство в столь незначительные сроки добывать информацию...

– Вынь язык из моей задницы, Вар, – грубо отсёк Малыш. – Я ненавижу льстецов.

– Простите, – выдавил Говард, который на самом деле восхищался старшим напарником и брал с него пример.

– Забей. Я сейчас немного нервничаю, поэтому избавь меня от церемоний. – Малыш вздохнул. – Я этот разговор завёл не просто так. Мы летим на очень ответственное и опасное задание. Намного опаснее, чем ты можешь себе представить. Ты вчера завалил серьёзного соперника. Он, кстати, уже пришёл в себя, но месяц в палате интенсивного ухода ему обеспечен.

«Знал бы ты, Чан, кто на самом деле его завалил – козлобородый интеллигент в котелке...» – подумалось Говарду.

– Есть два типа милиционеров, – тем временем продолжал Малыш. – Те, кто до самой пенсии сидит в кресле водителя патрульного флаера. Выше старшего сержанта им никогда не светит. Мы их называем «баранщики» – потому что они крутят баранку, хе-хе... И те, кто бросается в омут опасности, когда «баранщики» отсиживают свой зад в безопасном салоне флаера. Нас называют «гладиаторы» или «идущие на смерть».

– Я никогда о таком не слышал, – выпучил глаза Говард.

– Конечно же, не слышал, ты в отделе и полгода не работаешь. Схема у нас проста: к каждому новичку приставляется опытный сотрудник. Он следит за ним, наблюдает, анализирует каждый шаг, как на рабочем месте, так и в свободное время, и когда видит, что помощник созрел – проводит с ним разъяснительную работу. С кем-то это происходит через год, с кем-то через три, а с кем-то вообще не происходит. Я считаю, что ты уже созрел. В общем, ты сейчас должен сделать выбор. Каждый из нас был баранщиком, но не каждый становился гладиатором.

– Чан Вэй...

– Прежде чем говорить, подумай. Хорошо подумай. Смертность гладиаторов очень высока. И по статистике девяносто процентов случаев попадают как раз на боевое крещение. И ещё немного пищи для размышления. Когда тебя брали к нам в отдел, старшие коллеги тут же записали тебя в вечные баранщики. Главная причина – ты не употребляешь байган. Ты ведь знаешь, что нас финансирует непосредственно корпорация ФБР. За всё время ты ни разу не воспользовался причитающимися тебе талонами на байган. Вернее, ты их попросту продавал за бесценок ребятам из патрульно-постовой службы.

– Распоряжаться талонами, как мне казалось, это личное дело каждого, – не удержался Говард. – И вообще, откуда это вам известно?

– Ах-ха-ха, ты что ещё не понял? Я о тебе всё знаю. Вплоть до того, что ты компостируешь мозги ученице десятого класса двадцать второй школы Светлане Соловьёвой. А какая девчонка. Персик! Тебе добрая половина отдела завидует.

Говард хотел что-то сказать, даже рот открыл, но из вмиг пересохшего горла вырвалось лишь неразличимое мычание.

– Суть не в этом, Вар, – сказал Чан. – Посмотри, на каких флаерах летают наши коллеги из других отделов – на древних развалюхах, едва способных тронуться с места. Посмотри на их устаревшее вооружение, и посмотри на наше, соответствующее последним разработкам дагонцев. Мы элитный отдел. И каждый его сотрудник должен быть специалистом высшего класса в своём деле. Да всё те же баранщики – лучшие в стране операторы механизмов наивысшей сложности. Баранщик со стажем без проблем поднимет в воздух многотонный самолёт и выведет его на орбиту Земли, если перед ним будет поставлена такая задача. И поверь моему опыту, такие задачи порой ставятся...

– Но почему меня коллеги записали в вечные баранщики? – Говард хотел спросить совсем другое, и даже не спросить, а возмутиться, но в последний момент именно эти слова сорвались с его губ.

– Я ведь тебе уже сказал, – покачал головой Чан Вэй. – Ты не употребляешь байган. Эта странность смутила многих сотрудников. Но не меня. Я привык ценить людей по сумме их поступков, а не по одному показателю.

– Я хочу стать гладиатором. Идущим на смерть, – Говард хотел сказать это твёрдо, но на слове «смерть» его голос дрогнул. Слишком волнительно и неожиданно всё. – Я эти полгода удивлялся, почему вы не берёте меня на задания, оставляете сидеть в машине. Мне не терпелось пойти вместе с вами, задержать преступника, ощутить адреналин погони...

– Это хорошо, Говард, это хорошо, – кивнул Малыш. – Но подумай ещё раз. Меня ты убедить можешь и менее сложным заданием, но для недоброжелательно настроенных к тебе коллег, увы, нужно что-то посерьёзнее. Как раз такое задание, на которое мы сейчас летим. В Киеве обнаружен телепат третьей степени. Уже есть жертвы среди столичных коллег. Объявлена мобилизация оперативных сил. Это задание может оказаться для тебя не только первым, но и последним. Ты хорошо подумал?

– Да. Я хочу быть гладиатором. И плевал я на этого недобитого телепата.

Чан ещё раз довольно кивнул, а потом добавил, уже с китайским акцентом:

– Мне би твой оптимизм...

Ближе к Киеву облачность усилилась, и пришлось снизить высоту до трёхсот метров. GPS-навигатор верно указывал путь, а бортовая рация всё не замолкала, нагнетая и без того накалённую обстановку. Вот и пригород Киева: ресторанчики вдоль заброшенной автостреды, частные кирпичные домики и громадный зеркальный купол на берегу Днепра. Такие купола стоят в каждом крупном или стратегически важном городе. Купола для счастливчиков – так их называют те, кто ещё не оказался внутри. На этом куполе громоздился медленно вращающийся диск, на котором светилась божественным золотом надпись «ФБР: КИЕВСКИЙ ПЕНСИОННЫЙ ПАНСИОНАТ». Не всегда на дисковом табло светилась именно эта надпись, и не всегда она была золотая. Цвет менялся в зависимости от погоды, времени суток, и времени года. Иногда он медленно переливался из одного в другой. Осенью преобладали жёлтые тона. Летом – красные. Весной буквы любили выкрашивать оттенками зелёного. А зимой, конечно же, всеми цветами радуги, с преобладанием тропических цветов, ведь с «Фармацевтикой Бережных Рук» никогда не бывает холодно – ваше сердце всегда согрето байганом и ослепительными улыбками сотрудников корпорации! Кроме названия пансионата время от времени высвечивалась реклама очередной новинки. В основном это был байган, хотя в последнее время заводы корпорации начали производить и другие бытовые товары. Зубные щётки, туалетные ёршики, вантузы, расчёски, электрические чайники, одноразовую посуду, помаду, воск для эпиляции, влажные салфетки и прочую бытовую радость. Как обещала реклама, вскоре планируется выход нового товара на рынок – зубной пасты на байгановой основе...

Киев был неотразим. От него веяло богатством и роскошью, которых так недоставало городу Н. Новенькие многоэтажки, каштаны вдоль ровных, без единой трещины тротуаров, ослепительные купола то ли церкви, то ли собора (из уроков школьной географии Говард помнил только одно название: Владимирский собор; но его ли он увидел из кабины патрульного флаера или нет – остаётся только догадываться), парки водных развлечений вдоль берегов Днепра... Что категорически не понравилось Говарду, так это люди – все разодеты в красочные, пёстрые одежды. С высоты полёта они казались разноцветными букашками и невольно напомним цитату одного украинского классика: «В Киеве великолепная флора, но ведь фауна...»

Бортовая рация всё повторяла: пересечение бульвара Леси Украинки и улицы Немировича-Данченко, дом 15А. Но и без этого было ясно, где происходит действие: оцепление, толпы милиционеров из всевозможных отделов и городов, шлемы, плексигласовые щиты, дубинки, миномёты, танковые барьеры, зависшие в воздухе патрульные

флаеры... На первый взгляд порядка во всём происходящем не было, но если присмотреться, можно уловить чёткую тактическую линию. Кирпичный двухэтажный дом захватили в кольцо, через которое ни одна живая душа, будь она телепатом третьей степени, будь хоть самим чёртом, не проскользнёт – ни по земле, ни по воздуху. И это кольцо медленно сжималось, укрепляясь всё прибывающими милиционерами.

Говард снизил флаер и завис в сорока метрах от дома, в котором по данным разведки находился штаб вооружённых психокинетов. Приказ взять на прицел крайнее верхнее окно он выполнил молниеносно. С этой высоты открывался печальный вид на два тела милиционеров, лежавших недалеко от подъезда злосчастного здания. Судя по серой форме, это были сотрудники убойного отдела.

Адреналин ударил в голову. Говард захотел сейчас же, в ту же секунду надавить на спуск и полить окно доброй порцией свинца. Восьмиствольные пулемёты уже начали разогреваться...

Чан Вэй положил руку на плечо напарника и отрицательно покачал головой. Ноздри Говарда вздувались от гнева, на лбу проступала сизая вена:

– Чан, эти твари убили их! Чан, мы должны разбомбить этот грёбанный дом к херам собакам! Чан, почему мы медлим? Тут добрая половина ментов страны, почему мы бездействуем?

– И перестрелять заложников? Палавина людей в доме невиновненькие, приказа слышал? – спокойно говорил Малыш. – Наши враги только будут рады...

– Чёрт, даже не знаю, что на меня нашло, – пришёл в себя Говард. – Какое-то временное помешательство. Конечно же, без нового приказа ничего делать нельзя.

– Мозьно, но только не такую глупость, – ответил Малыш. – Он тебя сейчас пощупал.

– Кто?

– Телепат, – коротко ответил Чан.

– Вот тварь... – Говард почувствовал себя так, как, должно быть, чувствуют себя женщины после изнасилования.

– Считай, ты прошёл первое испытание, – улыбнулся Чан. – Вон те ребята у подъезда, они не прошли... Вздумай ты сейчас нажать на гашетку – нас наши товарищи и изрешетили бы. Запомни первое правило гладиаторов: если разумом твоего коллеги завладел телепат, то убей коллегу, прежде чем он убьёт тебя.

– Ты хочешь сказать, что эти двое...

– Да, Вар, я такое вижу не первый раз. Скорее всего, одним из них завладел враг, и его руками прикончил его же товарища. А остальные обезвредили беднягу, пока тот не пустил кровь кому-нибудь ещё.

– Какая дрянь, – прошипел Говард.

– Запомни, напарник, сейчас эта дрянь только прощупывала тебя. В следующий раз она может сделать что-нибудь посерьёзнее... Мы на сравнительно безопасном расстоянии от его психокинетического воздействия. Но подобравшись ближе – сам понимаешь...

Говард кивнул. Выражение его лица было сосредоточенным, как никогда.

– И главное...

Чан не договорил. Его перебила зловещая трель автоматных очередей.

Глава 4

Воскресное утро Зиновий Сергеевич Градов встретил в гордом одиночестве. Прутья раскладушки даже через матрас впивались в старческую спину, вызывая ломоту и боли в пояснице. Но уж лучше так, чем в одной постели с фригидной мегерой Лизой. Сколько сил она положила на то, чтобы Зиновий потерял к себе уважение, обмяк духом, превратился в

забитого, вечно недовольного жизнью человека, бледную тень того, кем когда-то был. Кем мог стать...

Мысли, воспоминания... Как лазурные волны забвения, они щекочут твоё тело, ласкают, плещут в лицо, отрезвляют, злят, радуют, веселят, повергают в грусть. Но как бы не утонуть в них, как бы не захлебнуться солёной водой, полной сладкой горечи жизни... Верный способ – время от времени выходить на песчаный берег рутины. Да, порой выброшенные морем ракушки колют босые ноги... Но никто не мешает тебе надеть шлёпанцы, верно? У каждого они есть, но не каждый умеет ими пользоваться...

Молодость... Да, в молодости к Градову женщины очередями выстраивались, чтобы он на них хоть посмотрел. Он был из тех счастливчиков, которые смогли поступить в Национальный университет кораблестроения. Факультет педагогики. Закончил его Зиновий с красным дипломом и по распределению получил место в московской школе-интернате для умственно-отсталых детей, где и проработал два года – молодой учитель с хорошим окладом и радужными перспективами. Оглядываясь с холма прожитых лет, Зиновий без колебаний назовёт эти два года самыми яркими и счастливыми в жизни.

Довольно быстро у него завелись любовницы: бесчисленное количество непостоянных, и три долговременные – две коренные москвички и приезжая из его же города Н. Многим может показаться странным, что человек может чувствовать себя счастливо, работая с умственно-отсталыми детьми, но Зиновий действительно был счастлив. Он ощущал свою пользу. Обучать детей с отклонениями – сложный, порой неблагодарный труд. За него мало кто берётся, несмотря на неплохую зарплату...

Три постоянные любовницы скрашивали будни молодого Зиновия на протяжении двух лет. Конечно же, они знали о существовании друг друга. Но каждая девушка относилась к этому по-своему. Москвичка Изабелла Таёжная, к примеру, старалась вообще не замечать существования двух соперниц. Ей было хорошо, когда к ней каждую пятницу захаживал Градов – молодой франт с аристократическими усиками и пышными волосами цвета тёмного шоколада, аккуратно зализанными гелем. Он никогда не приходил с пустыми руками. Вино или шампанское, конфеты или экзотические фрукты и, конечно же, шикарный букет белых роз...

Изабелла была старше любовника на пятнадцать лет, и каждый его приход становился для неё торжеством над возрастом. Находясь с ним, лаская, целуя, впуская в себя или просто валяясь в постели, перебирая его редкие волоски на груди – она ощущала себя девочкой, лишь недавно закончившей институт глупышкой, перед которой только начинает открываться весь мир... Зиновий дарил Изабелле мимолётное счастье, но оно светило ярче тысячи солнц. И она страшно боялась потерять его, но в то же время понимала, что рано или поздно это случится. Его нельзя удержать, приковав наручниками к батарее, нельзя запереть в клетке. Только и оставалось после каждого его прощания увядать, словно подаренный им же букет роз, трястись, страдать, мучиться от тревожных мыслей и... расцветать вновь каждую пятницу, когда указательный палец любимого прикасался к крохотной пуговке её дверного звонка. Градов прикасался к холодной кнопке, даже не подозревая, что в это время прикасается к горячему сердцу Изабеллы...

Но в одну злополучную пятницу он не пришёл. И не пришёл больше никогда. И даже ни разу не позвонил.

Вторую любимую москвичку Градова звали Саша Андреева. Она работала в билетной кассе. Симпатичный высокий мужчина пришёл купить билет на представление певца, имя которого уже стёрто временем, а ушёл с номером телефона юной кассирши на обратной стороне билета. Но кто-кто, а Саша любила Зиновия не так сильно, как две её соперницы. Для молоденькой семнадцатилетней девушки, только недавно окончившей школу, было мало одного любовника. Работа к этому располагала: не проходило и дня, чтобы какой-нибудь ловелас не пытался пригласить очаровашку-кассиршу на свидание. И не всегда она

отказывала... Саша вела насыщенную половую жизнь и любила часто менять партнёров. К Зиновию она приходила сама. Когда ей этого хотелось. Что-то в нём завораживало девушку, не давало забыть, уйти насовсем. Она любила наведываться к Градову без предупреждения, что время от времени заканчивалось скандалами, если Зиновий был не один. Саше нравилось злить конкуренток своим появлением, она наслаждалась их замешательством, её забавляло глядеть в покрасневшие от ревности и гнева лица. И как бы Зиновий ни ругал её, как бы ни уговаривал звонить перед встречей – Саша продолжала приходить когда ей вздумается, ведь глаза Градова никогда не вваливались. Они всегда горели той дивной искоркой, которой так любят наслаждаться женщины – обожанием. Да, Градов, быть может, и остепенился бы со временем, бросил остальных любовниц, вправил мозги Саше Андреевой, чтобы с другими парнями гулять перестала, и сделал бы её Александрой Игоревной Градовой – женой известного на всю Москву педагога. И жили бы они долго и счастливо. Если бы не одно но...

Это «но» звали Лиза Серёгина. Она приехала в Москву из города Н за полгода до Градова. Столица России никогда не захлопывала двери перед желающими поселиться в её домах, топтать тротуары ухоженных улиц и ездить на работу в кишках металлических монстров, живущих в метро... Но в большинстве своём Москва безразлична к приезжим. Собственно, она безразлична также к коренным, хоть и не так явно.

Есть два вида приезжих: те, в профессиональных навыках которых Столица нуждается, к этой категории относился Зиновий Градов; и те, без которых можно было бы и обойтись, Лиза вошла именно в эту категорию. Амбициозная провинциалка, она приехала в Москву в поисках богатства и роскоши, а нашла просевшую койку в коммуналке с тараканами в кастрюлях на общей кухне и крошечную зарплату за тяжёлую работу уборщицы в школе-интернате для умственно-отсталых детей.

Конечно же, Лиза и Зиновий сразу познакомились, ведь их объединял город Н, в котором они выросли, хоть никогда и не пересекались до этого. Очень быстро знакомство перетекло в дружбу. А, как известно, дружба между мужчиной и женщиной рано или поздно заканчивается постелью. Не стала исключением и дружба Зиновия с Лизой...

Из всех любовниц Зиновия Сергеевича, Лиза оказалась самой ревнивой, скандальной и настойчивой, если не сказать навязчивой. Она закатывала невероятные скандалы, особенно когда незвано негаданно объявлялась Саша. Эти скандалы частенько перерастали в истерики, со слезами, соплями, валидолом и выкриками вроде «ты меня убиваешь» или «я покончу с собой, если ты не бросишь эту суку». Во время истерик Градов тысячу раз спрашивал себя, зачем он встречается с Лизой. Несколько раз он делал попытки бросить её, но нужда пересекаться с ней по работе всё портила. К тому же, в неистерическом состоянии Лиза вполне его устраивала. Она была далеко не глупой, у неё симпатичное личико с чувственными губами, вздёрнутым носиком и крошечной родинкой на правой щеке, да и в постели она время от времени показывает настоящую «ночь в алмазах».

Будь как будет, думал Градов. И, как оказалось, неправильно думал.

Лиза была недовольна жизнью и, как это обычно умеют женщины, пропитывала этим недовольством Зиновия. Она не упускала возможности сообщать Градову, что работа с отсталыми детьми – не его призвание. Что такой великолепный педагог достоин чего-то большего. И что Москва не то место, в котором им вдвоём может улыбнуться птица счастья, ведь здесь все приличные места под солнцем уже давно расписаны на столетия вперёд. И что город Н не так уж и плох. Да, тогда он действительно не был так плох, как сейчас: ещё не успело полностью развалиться коммунальное обслуживание улиц, дорог, домов и дворов, из трещин в асфальте не росла полынь, ещё плескалась горячая вода в кранах, а из труб теплоцентралей ещё клубился дым... Но уже тогда наблюдательный человек узрел бы первые тревожные звоночки упадка. Город потихоньку начали покидать люди в поисках лучшей жизни, улицы пустели, из-за отсутствия заказов закрывались заводы и фабрики...

Зиновий старался пропускать причитания Лизы мимо ушей. Но вода камень точит. Спустя два года жизни в Москве, Градов вызвал директор школы-интерната и настоятельно попросил «взять внеочередной отпуск на неопределённый срок», поскольку его племянник окончил институт и парню нужно рабочее место, поближе к дяде, чтобы тот присматривал за ним. Племянник пойдёт на место Градова, а Градов должен немножко подождать, пока директор, используя связи с директорами других московских школ, подыщет ему достойное рабочее место.

Лиза не упустила свой шанс и учинила Градову скандал, мол, всё произошло, как она говорила: все места давно расписаны и вообще, нечего в этой подлой Москве делать. Она предупреждала любимого, а он её не слушал, вот и получил нож в спину! Надо ехать в город Н, где тебя все знают и ценят.

Зиновий согласился с Лизой. Эфемерного места в другой школе нечего ждать – его просто убрали с пути на дороге сопляка-племянничка директора.

Находясь в состоянии нервного возбуждения, Зиновий сел в первый попавшийся вагон поезда до города Н. Он ни с кем не попрощался, хоть за два года жизни в Столице подружился со многими людьми. Никому не оставил координаты, по которым могли бы найти его. О чём впоследствии жалел и сильно тосковал по знакомым, особенно по Саше Андреевой.

Лиза поехала следом.

Вскоре после прибытия в город Н, она стала Елизаветой Викторовной Градовой, женой учителя средней школы №22 с углублённым изучением дагонского языка.

Через две недели после обещания, директор школы-интерната позвонил Градову на московский номер. Для талантливого молодого педагога нашлось место в элитном экономическом лицее, но талантливый молодой педагог об этом не узнал, поскольку был уже в городе Н. Трубку никто не поднял, но директор всегда отличался особой настойчивостью. Он поехал к Зиновию, чтобы лично донести радостную новость. Дома того не оказалось. Хозяйка съёмной квартиры и знать не знала, куда подевался постоялец. Словно сквозь землю провалился, оставив на столе плату за жильё.

Градов проживёт целую жизнь, так и не узнав, как сильно испортила ему карьеру Лиза...

Воскресный день Света Соловьёва обычно проводила со школьными подружками: Вэньг Ли и Таней Паучковой. Иногда к их компании прибивалась Лена Крохина, но сегодня её не было. Не то, чтобы остальные девчонки не хотели видаться с Леной, но особой погоды она в их компании не делала. Ходила следом и в большинстве своём молчала. Вреда от неё не было, но и толка тоже. И если бы не Таня Паучкова, которая время от времени звонила Крохиной, чтобы узнать домашнее задание, а порой и попросить это домашнее задание за неё выполнить, то Лена бы и не гуляла с ними никогда. В очередной раз выключивая решение той или иной задачи по математике или ключ к домашнему контрольному тесту по дагонскому языку, Таня, как бы в оплату за услугу, приглашала Лену в их компанию. Крохина безотказно выполняла любую просьбу. Плата её устраивала.

Сегодня девчонки решили прогуляться по набережной. Погода к этому располагала: не было ветра и, следовательно, вонь с загаженной реки не распространялась по округе.

– А мне Вася Сергеев из 11-Г нравится, – призналась Паучкова, перебирая свои рыжие кудри.

– Сергеев? Тот, который конопатый? – насмешливо переспросила Ли. – Он ведь худой, как вешалка.

– На себя посмотри, швабра черноволосая, – огрызнулась Паучкова.

– Парням нравятся худышки, – парировала Ли. – Особенно такие симпатичные, как я...

– От скромности ты не умрёшь, Вэньг, – заключила Паучкова. – Я тебе поражаюсь. Такая худая, а тянет на пузатых мужланов.

– Хорошего мужчины должно быть много, – ухмыльнулась Ли. – Если худой, как вешалка, то мужчиной назвать грех. И на фоне солидных мужчин я смотрюсь ещё стройнее...

– С тобой всё понятно, – махнула рукой Таня. – А ты что скажешь, Светка?

– Что скажу? – Света словно очнулась. – Маловат он, Сергеев твой.

– И ты туда же? – надулась Паучкова.

– Да нет, не по комплекции. Молодой он очень.

– Ах ну конечно, – съехидничала Ли. – Мы ведь такая фифа, нам только взрослого подавай!

– И главное, – подхватила Таня, – чтобы его звали Говард!

Паучкова и Ли дружно рассмеялись.

– Да ну вас, – теперь настала пора надуваться Свете Соловьёвой.

Какое-то время они шли молча. Поднялся ветер, неся с реки запах гнилой рыбы и мусора.

– Фу, ненавижу, – сморщила носик Ли.

– Пошли отсюда? – это был риторический вопрос Светы.

– Жаль, – вздохнула Таня, – мне здесь вид нравится...

– Вид на речку-воночку и сгнивший мост? Как мало мы о тебе знаем... – ухмыльнулась Ли, демонстративно сжимая носик указательным и большим пальцами.

– Ли, ты сегодня особенно злая, – сказала Таня. – Да хоть на мост. Я люблю смотреть на него и представлять, каким он когда-то был...

– Да, это всё хорошо, – встряла Света, – но давайте не будем топтаться? У меня от вони глаза режет.

Подружки не стали возражать.

По гранитной лестнице – единственному техногенному явлению поблизости, не поддававшемуся влиянию времени и безразличию коммунальных служб – они поднялись на верхний бульвар, откуда направились в сторону проспекта Ленина. Вонь реки некоторое время преследовала их, но вскоре ветер поменял направление и смрад гнилой рыбы сменился букетом запахов сорняков, в котором отчётливо и нагло возвышался «аромат» полыни. Этот вездесущий, резкий запах, оставляющий во рту горький привкус, а в носу свербёж...

Благо, полынь отцветала. Последние её жёлтые кругляши-цветочки опадали, давая дорогу мелким продолговатым плодам. Со временем эти плоды развеет ветер по всему городу и окраине, занесёт в щели домов, в тротуарные трещины, в заборные дыры, забросит на плоские крыши панельных домов, закидает на балконы, засыплет в дымовые трубы, заполнит ими всё...

И армия полыни восторжествует, как ещё никогда! И смертельные враги – лютый мороз и дикая жара – ничего не смогут с этим поделать.

Если не брать в расчёт употребление разновидностей байгана, входящих в производственную линию «Юный бриз», слоняться по улицам – одно из немногочисленных развлечений молодёжи города Н. Можно ещё удочку в реку покидать, соревнуясь, кто больше гнилых ботинок и облепленных ракушками консервных банок вытащит. Ещё можно в подворотне водочки попить, пивком запивая, а потом и порыгать, не отходя от кассы. Редкие экстремалы бренчат вечерами на гитарах, забравшись на спинки дворовых скамеек, свесив ноги на сиденья – обычно это заканчивается весьма плачевно, ведь всем известно, что после девяти вечера нарушать спокойствие строго запрещается. По закону наказание за подобное поведение – солидный денежный штраф, либо пятнадцать суток в исправительном центре. Но обычно до этого всего не доходит: сознательные граждане сознательно выходят из своих

подъездов, окружают нарушителей их сознательного спокойствия и, как следует, отвешивают им несознательных звездюлин... Порою гитара оказывается орудием кары...

Но гитара гитарой, а в то злополучное воскресное утро трём ученицам десятого «В» класса средней школы №22 с углублённым изучением дагонского языка захотелось чего-то ещё. Слишком однообразно всё и уныло. Да ещё и жара вернулась, а следом за ней и вонь реки. Да как вообще её рекой называть можно? Болото, водная свалка мусора, русло нечистот, но отнюдь не река! Хотя речь не о ней совсем. Девчонкам просто не хватало впечатлений. Нет, тех, что способен дать юношеский байган – им хватает с головой. Но перспектива томиться и киснуть в соку повседневной банальности от одной «маски счастья» до следующей – не прельщала. Ну, разве что одну Таню Паучкову это более-менее устраивало. Она раньше сверстниц подсела на байган и с каждым месяцем всё больше пристращалась к нему. Вот уже полгода как Таня отказалась от подростковых «масок радости» и всецело перешла на взрослую, более крепкую продукцию.

– Мой мозг на такой жаре только плавиться может, как пломбир, – призналась Соловьёва.

– Ммм... пломбир... – мечтательно проорчала Таня Паучкова. – Давно его не продавали. Я бы с радостью ещё раз попробовала...

– А я бы целое ведро съела, – подхватила Света. – Чтобы всё ведро разными сортами. Пломбирные шарики со вкусом банана, вишни, шоколада, лесных ягод, клубники... ням-ням...

– Хватит дразниться! – сглотнула слюнку Ли.

– А ещё бывают с орехами внутри, с кокосовой стружкой ещё бывают, а ещё... – здесь Таня пощёлкала пальцем, перебирая в памяти весь небогатый опыт поедания мороженого.

– Ещё бывает с селёдкой и луком, – съязвила Ли.

– Нет, таких не бывает, – очень серьёзно ответила Таня.

– Как не бывает? Ты что никогда минет парням не делала? – сказала Вэньг Ли, неловко улыбаясь, пощипывая себя за мочку уха.

– Какая пакость, – скривилась Таня. – Мы тут о возвышенном, о пломбуре, а она про свои минеты-шминеты...

– Ты хоть знаешь что это, целочка ты наша? – злобно спросила Ли.

– Какая разница? – отмахнулась Паучкова. – Главное, чтобы пломбир был достаточно холодным, а от того и твёрдым. Погружаешь в него ложку, зачерпываешь побольше и в ротик. Главное аккуратно, а то мороженое может по губам потечь, на подбородок, шею, а там, глядишь, и на грудь...

– Что-то вроде, – буркнула Ли. – Косу на отсечение даю, Говард Светку хорошенько пломбиром успел накормить.

– Так, Вэньг, хватит чушь нести! – рассердилась Соловьёва. – Ты озабоченная, чесслово. Ты вообще помнишь, о чём разговор?

– Уж точно не о пломбуре.

– Ты говорила что-то про скуку, – напомнила Паучкова.

– Да, говорила, – переключилась на вежливую волну Вэньг. – Вот что мы сейчас делать будем? Бродить по проспекту и глотать пыль из-под троллейбусов? Или просто по домам разойдёмся. Ну, или к Светке на чай зайдём. Свет, уж извини, но мало заварки ты в чайник бросаешь. Да и вообще, я зелёный больше люблю, тот, что «порох» называется.

– Приноси этот свой волшебный «порох», и я с радостью его заварю, – ответила Света.

– Да не в «порохе» дело, хоть лучше чая на свете нет, – продолжила Ли. – Дело в том, что скучно всё, надоело однообразие. Не согласны?

– С тобой попробуй не согласиться.

Таня зачем-то потёрла щёку, словно после хорошей оплеухи.

Света одобритительно кивнула.

– Я давно об этом думала... – глаза Ли загорелись, – что мы знаем про этих полукровок, чупакабр?

– Они нам байган продают, – без промедлений ответила Света.

– Да, а ещё они уродливые, – добавила Таня.

– И всё? – Вэньг ликующе обвела взглядом подруг. – Что вы ещё о них знаете?

Таня не растерялась:

– Ну, они пахивают, словно дядя Семён, который сантехник из соседнего подъезда, ты знаешь...

– Потная свинья, – фыркнула Ли.

Таня пощёлкала пальцами, пытаясь подобрать сравнение:

– И вяленая рыба, что ли. Даже боюсь представить, как от дагонцев пахнет...

– Так же, как и с речки нашей, вонючки, – прыснула Соловьёва.

– Значит так, чупакабры, – продолжала Ли. – Мы живём с ними бок о бок, а так о них ничего и не знаем. Уверена, они про нас знают всё. Вот говорят, что они полукровки, что рождаются в браках дагонцев и людей. Но вы хоть одну барышню нашу видели, которая бы с дагонцем за ручку ходила? Я молчу о том, что дагонцев никто не видел вживую. Ты ведь не видела, Света? А ты, Таня?

– Не-а, – покачала головой Света.

– Да делать им больше нечего, как по городу Н шляться, – фыркнула Паучкова. – Мой дядя говорит, если хотите увидеть дагонца – езжайте в Столицу, или на Южный берег Крыма.

– Дядя твой сам их видел? – поинтересовалась Ли.

– Нет, но он знает человека, который их видел, – не смутилась Паучкова.

– Пусть так, – кивнула Ли. – В Киев или в Крым мы сейчас всё равно не поедём...

– Стоп-стоп-стоп, – замахала руками Таня. – Я начинаю понимать, к чему ты клонишь. И мне это не нравится.

– А я вот не понимаю, – призналась Света.

– Да чего уж тут не понимать, – Таня недоверчиво покосилась на Ли, – она нас в гетто чупакабр затянуть хочет.

– Вэньг, это правда? – выпучила глаза Соловьёва. – Дурная затея ведь.

– А что здесь такого? – Ли сделала наивное лицо. – Всё равно делать нечего...

– Я бы лучше чая попила у Светы, – попыталась улыбнуться Таня, но получилось не совсем убедительно.

– Я не против. Девчонки, пошли ко мне? Вэньг, по дороге к тебе заглянем, «пороху» возьмём...

– Вы как бабки старые! – возмутилась Ли. – Успеём ещё чаю напиться. У нас тут под боком целый посёлок чупакабр! Вы хоть представляете, сколько там интересного? Да вся параллель обзавидует! Разговоров на много лет!

Вэньг выдержала театральную паузу и закончила капризным тоном:

– Ну же, девоньки, не будьте занудами.

– Ты убеждать умеешь, но... – начала было Света.

Ли её перебила:

– Представляешь, как Вар твой удивится? Может, после этого он перестанет считать тебя маленькой девочкой? Поход в гетто – взрослый поступок...

Соловьёва открыла было рот, но слова иглами застряли в горле.

– Нет, Ли, ты в своём уме? – ответила за Свету Таня. – Да и вообще, если просто предположить, повторяю, просто предположить, что мы тута захотим сунуться – как добраться? Ни трамваи, ни троллейбусы туда не ходят. Разве твой отец тайный олигарх, и у тебя есть деньги на такси.

– Я всё продумала, – хлопнула в ладоши Ли. – Садимся здесь на троллейбус «двойку», доезжаем до Площади Победы, а оттуда пешком полчаса... ладно, час – и мы на месте!

– Долго ты это придумывала? – язвительно поинтересовалась Паучкова.

– Только что в голову пришло, – парировала Ли. – И вообще, я за то, чтобы слушаться мимолётных порывов души. Почему бы и нет?

– Насчёт мимолётных порывов души – это да... – задумчиво сказала Света. – Но почему только твоих?

– Да ладно, девоньки, не прибежняйтесь, – Вэньг Ли была неумолима. – То мы к тебе в гости ходим, то к реке по желанию Паучковой. Я уже молчу о том, что из-за неё нам приходится панькаться с Крохиной.

– Оставь Лену в покое, – заступилась Таня. – У бедняги нет друзей. Так хоть с нами пусть тусуется. Ничего у тебя, Ли, не отвалилось, когда она с нами гуляла.

– Вот и сейчас ни у кого ничего не отвалится, – подхватила Ли. – Прогуляемся до гетто, одним глазком на жизнь чупакабр... и обратно! Длительные прогулки полезны для фигуры, между прочим. Это тебя, Таня, в первую очередь касается. Лишний вес...

– Дура! – рывкнула Паучкова. – Какой лишний вес? Это у меня сиськи выросли! Тебе только и мечтать остаётся!

– Вот и потрясёшь своими сиськами по дороге, – во весь рот улыбнулась Ли, обнажив небольшой просвет между верхними резцами.

– Ли, я поражаюсь твоему дару убеждать, – вздохнула Света. – Я уже не знаю, чего сама хочу.

– Как же не знаешь? – почти искренне удивилась Ли. – Ты хочешь дожидаться троллейбуса «двойки», чтобы потом пройти до чупакабр.

– Сдаюсь, – подняла вверх ладошки Света. – Тань, а ты?

– У меня есть другой выбор? – обречённо спросила Паучкова. – Если Ли захочет, так все кишки вымотает, пока своего не добьётся.

– Ура-ура-ура! – захлопала в ладоши Вэньг. – Мы едем в гетто, едем в гетто, едем в Г-Е-Е-Е-Т-Т-О-О-О-О!

Случайный прохожий – мужчина в котелке, с усами и козлиной бородкой – посмотрел на Ли квадратными глазами, после чего ускорил шаг. Вероятней всего, он благодарил судьбу за то, что позволила ему убраться куда подальше от сумасшедшей девчонки, так радостно желавшей посетить гетто...

Троица десятиклассниц дошла до ближайшей остановки. И прежде чем прибыл нужный троллейбус, Вэньг Ли попросила у подруг прощения за то, что она «местами позволяла себе говорить лишнее, особенно про Говарда». Но, по большому счёту, подружки сами виноваты, ведь незачем было про пломбир дразнилку устраивать. Они ведь прекрасно знают, что Ли ещё никогда в жизни не пробовала мороженого, и подобные разговоры её расстраивают, а порой и раздражают.

Девчонки согласились, что они квиты и все точки над «I» поставлены. Теперь с чистой совестью можно ехать в гетто чупакабр.

Из жизни доблестной милиции 4

Возле оплывшего куска металла, который когда-то был миномётом «Василёк» лежали изуродованные тела. Ошмётки мяса, обрывки милицейской формы, вывороченные кости, внутренности, треснутые черепа и вытекающие из них мозги... Говард насчитал одиннадцать трупов. Может, двенадцать, если принять обгоревшую горку костей и мяса за двоих убитых – мёртвой плоти больше, чем обычно бывает в простом изувеченном трупе, но вполне вероятно, что мертвец страдал ожирением.

Оборона психокинетов оказалась намного слаженней и опасней, чем предполагало высшее руководство. По данным разведки в доме должен быть небольшой притон ренегатов, захвативший остальных жителей в заложники. Но, как было установлено позже, дом оказался

штабом организованной группировки киевских психокинетов «Каштановый плач». Члены этой группировки уже давно вели свои противозаконные действия, успешно вербуя новых сектантов как среди психокинетов, так и простых жителей. Размах, с которым действовал «Каштановый плач» неприятно впечатлял, и с каждым новым днём становился всё более ощутимой угрозой для правопорядка Киева.

Радиус действия психокинетических сил обороняющихся боевиков превзошёл все ожидания. Виновато ли руководство операцией захвата? Может, и да... Но разборами полётов заниматься ещё не время. Случилось то, что случилось и ничего тут не изменить. Только телепат третьей степени мог забраться в голову милиционера-миномётчика, подчинить бедолагу своей воле и заставить того незаметно от товарищей подбросить в ствол «Василька» гранату «Ф1» – это было не сложно, поскольку мало кто в этот момент не всматривался в тело милиционера, которым телепаты овладели мгновениями ранее. Парень открыл огонь по товарищам, за что принял смертельную порцию свинца. Уже не скажешь наверняка, услышал ли кто-то металлический перестук гранаты по гладкому стволу миномёта и, если услышал, пытался ли остановить бедолагу, попавшего под влияние чудовищного телепата. Но наверняка сказать можно следующее: взрыв противопехотки потянул за собой взрыв миномётной кассеты с четырьмя минами в ней и ещё пяти запасных кассет...

Милиция предприняла ответные действия. В считанные секунды кольцо оцепления было расширено. И тут же задребезжали глухие выстрелы, округу заполнил звон стёкол, пробиваемых слезоточивыми снарядами.

Сквозь дыры в окнах заструился серый дым.

Шансы на спасение заложников резко снизились...

Началась новая ступень нервного выживания.

Закиров держал флаер на высоте пятнадцати метров. В кресте прицела находилось крайнее верхнее окно зловещего дома.

– Чан, может это не моё дело... – начал он. – Может, это вопрос не нюхавшего пороха молокососа, которым я и являюсь... но всё же, почему мы не взорвём этот дом? Наши ребята только и гибнут, как муравьи под лупой долбанутого ребёнка. Плевал я на тех заложников, если меня спросите. Да и есть они там вообще, эти заложники?

– Вар, очень даже может быть, что в здании кроме телепатов никого нет... – сказал неугодный Триадам. – Целое кодро ублюдков и только их.

– Я не понимаю.

– Тебе не надо понимать. Никому из нас не надо. За нас думают другие. Наша работа – выполнять приказы, Вар. А главный приказ для нас всегда один: любой ценой брать психокинетов в плен. Меня ничто больше не волнует. И тебя не должно волновать. Сказано – сделано...

– Но Чан, прошлых двух ты не брал в плен.

– У меня не было выбора, – раздражённо соврал Малыш. – Меня за это по головушке не погладили, уж поверь.

– А сейчас у нас есть выбор? У тех ребят он был? – Говард ткнул пальцем на место взрыва.

– Не намь это обсуждать, – перешёл на китайский акцент майор Чан Вэй Кун. – Ти бы меньше думаль и за домом следил. Это уже моя приказа.

– Есть, следить за домом и меньше думать, – прошипел Говард.

А тем временем на крыше дома что-то начало происходить. В технической пристройке медленно отворилась дверь, и в прицелы сотен оптических прицелов следом за облаком слезоточивого газа показался пожилой мужчина в бейсболке и шортах. Он кашлял, тёр глаза и едва передвигал ноги, стараясь поскорее убраться из облака вредного дыма.

Раздался выстрел. Нервы сотрудника убойного отдела, младшего лейтенанта Андрея Спицына не выдержали. Пуля вошла аккуратно в верхнюю губу несчастного. С головы слетела

бейсболка. Вместе с частью головы... Содрогающееся в танце смерти, тело повалилось на битум крыши.

Когда всё закончится, лейтенант Спицын станет младшим сержантом и будет очень сильно рад, что так просто отделался...

– Жьютяу! Шэнжингбинг! 他妈的性交! – заматерился на родном Чан. – Если эта психакинъета угрохали, то плоха нам всема придётся!

К трупку пожилого человека подскочил ребёнок. Градов навёл на него оптику «кошачий глаз». На экране бортового монитора было отчётливо видно, как ребёнок обнимает мёртвое тело. Да что там обнимает, с такими линзами, которыми обладал «кошачий глаз», можно запросто рассмотреть даже слёзы на щеках девочки. Да, это была девочка. Лет десяти, максимум двенадцати.

– Не стрелять, мать вашу, не стрелять! – разрывался динамик рации.

– Да и без тебя ясно, что не стрелять! – не выдержал Говард.

– Так, кто это у нас такой умный? – прошипел динамик.

– Эм... сержант Закиров, отдел по борьбе с особо опасными преступниками города Н.

– Значит так, сержант Закиров из города Н, – не умолкала рация. – Лети сейчас к этому дрянному дому и подбери заложницу. И если по дороге не подохнешь, честь тебе и хвала. Приказ к немедленному выполнению! Конец связи, сержант Закиров, хе-хе, понаехали тут всякие...

– Вар, я очень залею, что взял тебя с собой, – хлопнул себя по лбу Малыш. – Ты влип. И я вместе с тобой.

– Что... что мы будем делать? – прошептал побелевший, как полотно, Говард.

– Как что, дружище? – в голосе Чана отчётливо читалась злоба и... страх... – Ты слышал приказ. Лететь на смерть, что же ещё? На тебе!

Говард и не сообразил, что ему выписали пощёчину – до того быстро двигалась рука Чана. Зато боль, огнём растёкшаяся по щеке, очень чётко это отразила.

– Прости меня, – испуганно прошептал Говард, потирая ушибленное место.

– Поздна пить «барзоми», – твякнул Малыш. – Полетели. И будь что будет.

Сержант Закиров, конечно же, был молодым и неопытным, но с пилотированием флаера у него всё в порядке. Максимум мощности на дюзы – и вперёд. В считанные мгновения их «Крылатый Патриот – 1280» достиг дома и совершил посадку на крышу. Чан Вэй не стал мешкать: шасси ещё не успели коснуться битума, как он выскочил из салона, тенью метнулся к рыдающей девчонке, оторвал её от трупа и затащил брыкающуюся, визжащую, кусающуюся девчонку в салон флаера.

Говард не стал терять времени – дверца ещё не успела захлопнуться, а флаер уже взмыл в небо и на всех парах мчался прочь.

Бортовой датчик психокинетической энергии заливался тревожной трелью.

Малыш бесцеремонно запихнул девчонку на заднее сиденье. Та ещё некоторое время брыкалась, потом поняла, что это бесполезно и забилась себе в уголок, поджала коленки и молча сидела, время от времени шмыгая носом и вытирая ладошками слёзы.

– Чёрт, парень, ты это сделал! – донёсся удивлённый голос из рации.

– Транспортируй освобождённую заложницу в киевский ОБООП для дачи показаний, здесь скоро станет очень жарко... – тем временем приказывал другой, более трезвый и властный голос из динамика. – Копыловская 38.

Говард ничего не ответил, поскольку ничего не слышал кроме учащённого боя собственного сердца. Зато он знал куда лететь – на GPS-навигаторе появилась новая жирная красная точка с подписью «прибыть немедленно». Бремя общения с рацией взял на себя Чан.

Они летели быстро. Невероятно быстро. Говард, пожалуй, ещё не выжимал из флаера таких скоростей.

Рация тем временем оповещала о новом тактическом плане захвата. Вскоре предстоял штурм... Но в нём уже не принять участия двум гладиаторам из города Н – их первоочередная задача доставить девчонку в указанное место. Да, именно *двух* гладиаторов. Чем дальше от зловещего дома, тем сильнее понимание: из желторотого сопляка, существование которого старались не замечать старшие коллеги, Говард превратился в равного им бойца.

Но судьба не дарит таким людям как сержант Закиров лёгких подарков....

До нужного адреса оставалось совсем чуть-чуть. Говард начал сбрасывать скорость и уже приготовился совершить посадку, когда заговорил Чан.

– Дядя, не сбавляй скорости, – голос напарника звучал сухо, монотонно, так, словно говорил не живой человек, а динамик, через который передают послание...

– Что? – не поверил ушам Говард. – Чан, ты, должно быть, шутишь? У нас ведь приказ.

– Не сбавляй скорости, дерьмо собачье, а то я продырявлю твою сраную башку, как ты это сделал моему дедушке, – всё так же монотонно сообщил Малыш. В подтверждение своих слов, он вынул из кобуры пистолет и направил на Закирова.

– Чёрт, Чан, что ты делаешь? – проскулил Говард, глядя в воронёный глаз дула.

Он до последнего старался не верить в происходящее, но факты говорили сами за себя – всё это время бортовой датчик психокинетической энергии не переставал сигнализировать о чудовищном грузе, подхваченном на крыше зловещего дома. Но Говард слишком поздно это заметил. Дилетант, мать его так! Был слишком напуган и поглощён желанием убраться куда подальше от логова психокинетической смерти. А Чан Вэй Кун? Он-то тёртый калач. Почему не проследил? Наверняка эта сучка завладела его сознанием сразу же, как флаер взлетел с крыши...

Чан взмахнул свободной от пистолета рукой. Резкая боль в челюсти, в глазах вспышка разноцветных искр. Солёный привкус крови. Из глаз брызнули слёзы. Отчасти это были слёзы боли, ведь от такого удара челюсть наверняка сломалась. И отчасти это были слёзы страха. Истинного, настоящего, раскалёнными спицами пронзающего сердце.

С Т Р А Х А!!!

– Будь хорошим, отвези нас подальше от всех этих нехороших дядь, – отчеканил металлическим голосом Чан.

Говард едва заметно кивнул. Начавший было сбавлять скорость патрульный флаер системы «Крылатый Патриот» вновь набрал скорость и высоту, чем вызвал недоумение сотрудников киевского ОБООП, над зданием которого он, собственно, пролетел. Все были так поглощены штурмом вражеского штаба, что и не сразу обратили внимание на то, что на борту патрульного флаера из города Н фиксировалась бурная психокинетическая активность. Поздно милиция спохватилась и послала погоню. Беглецы были далеко. Слишком далеко...

– Я не убивал твоего дедушку, – прохрипел Говард и сплюнул кровь.

– Ты плохой дядя в форме, – сухо сообщил Чан, не сводя ствол «пустынного орла» с напарника. – Вы все плохие дяди. Вы обижали нас с дедушкой, моих дядь и тётъ, братиков и сестричек. Мой бедный дедушка.

На этот раз Чан въехал затвором пистолета по затылку Говарда. Удар вышел невыносимо болезненный, но не настолько сильный, чтобы можно было потерять сознание. Профессионально, что тут скажешь...

– Прекрати, дура, или я устрою нам смертельное пике! – забрызгал кровавой слюной Говард.

Чан обрушил ребро свободной ладони на ключицу напарника. И опять жуткая боль. Жгучая, неудержимая, но в то же время отрезвляющая. Заставляющая вцепиться в баранку покрепче и вести флаер, без глупых попыток установить контакт с похитительницей.

«Чёрт, мать мою так, эта сопливка ведь телепат третьей степени, с ума сойти, с ума сойти, чтоб она сдохла, тварь малолетняя!» – подобные мысли только и крутились в голове Закирова.

Так, нужно сосредоточиться. Паникой делу не поможешь. Да, Говард влип. И вряд ли выйдет из этой передрыги живым. Так что, может, действительно устроить «смертельное пики» с приземлением носом в потрескавшийся асфальт заброшенной трассы? Пасть, так сказать, смертью храбрых? Героически погибнуть, прихватив с собой на тот свет дьявольское отродье? Но вечный приказ: «брать живыми»... Непосильная задача. Да и вообще, как-то умирать не хочется сегодня. Завтра, послезавтра, через неделю – всегда пожалуйста. Но вот сегодня... Нет, не хватает сил примерять повязку камикадзе...

Говард поправил зеркало заднего вида, чтобы поймать отражение бесовской девчонки. Она сидела, как и раньше, в правом углу салона, обхватив поджатые ноги тоненькими ручками. Борозды от слёз на её худых щёчках только начали подсыхать.

Глаза! Говарда поразили её карие глаза – немигающим, да что там немигающим – взглядом мертвеца она глядела в спинку кресла Чана. Вернее, сквозь неё. Казалось, девочка глядела сквозь всё... видя при этом то, что обычному человеку не под силу. Что же она там видела? Иные миры, Взрывы Сверхновых? Нам вряд ли дано узнать...

«Пустынный орёл» сорок четвёртого калибра всё не сводил зияющий смертельной пустотой глаз с Говарда. Одно лёгкое нажатие на спусковой крючок – и мозги сержанта разлетятся по всему салону.

В любом случае, девчонка убьёт их, когда они отлетят на достаточно безопасное на её взгляд расстояние. Говард мысленно ухмыльнулся, ведь это расстояние никогда не наступит – в любой, пусть даже самой старой патрульной машине есть датчик передвижения. Где бы они не приземлились – коллеги из киевского ОБОП или из других отделов и городов найдут беглецов. Но для Говарда и Чана будет слишком поздно. Вначале малолетняя телепатка прикончит Закирова руками Чана. А потом, по логике вещей, заставит Чана свернуть самому себе шею. Или пустить пулю в рот.

Дети – опасные убийцы, поскольку понятие о жизни и смерти у них достаточно слабое и ветреное. Порой подросток переживает больше за смерть воробушка от лап дворового кота, чем за смерть своей старенькой бабушки от клешней рака груди.

И это ужасно...

Говард не был готов умирать, но в какой-то миг ему стало всё равно. И он воспользовался этим мигом – со всей силы дёрнул штурвал. Флаер вошёл в непрерывную бочку. Чан успел выстрелить только два раза, прежде чем выронил пистолет. И оба раза – мимо. Первая пуля, обжигая потоком горячего воздуха, пролетела в сантиметре от лица Говарда и продырявила боковое стекло. Вторая встряла в потолке салона.

Чан и девчонка-телепат не были пристёгнуты. На это и сделал ставку Закиров. И оказался прав. В крутящемся вокруг своей оси салоне творилось нечто ужасное. Адская девчонка и майор кувыркались подобно пронумерованным мячикам в лотерейном барабане. Зловещий перестук тел о стенки, подлокотники, бортовую панель, пилота...

Закиров на какое-то время отключился, когда макушка кувыркающегося Чана въехала ему в висок. Говард пришёл в себя и вышел из бочки в считанные мгновения перед катастрофой. Не сам сержант, а его рефлексy и стальные нервы посадили флаер на ближайшей опушке. Посадка оказалась на удивление мягкой.

Вот сам полёт не был совсем мягким...

Оба пассажира остались живы, но находились без сознания. Первым делом Говард выволок из салона окровавленную девчонку и вколол ей лошадиную дозу транквилизатора – смесь снотворного и нейтрализатора байгана. Сделал он всё правильно, как по учебнику. Разве что с дозой немного переборщил. Ну и ладно. Ему было откровенно наплевать выживет после дозы девчонка или нет. Челюсть Говарда болела, затылок стрелял, висок звенел,

ключица ныла, а из носа текла кровавая юшка – во время бочки выроненный Чаном пистолет угодил прямо в нос.

Малышу тоже несладко пришлось. Он был похож больше на жертву озлобленных расистов, вооружённых битами и клюшками для гольфа, чем на лихого майора милиции, гладиатора, грозу всех психокинетов города Н и окраин.

Говард потрогал челюсть, попытался ей пошевелить и, несмотря на резкую, пульсирующую боль, смог это сделать. Нет, не перелом. Очень сильный ушиб.

Подоспели флаеры киевского отдела по борьбе с особо опасными преступниками. Они застали сидящего на отломе камня Говарда, курившего сигареты – одну за другой. Лицо парня было грязным, с остатками подсохшей крови после спешного умывания из бутылки с технической водой; из ноздрей торчали самодельные ватные тампоны, насквозь пропитавшиеся кровью. У ног сержанта без сознания лежала девочка, с наручниками на руках и ногах. Чуть поодаль малолетней убийцы, в позе лотоса сидел Чан Вэй Кун. Судя по опустошённой «маске радости», валяющейся невдалеке, ему было не так уж и плохо, несмотря на то, что тело покрывала не одна дюжина синяков, ссадин и гематом...

Из патрульного флаера системы «Sky Chrysler» вышел дагонец. Да, именно он! Настоящий дагонец – существо, похожее на неудачную смесь осетра и человека. Форма сотрудника ОБОП смотрелась на нём более чем психоделически. Чего нельзя сказать про генеральские погоны на плечах – они-то и добавляли происходящему нужную порцию реализма...

Инопланетянин подошёл к вскочившему с камня Говарду и протянул руку. От дагонца действительно пахло рыбой, хоть к этому запаху и примешивался обильный аромат дорогих духов. Говард даже через промокшие тампоны в носу учуял это. Или ему показалось, что учуял. Рука на ощупь была шершавой и сухой, хотя раньше Закиров представлял, что руки дагонцев покрыты слизью.

– Машхаран дамар, ларфар, – прорычал дагонец и склонил голову в полупоклоне. – Размакан диффрак крабкан, ларфар, дамададафф.

Говард неловко улыбнулся и пожал плечами, очень сожалея, что рядом нет Светы Соловьёвой, которая прекрасно владеет дагонским языком.

– Драдрабак, – Говард выдавил из себя одно из пяти дагонских слов, которые помнил ещё со средней школы. Оно означало «спасибо» или что-то вроде того...

– Ларфар, дамададафф, ларфар, – ответил дагонец и хлопнул Говарда по плечу, жилистыми пальцами впился в сержантскую лычку и оторвал её с лёгкостью, с которой ребёнок отрывает пожелтевший листик с акации.

– Размакан! – рявкнул дагонец и улыбнулся, хотя то мимическое изменение, которое произошло на его лице – по земным меркам не назовёшь улыбкой даже с огромной натяжкой. Но Говард прекрасно знал, что оно означает улыбку.

– Бракарак, – неуверенно сказал бывший сержант Закиров. По его пониманию он сейчас сказал что-то вроде «служу Отечеству».

Дагонец кивнул и направился к Чану. По дороге он подал жест подчинённым. Девочку телепатку тут же подхватили двое лейтенантов и унесли в ближайший флаер.

– Машхаран, закарбан, милфакара йацйак, ларфар дамададафф, – сказал дагонец.

Чан так и сидел в позе лотоса. Лицо его было расслаблено, лишь глаза выдавали тревогу и напряжение.

– Зандапак, ларфор, зарирон... Драдрабак, Машхаран, драдрабак, – ответил Чан.

Дагонец кивнул и направился к своему транспорту. Вскоре патрульные флаеры разлетелись. Все, кроме одного, которому предстоял полёт к ближайшей станции техобслуживания, а оттуда уже в город Н.

– Слышь, Чан, что он тебе сказал? – спросил Говард, подкуривая новую сигарету.

– Ничего особенного генерал Машхаран мне не сказал, старший лейтенант Закиров, ничего особенного... – Малыш не удержал улыбки.

Глава 5

Холодильник был пуст.

– Ну и пусть! – рявкнул Зиновий и хлопнул дверцей.

Ничего съедобного, кроме трёхлитровой банки кизилового варенья на нижней полке. Сколько лет та банка стоит там? Год, два, пять? Нет, Зиновий и не припомнит, когда последний раз Лиза покупала кизил. Варенье наверняка поросло многолетними колониями плесени, но перспектива удостовериться в этом не прельщала. Правда, в хлебнице лежал ломтик подсохшего хлеба. Его вполне можно употребить, но как-то не хотелось.

И куда эта Лиза всё подевала? Не могла же она разом сожрать всё в холодильнике? И вообще, где она сейчас? Минус в ссоре с надоевшей тебе женой в том, что ты от неё столько лет зависел в бытовых мелочах, что перестраиваться, заново делать то, что десятилетиями не делал – очень и очень трудно. К тому же она теперь уходит куда-то, не ставя в известность Зиновия. Это раздражает. Хотя с чего бы? Зиновию должно быть абсолютно фиолетово на то, где Лиза и с кем. Она столько лет грызла его, внушала комплекс неполноценности... И всё же... Чёрт, Градову на самом деле не безразлично, что сейчас делает его жена!

Но назад пути нет.

К тому же до пенсии – совсем немного. Ох уж эта пенсия, этот рай за самоотверженный труд, заслуженная награда! Нужно ещё чуть-чуть потерпеть, ещё чуть-чуть...

Ялта! Ялта! Ялта! Ялта! Ялта! Тысячу, нет, миллион раз Ялта!

Мысли мыслями, мечты мечтами, а сейчас воскресный день. Чем бы заняться? Не сидеть же до понедельника дома, как утомлённый жизнью дедуган, которых Градов терпеть не мог, хотя по многим (если не по всем) показателям подходил под это определение. Ну, для начала было бы неплохо набить чем-нибудь желудок.

Градов откопал в кладовой сундук со старыми вещами, порылся в нём и извлёк на свет Божий синюю майку, зелёные шорты и чёрную бейсболку в сеточку. Этой одежде уже лет двадцать, но на вид она ещё пригодна к употреблению. Зиновий облачился в неё, удивлённо отметив, что совсем не поправился с тех пор, как последний раз одевался подобным образом. Глянул в зеркало и не узнал себя. Ещё одна ракушка, выброшенная на берег рутины волнами моря забвения. Так давно он не одевался как простой человек... Брюки, рубашка и галстук – стали его вечным бременем. Как и Лиза. Сбросив одну ношу, почему бы не сбросить и вторую?

Обеденное солнце скрывалось в перине белых облаков, но от этого прохладней не становилось. Хотя Зиновий удовлетворённо отметил, что в шортах и майке гораздо проще переносить жару, чем в штанах и рубашке. Во дворе было безлюдно, если не считать пацана, который помчался наутёк, стоило ему присмотреться к лицу Градова. Ещё бы не помчаться, ведь недавно Зиновий выкрутил ему ухо за то, что сорванец обижал уличного кота...

Градов всячески старался удержаться, чтобы не оглянуться на место гибели Альберта Зарецкого. Но все старания напрасны. Голова сама повернулась и окинула беглым взглядом беседку, заросшую диким виноградом. Никого там не было. Зиновий невольно задался вопросом, сидел ли кто-нибудь на её скамье после несчастного случая?

Над дворовыми воротами всё так же висела выцветшая табличка: «Жить стало лучше, жить стало веселее!» Зиновий раньше особо не обращал на неё внимания. Вернее, обращал, но не задумывался над содержанием. Лучше, веселее... Может, людям на пенсии и веселее, и где-то даже лучше, но, чёрт возьми, что за бред?! Упадок экономики города Н, десятилетиями не прибираемые улицы, печальные скелеты когда-то мощных судоремонтных заводов, зияющие канализационные ямы, ведь их крышки давно сдали на металлолом... Город умирал.

Вернее, он уже умер, а сейчас разлагался. И пока плоть вся не съедена трупными червями и личинками, пока голые кости не желтеют на беспощадном солнце – люди ещё живут здесь. Те, кто не смог вырваться в столицы или более удачливые города, чем их родной.

Зиновий содрогнулся от своих мыслей. Клубок наконец-то распутался, блюдо мыслительных процессов дошло до съедобной кондиции. В бедах города Н виноваты дагонцы! Ну да, кто же ещё? Дагонцы, со своим байганом. До их появления город процветал! Промышленность росла, улицы были чисты, дороги целы, а вместо полыни и прочих сорняков росли каштаны, клёны, акации и тополи.

Байган на корню изменил всё. Заработанные деньги люди тратили на него. Он приносил облегчение и радость, свободу от повседневной рутины... Но цена этой свободы не заставила себя долго ждать. Дагонцы один за другим скупали заводы, фабрики, рестораны, магазины... Они скупали всё. И люди продавали.

За деньги – люди готовы продать всё.

Такие промышленные города, как город Н – просто не интересны дагонцам. Им не нужны газотурбинные двигатели пятого поколения или многотоннажные судна с подводными крыльями. Им нужно продавать байган, а заодно скупать всех и вся. Подчинять экономику своим и только своим потребностям.

Заводы закрылись, улицы опустели.

В городе по-настоящему живыми остаются только фабрики упаковки, пневмотрассы транспортировки и магазины байгана. Всё остальное: школы, университеты, больницы, милиция, продуктовые магазины, парикмахерские, кинотеатры и прочее – нужны лишь для того, чтобы люди продолжали жить и как-то зарабатывать деньги. Чтобы потом тратить их на байган...

Но не слишком ли Градов много на себя берёт? Пусть об этом думают политологи, историки, крупные шишки из крупных городов, но уж точно не скромный учитель средней школы города Н. Что Зиновию нужно для счастья? Дотерпеть до пенсии. По возможности не давать стрелке настроения падать в красный сектор (не говоря уже о чёрном). А то, что его любимый город медленно доживает последние годы – так это разве удивительно? Простой закон эволюции (привет от дедушки Дарвина), только не в видовом понимании, а в понимании целостной экосистемы.

Город Н – открытая экосистема, которая не выдержала внесённых в неё составляющих. Мир изменился. И под эти изменения смогли подстроиться самые сильные, самые хитрые, самые живучие... Разве Зиновий виноват в том, что город Н не смог устоять? Разве виноват, что всё бездумно распродали, разворовали, растранижили – просрали, в общем? Зиновия никто не спрашивал, хочет он, чтобы судоремонтную верфь продали дагонцам, которые потом дали отмашку местной голодье и босоте растянуть уникальные монтировочные краны на металлолом. Мнение Зиновия никого не интересовало, когда крытый ледовый каток превратили в морозильный склад сырья для изготовления байгана. И уж тем более на точку зрения Градова делящей верхушке было наплевать, когда закрыли детские сады, часть школ, институтов и театров, чтобы переоборудовать их здания в конвейерные цехи по упаковке, маркировке и перевязке байгана.

А что здесь такого? Кто что мог – то и продал, а сам с приятно греющим душу счётом в банке пустился на поиски нового дома. В Нью-Йорке, к примеру, Москве, Токио, Пекине, Берлине, Лондоне, Ханое, Каире, Хараре, Пхеньяне, у чёрта на куличках или ещё где. Некоторые, самые утомлённые земной обыденностью, перелетели в Дагонск-1 – первый и пока единственный город, возведённый на реголите Луны.

Постройку лунного города инициировали дагонцы и изначально планировали его как укромный уголок для представителей своей расы. Но после того, как последний жилой модуль был смонтирован, планы резко изменились. Уж слишком много людей, скупаемых любопытством и желанием новых впечатлений, захотели поселиться на Луне. Дагонцы не

стали препятствовать. Почему бы и нет? Если человек хочет впечатлений, он их получит! Цена за поселение в Дагонске-1 была установлена даже не лунная, а воистину космическая! И, несмотря на это, находились желающие платить.

Не мудрено, что в результате совместной жизни людей и дагонцев то тут, то там начали появляться полукровки.

Зиновию надоело думать. Жарко... К тому же, подобные мысли опасны. Особенно для людей, которые без байгана свою жизнь смутно представляют. А это две трети жителей Земли.

Не кусай руку кормящую...

За прилавком когда-то красной палатки с таинственной надписью «Якість маківок і хал – краща усяких похвал!» с обиженным видом сидел мордоворот. В надписи сложно было не заметить коррективы, нацарапанные гвоздём. Самая приличная из которых была в слове «хал», где поверх «а» было криво нацарапано «у», а поверх «л» – одиннадцатая буква алфавита. Остальные коррективы вызвали праведное недоумение. Таких форм и сочетаний ругательств Градову не довелось встретить за все годы педагогической деятельности. А встретить ему довелось немало...

Мордоворот глядел в одну точку, что располагалась между древним, как мир, беляшом и чёрствым, как сердце старой проститутки, пончиком. О чём думал мордоворот? Какие воспоминания снедали его? Кто, быть может, обидел его тонкую, ранимую, склонную к восхищению прекрасным душу? Расстраивала ли его хулиганская надпись гвоздём? И знал ли он руку, которая держала этот гвоздь в момент низкого морального разложения? И не была ли эта рука – его собственной?.. Нам не суждено это знать.

Он не поднял глаз, когда Зиновий попытался пошутить:

– Я возьму две халы и три маковки.

– Как оригинально, – выдохнул мордоворот.

– И похвалю даже, – с увядающей улыбкой продолжил Градов.

– Тупой, банальный старикан, – буркнул себе под нос мордоворот.

– Чего, простите? – опешил Зиновий.

– Вы будете покупать, или поговорить пришли? – всё так же, не поднимая глаз, спросил мордоворот. – Если поговорить – это не ко мне.

Зиновий испытал резкое желание плюнуть во флегматичную морду продавца, развернуться и гордо уйти. С большим трудом он переборол это желание. Во-первых, не в правилах Зиновия Сергеевича Градова плевать людям в лицо, даже когда очень хочется. Во-вторых, он очень хотел есть, и до ближайшей закусочной, которая располагалась в пяти кварталах выше по улице, он бы не дотерпел. Нет, дотерпел, конечно, но, чёрт подери, так надоело терпеть!

– Беляши свежие? – выдавил Зиновий Сергеевич.

– Вчерашние, – признался мордоворот.

– А что сегодняшнее? – поинтересовался Зиновий.

– Ничего, – не стал врать мордоворот.

– Подогреешь? – с надеждой спросил Зиновий.

– За отдельную плату, – на миг повеселел мордоворот.

– Тогда давай два беляша и два пирожка с картошкой, – Зиновий протянул деньги. – И запить чего-нибудь. Отдельной платы не будет.

– Не будет отдельной платы, не будет разогрева, мне-то что? – бурчал себе под нос мордоворот, упаковывая заказ в надорванный бумажный пакет.

Зиновий принял пакет и сдачу. Развернулся и пошёл, стараясь стереть из памяти мордоворота, прилавок с задубевшими товарами и неприличные надписи гвоздём. Лучший способ забыть о чём-нибудь – не возвращаться к этому в мыслях. Отсесть все сознательные и подсознательные мосты, которые способны вернуться к ненужным воспоминаниям. Бросить

коробку ненужных воспоминаний на самую дальнюю, самую пыльную полку шкафа памяти. Это трудно. Но это возможно.

Градов был так голоден, что вгрызся в беляш до того, как отыскал свободную скамейку. Беляш был твердоватым, жирным, мяса в нём почти не было, и лучше бы не задаваться вопросом, какому животному это мясо принадлежало при жизни. Но всё же, беляш был вполне пригодным для употребления.

На скамейке – бетонном каркасе с двумя досками на нём – Зиновий принялся за пирожки и беляши, запивая всё это дело из пластиковой баночки. Тёплый «тархун» проталкивал пережёванную еду, ничего больше. Градов предпочёл бы ему обычную воду, но кроме мерзкой зелёной газировки у мордоворота в ларьке ничего не оказалось. Нет, лучше не вспоминать его, забыть, как назойливую муху, прихлопнутую свёрнутой газетой.

Сосед по скамейке – низенький чернокожий блондин в пропитавшейся потом гавайской рубашке – с нескрываемой завистью заглядывал в рот Зиновию. Казалось, каждый раз, как старик откусывал кусочек, сосед испытывал укол классового неравенства, мол, вот ты, старик-богатеи, жрёшь свой беляш и картошку в пирожке, а я, простой чернорабочий, сижу тут, полуголодный, дожидаясь своей смены, а точнее – конца месяца, чтобы получить причитающиеся за тяжкий труд талоны на байган...

Ещё один человек, которого надо будет забыть. Ещё одна ракушка, выброшенная на берег. Как бы потом не наступить на неё. Градов очень не любил, когда кто-то следит, как он ест. А чтобы в рот заглядывали – тем более! Так и поперхнуться можно.

Зиновий не выдержал и протянул блондину пирожок:

– Ты слюной сейчас захлебнёшься. Держи, только перестань меня взглядом сверлить.

– Спасибо, – виновато улыбнулся чернокожий, принимая съедобный дар. – Нэ панимай твоя гаварить, нэ панимай, – как бы доказывая, что действительно не понимает, парень затряс головой, что, впрочем, не помешало ему жадно приложиться к пирожку.

– Что же ты забыл у нас, дружище, если ничего не понимаешь? – задал риторический вопрос Градов. – У нас и делать-то нечего такому как ты... На, тебе, должно быть, нужней, – Зиновий протянул соседу баночку с остатками «тархуна» и пакет с покоящимся на дне беляшом.

Парень вначале замахал руками, мол, не надо, я слишком гордый, мне и одного пирожка хватит. Но потом перестал ломаться, принял пакет и баночку. Улыбнулся, обнажая жемчужные зубы, а потом со всего маху врезал кулаком Зиновию в подбородок. Сноп разноцветных искр перед глазами. Чёрная бейсболка в сеточку слетела с головы, обнажая седые волосы.

Градов потерял сознание. А когда очнулся...

Когда очнулся, в карманах шорт не обнаружил кошелёк. Благо, грабитель хоть ключи от квартиры оставил. Никого живого поблизости не наблюдалось. Только дыры в асфальте и растущая из них полынь.

– Я был неправ, – иронично произнёс Зиновий, потирая ушибленный подбородок, – тебе есть чем у нас заняться, дружище...

Троллейбус «двойка» прибыл на остановку чуть ли не мгновенно. Ну прямо как по заказу Вэньг Ли. И вправду, задержись рогатый – Таня и Света передумали бы ехать в гетто чупакабр. Но забравшись в забитый салон, девчонки сами отрезали себе путь к отступлению.

Как и большинство троллейбусов города Н, этот нуждался в капитальном ремонте. Как ходовой, так и салона. Лысая резина тысячу раз рихтованных колёс впечатывала в землю сорняки. Шофёр не разгонялся, но и при малых скоростях каждая яма в асфальте передавалась в салон жёсткой тряской и вибрацией. А если учесть, что вся дорога – сплошная

яма, то можно себе представить, каково было пассажирам, которые жались друг к другу промокшими от пота телами.

В местах, где ямы оказывались особенно глубокими, водителю приходилось направлять своего ржавеющего рогатого монстра в объезд – взбираться круглыми резиновыми лапами на остатки бордюра, плестись по тротуару, земле, траве, камням и остаткам пешеходной плитки. Штанги троллейбуса то и дело срывались с проводов, и водителю приходилось надевать грубые варежки из мешковины, чтобы тянуть за капроновые тросы. Башмаки токосъёмников всякий раз возвращались на место, чтобы вновь сосать электричество из вен контактной сети, сплёвывая его в электромотор.

До конечной остановки «Площадь Победы» троллейбус полз около часа, если не больше. В забитом пассажирами салоне это время показалось вечностью. Даже несмотря на то, что за пару остановок до «Площади» значительная часть людей вышла, и Тане Паучковой даже посчастливилось присесть на дерматиновое сиденье с торчащим из надрывов пожелтевшим поролоном.

И всё же вечность потных мучений кончилась. Двойные дверцы троллейбуса со скрипом распахнулись, девчонки с облегчением порхнули на заросшую бурьяном остановку. И пусть день выдался довольно жарким, но, по сравнению с салоном троллейбуса, улица казалась обителью живительной прохлады и свежести воздуха. И, о чудо, нигде не пахло полыньё! Правда, вскоре подул знойный ветер, неся с собой её горький запах.

Площадь Победы не оправдывала громкое название. Совсем, как и Парк Победы. Да вообще, в городе Н трудно отыскать что-то соответствующее громким названиям. Все эти улицы, скверы, парки великих людей и событий, здания, посвящённые целым странам и городам, коллективам когда-то прославившихся ударников труда, все эти скелеты заводов и фабрик... Всё это лишь отголоски прошлого, бледное эхо, пепел сгоревшей эпохи. Ну разве можно называть Площадью Победы пустырь, поросший бурьяном и чертополохом? Разве можно молодёжи без насмешки, а старикам без боли смотреть на гранитный постамент с обрубками зелёных от окисления бронзовых ног и торчащих из них штырей каркаса? Ведь остальную часть памятника растащили на металлолом... А что, спрашивается, случилось с часами на здании ДК? Почему стрелки замерли на многозначительной «половине шестого»? А сам Дворец культуры превратился в склад удобрений. Культура города Н переживает «половину шестого»? Творческий упадок, импотенция?..

Ещё бы!

Зачем в ДК склад удобрений? Всё просто. Чупакабры помимо торговли байганом, ещё выращивают коноплю и рапс. Из листьев и пыльцы конопли они делают густой отвар, который достаточно высоко ценится дагонцами – для них это что-то вроде чая. Называют они его коновар. Некоторые чупакабры тоже время от времени пьют отвар из конопли, но в связи с наличием человеческих генов, их организмы испытывают стойкое наркотическое воздействие. Привыкание к отвару происходит почти мгновенно, если не с первой кружки, то уж точно со второй. К тому же частое употребление коновара способно спровоцировать рак желудка – чуму чупакабр.

Что делают чупакабры из стеблей и семян рапса – не то, чтобы тайна, но мало кто об этом знает. По крайней мере, ни Таня, ни Света, ни Вэньг об этом не имели и малейшего представления.

– Все за мной, – махнула рукой Ли, ощутившая, что подруги начинают мешкать. Того гляди и передумают ещё...

– Сусанина Иванна, блин, – буркнула Таня Паучкова.

– Эй, я ещё никого в непролазную чащу не завела, – парировала Ли.

– А заведёшь? – ухмыльнулась Таня. – То-то я смотрю, глазки твои бегают...

– С тобой вообще можно нормально разговаривать? – разозлилась Вэньг. – Нет, ну разве можно такой пустомелей быть, скажи Светка?

Света неопределённо пожала плечами, мол, не мне судить...

– Солнце палит, – после некоторой паузы возобновила беседу Таня. – Долго ещё?

– Мы только пять минут идём, – раздражённо сказала Ли. – Ты вообще умеешь терпеть?

– А зачем мне терпеть? – не унималась Таня. – Я в троллейбусе достаточно натерпелась.

Хватит уже.

– Вот на Соловьёву посмотри – идёт себе молча, никого не достаёт... – Ли говорила это так, словно разжёвывала каждое слово умственно-отсталому человеку. – Задумчивая вся, сосредоточенная. Пример для подражания, в общем.

– Света, ты и вправду какая-то задумчивая, – Таня сменила жертву. – Я бы даже сказала – мрачная. Что случилось?

Света неопределённо махнула рукой и выдавила из себя улыбку. Не очень убедительная улыбка получилась, с кислинкой.

– Да чего там гадать? – встряла Ли. – О Говарде она своём думает. Мечтает, как бы поскорее он её на заднем сиденье патрульного флаера оприходовал.

– В твоей башке вообще есть какие-то другие мысли, кроме секса? – спросила Света.

– А в твоей? – ответила вопросом на вопрос Ли, точно так же, как это делали жители города Одесса, двадцать четыре года назад сгоревшем в радиоактивном огне Ядерного Пожара.

– Ладно, Вэньг, все мы этим грешим, – решила быть справедливой Света. – Но сейчас я не думала об этом. Да, о Говарде я думала, конечно. Я часто о нём думаю, очень часто...

– Вот видишь, Паучкова, я ведь говорила! – Ли радостно ткнула Таню пальцем в бок.

– Ненормальная какая-то, – опешила Паучкова, потирая место прикосновения.

– Это не шуточки! – лицо Соловьёвой было мрачней осенней тучи. – У меня какое-то странное предчувствие. Такое, словно моему Говарду сейчас нужна помощь. Будто бы с ним должно случиться что-то нехорошее. Я чувствую беду.

Они и не заметили, как вышли за черту города. Вдоль натопанной дороги шелестела густая трава. Трещали цикады. Асфальтом здесь и не пахло.

– Ну ты и скажешь, – вздохнула Таня. Тревога подружки была заразной. – Я уверена, нечего переживать. Это из-за жары. Я как-то прошлым летом пережарилась на солнце и почему-то решила, что мой дедушка вскоре умрёт. Вы ведь видели деда? Любой молодой позавидует его здоровью! А ведь вошла в голову такая чушь. Хех, – с каждым словом Паучкова приобретала уверенность. – Дедуля уже год как на пенсию ушёл. Ему весь двор завидовал! Ещё бы, в Киевский пенсионный взяли. Недавно новая открытка пришла – хорошо ему там. Так что, подружка, перегрелась ты, и дурь всякая в голову лезет. Забей на неё.

– Успокоила, как же, – криво улыбнулась Света, – Я жару хорошо переносу, и вообще, ой, ЗМЕЯ!

И вправду, на пыльной дороге лежала, свернувшись «восьмёрками», большая серая змея с бурыми пятнами на спине и жёлтым брюхом. Кончик хвоста был особенно длинным и тонким, похожим на крысий. Это особенно пугало. Змея спокойно лежала, лениво дразнясь раздвоенным язычком.

– Ой мамочка, змеюка, ай, змея, фиии, беее, – запрыгала Таня, тряся руками, словно по ним ползла по меньшей мере стая крошечных змей.

– Да перестаньте вы, истерички, – рявкнула Ли. – Не злите её. Паучкова, возьми себя в руки!

– Брррр, она такая страшная, брррр, – затряслась Таня. – Брррр, мамочки, брррр.

– А ну перестань, – Вэньг Ли хорошенько тряхнула Паучкову. – Брось это, она ничего тебе не сделает, успокойся! А ты, – Ли ткнула пальцем в сторону остолбеневшей от страха Светы, – правильно, так и стой, не шевелись. И главное, молчи.

– Фи, но она ведь такая мерзкая, – прошептала Паучкова, более-менее придя в себя.

– Поверь мне, подружка, ты ей кажешься такой же мерзкой, как и она тебе.

– Она нас убьёт? – подала тоненький голосочек Света.

– Ну и дура же ты, – сдерживая гнев, сообщила Вэньг Ли. – Ты что на уроках биологии делала? Хотя наверняка о Говарде мечтала, как он тебя сандалит в пустом классе. Ты разве не видишь жёлтое брюхо? Агоу, девоньки, тёмный верх и жёлтое брюхо. Кто же это? Ты-то, Паучкова, знать должна, по биологии ведь десятка.

– Жёлтобрюхий полоз, вид змей рода стройные полозы, семейство ужеобразных, – выдавила из закровов памяти Таня, сама того не ожидая. Как любая зубрёжка, она могла выдавать подобные наборы слов, но не всегда понимала, что они означают.

– Бояться нам нечего. Понятно? – Ли с надеждой посмотрела на подруг.

– Нет, – покачала головой Света.

– Она такая здоровая... – прошептала Таня, косясь на змею, которая решила поиграть на публику и растянулась во весь рост. – Три метра, нет, четыре...

– Да не фантазируй, – фыркнула Ли. – Полтора метра, максимум два.

– И этого достаточно, – сказала Света.

Она пряталась за спиной Ли. Паучкова стояла чуть поодаль.

– Таня, ты разве не поняла, что нам сказала? – с иронией спросила Ли. – Ужи... Они безвредные, в них нет яда...

– Так это ж не уж, – сглотнула слюну Таня. – Это жёлтобрюхий полоз.

– Ты действительно такая тук-тук, или претворяешься? – Ли устало потёрла глаза.

– Она большая и страшная, – решительно сказала Света. – Уж это или полоз, или ещё какая-нибудь ползучая дрянь – мне всё равно. Главное, чтобы подальше от нас была. А то разлеглась на дороге, понимаешь ли... Давайте её обойдём по траве?

– Хотя кто-то здесь нормальные вещи говорить начал, – повеселела Ли.

– Нет! – замахала руками Паучкова. – Я не пойду по траве. Если здесь на дороге эта гадость разлеглась, то представляете, сколько страшных зверюг в траве прячется? Наверняка тут рядом змеиное гнездо.

– Трусиха, смотри, как бы юбочку себе не обмочить, – кинула Вэньг.

– Уж лучше юбочку обмочить, чем подохнуть от яда, – не осталась в долгу Таня. – Вы ж меня тут и бросите, если что произойдёт. Удерёте и вспоминай как звали!

– Чёрт, Паучкова, твоя паника заразительна, – призналась Соловьёва. – Я теперь не хочу по траве идти...

– Ну вы в самом деле странные, – с досадой развела руками Ли. – Моя бабушка ядовитых змей голыми руками ловила, яд для аптек из них доила, головы им отрезала, кровь пила, а мясо жарила или вялила. Змеиная кровь полезна для мозга и сердца. А мясо чем-то курицу напоминает, но слишком суховато, как по мне. Бабушка меня любила баловать хорошим змеиным рагу, царство ей небесное...

Бурча под нос историю про бабушку, Ли сделала несколько шагов к насторожившейся змее, остановилась в метре от неё и затопала ногами, делая резкие, угрожающие движения.

В идеале, змея должна была испугаться и уползти в траву. Но этот полоз был не из пугливых. Да и не мудрено – крупная двухметровая особь, матёрая, повидавшая на своём веку не одного человека. Может быть, и укусившая не одного человека... И вообще, почему именно жёлтобрюхий полоз? Есть ведь такая дрянь из семейства аспидов, желтобрюхая пелаида, морская змея. Да, моря поблизости нигде нет, ну и что? Мало ли чем там чупакабры занимаются у себя в гетто? Вдруг аспидов разводят ради яда и кожи? Или эксперименты генетические ставят, скрещивают полозов и аспидов, чтобы вывести уникальную породу ядовитых змей, способных жить как на суше, так и в море? А этот экземпляр решил уползти от нерадивых хозяев, на дорожке полежать, подкараулить парутройку наивных десятиклассниц, чтобы прыснуть в каждую по порции яда? Почему бы и нет?

В любом случае, полоз то был, аспид или мутант какой-нибудь, а уползать он и не подумал. Он свернулся кольцом, вытянул голову, зашипел и начал делать угрожающие

выпады в сторону Ли. Та отпрыгнула, словно пчелой ужаленная. Но лучше уж пчелой быть ужаленной, чем смертоносной пеламидой...

– Ой девоньки, чую недоброе, – выдохнула Света.

– Бежим! – завопила что было сил Таня и пустилась наутёк. Да так, что только подошвы её новеньких кедров сверкали. Ни Ли, ни Соловьёва спорить с этим проявлением самосохранения не стали. Побежали следом.

Они бежали вплоть до остановки «Площадь Победы». Там перевели дух, посоветовались и решили, что затея Ли изначально была обречена на провал, и что незачем порядочным девочкам в гетто чупакабр свои носики совать, и что вообще страх к змеям сидит в генах человека так же крепко, как, к примеру, половой инстинкт, а, следовательно, его не побороть.

В общем, девчонки дождались ближайшего троллейбуса «двойки» и с радостью набились в его переполненный салон. Остаток дня они провели в гостях у Светки, чаёвничая «зелёным порошком», ради которого Ли пришлось сбегать к себе домой и выдержать бой со строгой матерью, которая сама любила этот редкий и невероятно дорогой чай и делиться им не очень-то и хотела.

Прессованные в горошинки чайные листки раскрывались в кипятке, как цветы. Это понравилось всем. Правда, вкус истинного зелёного чая категорически не понравился Тане Паучковой. Она об этом неоднократно заявляла, даже когда брала себе добавку, мол, мне не нравится, но раз вы пьёте, то чем я хуже?

Три ученицы десятого «В» класса средней школы номер двадцать два с углублённым изучением дагонского языка ещё долго вспоминали поход в гетто – как один из самых странных, самых бессмысленных и самых безрезультатных поступков, который им довелось совершить вместе.

Из жизни доблестной милиции 5

– Генерал Машхаран, подумать только, – выдыхая едкий дым «кэмэла блю», прошептал Говард.

Чан сидел в позе лотоса: глаза закрыты, лицо застыло в каменной маске безмятежности. По разумению Говарда, именно таким должен выглядеть достигший у-вэй Будда. Но как-то сложно себе представить человека, чья жизнь недавно висела на волоске, а сейчас он вот взял и достиг нирваны. Странные люди, эти фанатики Карающего Феникса. Или, может, это не все такие, а только Чан Вэй Кун? В любом случае, эта нирвана была какой-то неправильной, показной, что ли? То есть, на первый взгляд казалось, что Чан находится в полной прострации, ограждённый от человеческих эмоций, воспоминаний, от суеты жизни как таковой. Но более пристальный взгляд говорил совсем другое: Закиров руку бы дал на отсечение, что вздумай мимо Чана пролететь муха, как тот бы раздавил её большим и указательным пальцами. При этом не открывая глаз.

Да, непростой у парня старший напарник, очень непростой...

– Старший лейтенант... – мечтательно протянул Говард и потушил сигарету о пенёк, на котором сидел. – Это ж, наверное, бумажной возни будет, чтобы звание оформить...

– Оставь возню баранщикам, – не открывая глаз, сказал Чан. – Ты теперь гладиатор. Крещённый боем гладиатор. Я, конечно, представлял себе всё по-другому, но всё же... ты отлично справился, Закиров. Даже более чем – на первом же задании получить старлейта...

– Да ладно... – попытался быть скромным Говард.

– Не ладно, парень, не ладно, – Малыш поднялся с земли и подошёл к напарнику, положил руку на его плечо – Ты спас мне жизнь. Мало про кого я могу ещё такое сказать.

– На моём месте ты бы сделал то же самое, – Говард похлопал по руке Чана. – Просто так сложились обстоятельства.

– Наверное, и так, – пожал плечами Чан. – Не знаю... Я ведь из тех мест, где спасти человека – значит отвечать за него всю дальнейшую жизнь. Эта бальсая атвещвенась, друг, ты типеря за меня атвечаеша, за все маи паступаки.

Говард открыл было рот, но тут же закрыл его, не проронив и слова. Просто не знал, что можно здесь сказать.

Через некоторое время они сели во флаер. Затяжная бочка никак не повлияла на его аэродинамические характеристики. Разве что в салоне царил беспорядок, но двух холостяков вряд ли это как-то могло серьёзно беспокоить. А уж тем более, это не беспокоило зарывавший мотор, подавший струи сжатого газа на дюзы.

Рация передала последние новости: штурм состоялся. Враг нейтрализован. Заложников не обнаружено...

На ближайшей милицейской станции обслуживания заправили полные баки топливом. Пока флаер стоял на обязательном осмотре, Говард и Чан сидели в буфете. Говард пил чёрный кофе, заедая солёными крекерами. Чан заказал графин водки и тарелку квашеных овощей.

Закиров молча жевал. Когда его четвёртая чашка подходила к концу, графин с водкой Чана был пуст. Остатки водки плескались на доньшке гранёной рюмки.

– Твоё здоровье, – сказал Малыш и опрокинул стопку. Поморщившись для порядка, он впился зубами в квашеный помидор, высасывая из него мякоть.

Шкурка помидора треснула, и Говарду на лицо брызнуло соком помидорины. Красная жидкость. Напоминает кровь. Именно ту, которая в достатке пролилась в это злосчастное воскресенье. Кровь милицейских и заложников, которых «не обнаружили».

Закиров вытер лицо вафельным полотенцем, покоившимся на спинке соседнего стула. Должно быть, это полотенце забыла забегавшаяся официантка. Им она смахивает крошки со стола и протирает стаканы, сполоснутые в тазике с холодной водой. Ну, или вытирает слёзы после тяжёлого рабочего дня – здесь, в милицейском буфете редко когда дают на чай...

Для людей сухощавой комплекции, к касте которых принадлежал Чан Вэй Кун, выпитое им количество водки должно оказаться фатальным. Нет, до смертельной дозы ещё далековато, но вот для дозы «упал-хватит» – в самый раз. Вопреки всем законам распределения алкоголя на живую массу человека, Малыш был стоек. Со стороны вообще не видно, чтобы хмель хоть на йоту подействовал.

На стене загорелась одна из семи пронумерованных ламп. Номер четыре – именно тот, который на станции присвоили патрульному флаеру системы «Крылатый Патриот – 1280». Обязательная проверка выполнена, механики дают добро на длительный перелёт.

Говард сел за штурвал. Малыш уместился на задних сидениях, свернулся калачиком и тут же захрапел, или, точнее, засопел, как медведь во время зимней спячки. Вот и алкоголь подействовал...

Салон вмиг наполнился запахом водочного перегара и квашеных овощей. Говард включил систему вентиляции на максимум.

Дюзы выплюнули мощные струи газа.

До города Н было время подумать. Но Говард старался гнать все мысли из головы. Сделать её чистой площадкой, игровым полем, на которое не пускают игроков. И всё же, не всегда это получалось. Время от времени он смотрел на Чана через треснутое зеркало заднего вида. А ведь он спит там, где часами ранее таилась смерть в лице девочки лет десяти, максимум двенадцати. Телепат третьей степени, мать её так!

Чудом, смерти удалось избежать. Или отсрочить? Если ты попал под прицел Смерти, то будь уверен, просто так она тебя не отпустит. Она уж очень упёртая, эта старуха с косой. Рано или поздно, всегда добывается своего...

Из зеркала на Зиновия Сергеевича Градова смотрели тёмно-зелёные глаза уставшего от жизни старика. Лицо превратилось в полигон морщин – одна глубже другой. Пролысины со старческими кожными пятнами и редкие короткие волосы, больше похожие на белые щетинки отработанного бутылочного ерша. Подбородок набух и невыносимо ныл – подарок от чернокожего грабителя.

– Слушай, я и не заметил, как превратился в такое дряхлое дерьмо, – сказал Зиновий зеркалу.

Губы усталого старика в зеркале шевелились в такт словам Зиновия. После он зачерпнул воды из умывальника и смочил лицо.

– Нет, разве таким можно на пенсию идти? Ветхий старикан, дедуган-дедуган-дедуганище, – пробурчал Зиновий Сергеевич.

– Таракан-таракан-тараканище, – перекивлял старик в зеркале.

– Чего, простите? – опешил Зиновий.

– Чего, простите, интеллигент хренов, нет, чтобы матом, как раньше... – упрекнул зазеркальный Зиновий.

– Так, а тебе какое дело? – скрестил на груди руки обычный Градов.

– Да, собственно, никакого, разве что я твоё отражение, твоё «Я», а так – плевать я хотел на всё, чем ты занимаешься и на всё, о чём ты так громко ноешь, – в ответ скрестил на груди руки зазеркальный Градов, но сделал это нарочито не так, как его оригинал.

– Не ною я ничего, – набычился нормальный Зиновий.

– Как же, как же, – ухмыльнулось зеркальное отражение, – слышал бы ты свои мысли. Одна унылей другой. Всё ноешь и ноешь. Ноешь и ноешь. Жена у него, понимаешь, фригидная мегера, жизнь у него, понимаешь, сложная вся, проблематичная, опостылевшая... Только и думаешь, что о пенсии своей долбанной.

– Не говори так! – топнул ногой Зиновий.

– А то что, зеркало разобьёшь? – как можно язвительней спросило отражение. – Так я ведь из другого тебя достану. Все зеркала города Н не перебьёшь. А если и перебьёшь, я тебя из лужи достану, из наполированной поверхности стола, из доньшка металлической чашки, из...

– Я понял, можешь не продолжать. Ты лучше другое мне скажи: чего тебе от меня надо?

– Ну, как минимум, чтобы ты понял одну простую вещь. Пенсия в Ялте – это твоя идея-фикс, твоя вредная одержимость, твой опасный мираж.

– Вот что ты сейчас мелешь? – разозлился Зиновий. – И ещё смеешь себя моим отражением называть? Ты прям как злобный гном какой-то, чесслово. На пенсии я наконец-то получу заслуженный отдых, я забуду о жизненных проблемах и хоть под конец жизни начну ей, этой жизнью, хоть как-то наслаждаться.

– Слушай, Градов, ты сам себе веришь?

– Тебе я точно уж не верю, ведь ты какое-то кривое отражение. Нормальное отражение было бы со мной заодно.

Глаза у зазеркального Зиновия загорелись недобрым светом:

– Вот смотри, ты ведь сам сказал, что в дряхлое дерьмо превратился.

– Ну сказал, и что здесь? А может, это не я дряхлое дерьмо, а ты? Увидел я тебя, и подумал на себя.

– Не смейся. Я всего лишь твоё отражение. Ты видишь во мне только себя, никого больше. Я, так сказать, твой глас трезвого разума, что ли...

– Зубы заговорить пытаешься? – Зиновий одарил зеркало сардонической ухмылкой.

– Короче, Градов, не уходи от темы, – не поддалось отражение. – Что здесь ты дряхлое дерьмо, что в Ялте таким же будешь, улавливаешь нить?

– Нет, – соврал Зиновий.

– Поясняю для особо непонятливых. От себя не убежишь. От своей дряхлости, если в частности. Душевной дряхлости. Как ты сможешь наслаждаться жизнью в пансионате Ялты, когда ты, по большому счёту, разучился ею наслаждаться? Не Ялтой, а жизнью, если быть точным.

– Я такси недавно вызвал, соседей всполошил, почти все семейные деньги спустил. И с Лизой разругался в конец. Это, по-твоему, разучился наслаждаться жизнью?

– Слушай, дядя, кого ты обмануть пытаешься? Самого себя? Не смей меня. Твои последние поступки – трепыхания утопающего в море собственной неполноценности. Причём, эту неполноценность ты развил в себе сам. И нечего здесь винить Лизу. У самого на плечах голова есть.

– Я...

– Да помолчи ты хоть сейчас. Было время, когда говорить надо было, а теперь стой и слушай. Ты сам затянул себя в эту жопу «красного и чёрного секторов» на датчике настроения. Как ты из неё выбираться будешь – твоё дело. Сейчас у меня особых идей на этот счёт нет. Разве что перестань винить в своих неудачах весь мир. И это... Альберт Зарецкий умер не по твоей вине. Это всё Толик с Сержилом – два старых тупых ушлёпка. Вечно они спорят о всякой ахинеи и других в свои споры втравливают. Довтравливались, матерей их за ноги, что Альберта сгубили и тебя косвенно виноватым сделали. Но ты сам прекрасно понимаешь, насколько эта косвенность «липовая». Ты не виноват. Альберт вполне мог поскользнуться не на твоих рассыпанных шахматах, а на, скажем, банановой кожуре.

– Да, вот только бананы уже лет тридцать к нам не завозят...

– Какая разница? Ты бы ещё про Интернет вспомнил... Градов, перестань быть УГ, договорились? Перестань и займись собой. Начни видеть на медали жизни и светлую сторону, договорились?

– И-Н-Т-Е-Р-Н-Е-Т, – вдался в мечтания истинный Градов. – Когда-то он был... У каждого второго, если вообще не у каждого первого были свои собственные компьютеры: стационарные, ноутбуки, нэтбуки, айпады... Bluetooth, 3-G, Wi-Fi... У меня когда-то и машина даже была. Старенькая «таврия». Ломалась, правда, каждую неделю, но зато своя. СОБСТВЕННАЯ!

– Ну вот опять, Градов, ну вот опять! – возмутилось отражение. – Я ему про Фому, а он мне про Ерёму! Перестань жить прошлым. Перестань жалеть о нём. Перестань сетовать на жизнь! И, если честно, про «таврию» лучше не вспоминай, договорились?

– Слишком ты много советов даёшь. Болтун ты, вот кто.

– Я бы с тобой ещё с радостью поговорил, но, извините, действие «Пряной ночи» заканчивается. Давай, близнец, до связи...

Зиновий Сергеевич открыл глаза. В голове было ясно, как в майское утро после дождя. У каждого человека своя реакция на байган – всё зависит от специфики нервной системы и, конечно же, от разновидности «маски счастья». Кому-то в голову приходят красочные картинки с волшебными замками, феями, драконами и прекрасными эльфийскими женщинами. Кому-то просто хорошо, спокойно, без лишних видений. Кто-то оказывается на другой планете и общается с её обитателями, либо бродит по её девственным равнинам и лесам, плавает в неосквернённых водоёмах. Часты случаи попадания на планету Дагантола – родину дагонцев. У врагов народа вместо подобных прелестей просыпаются психокинетические способности.

Всё сугубо индивидуально. Хотя в ближайшем будущем разработчики байгана обещают выпустить на рынок специфические «маски счастья», склонные вызывать определённые эффекты – по желанию покупателя.

Обычно воспоминания о «байгановом сне» смутны. Люди помнят лишь некоторые размытые отрывки из видений. И, конечно же, испытывают при этом жгучее желание вспомнить всё остальное. Поэтому спрос на байган никогда не падает...

Правда, бывают и исключения – значительная часть, а порой и весь сон отбивается в сознательной памяти. На памяти Зиновия таких случаев было три. Первый, когда он бродил по берегу реки на Дагантоле, срывал удивительные, не похожие на земные цветы (если это были цветы), кидал оранжевые камешки в пурпурную воду и дразнил небольших, размером с земную крысу фиолетовых гладкокожих зверьков с узкими мордочками и наборами приплюснутых немигающих глаз – на голове, боках и раздвоенном хвосте. У зверьков не было лапок, и Зиновий потешался с того, как эти неуклюжие на первый взгляд создания передвигаются по суше – перекатываются боком, орудуя раздвоенным хвостом. Довольно быстро и ловко, стоит отметить.

Второй запомнившийся сон Зиновия не был так красочен и интересен, как первый. Ему привиделся жёлудь, лежащий на ковре спальни. Жёлудь быстро пророс, запустил корни в пол и вытянулся многолетним деревом, упёрся в пол и стены ветвями, густая листва росла на глазах, желтела, опадала, и из новых почек появлялась вновь. Это длилось до того момента, пока дуб не засох. И за всё время он не дал ни одного жёлудя...

Третий сон был самым странным. Зиновий оказался на каменных зубьях древней башни. Сильный ветер обдувал лицо, бугрил, вздымал его плащ, колыхал перо на широкополой шляпе, трепал выбивающиеся из-под неё длинные молодецкие волосы. Ветер усиливался, и Зиновий решил слезть с башни. Но не знал, как. Не было ни лестниц, ни даже завалившейся ступени. Ничего, что бы помогло спуститься. Зиновий глянул вниз и ужаснулся: земли не видно, башня оказалась слишком высокой, она пронизывала собой облака, тянулась к солнцу, как просящая рука Земли... Градов не смог сопротивляться мимолётному желанию. Оно возникает у всех, кто стоит на краю пропасти и смотрит вниз. Это желание спрыгнуть... Зиновий очнулся ото сна в полёте. Так и не увидев земли...

Иногда у Зиновия возникала пугающая мысль, что вся его жизнь – есть не что иное, как затяжное падение с той башни...

Но «байгановый сон», который Градов увидел сегодня, не отложился в памяти. Лишь что-то смутное, неопределённое, похожее то ли на зеркало, то ли на лужу.

Я получил два дня выходных. «В связи с опасными условиями труда во время выполнения задания» – так было написано в приказе. Да, условия труда и в самом деле опасные. И это ещё очень мягко сказано. Мой напарник, Чан Вэй Кун от отгула отказался. А я не стал следовать его примеру. Как-никак, прошёл посвящение в гладиаторы...

Очень радовал тот факт, что я буду баклуши бить, отдыхать в то время, как за меня все документы будут оформлять. Перепрыгнуть с сержанта сразу на старшего лейтенанта – тут бюрократической возни непочатый край. Как-то непривычно, если честно. Раньше столько ордеров приходилось заполнять, бланков, отчётов и форм... Ну ничего, к хорошему быстро привыкаешь.

Старший лейтенант... Не верится, ох не верится. Вот свалится же на голову неожиданно-негаданно такое счастье. А что, выбора у меня, собственно, не было – либо подохнуть от рук Чана, находившегося во власти сумасшедшей девчонки, либо выжить. Я предпочёл ещё пожить. Рискнул и у меня получилось. Очень результативно получилось...

Да вот теперь часто рисковать придётся...

Получив внеочередные выходные, я не знал, что с ними можно сделать. Первые сутки я и вовсе ничего не придумал – валялся на кровати, отсыпался, иногда поднимался, чтобы справить нужду и порыться в холодильнике. На второй день мне надоело бездействовать. Чувствовал я себя отлично, вот и решил прогуляться.

Погода резко изменилась. Откуда ни возьмись, налетел циклон, и давящую жару сдуло в одночасье резким прохладным ветром, небо заволокли свинцовые тучи, так и ждущие

команды сверху, чтобы прорваться и обрушить на несчастных жителей города Н кислотные слёзы возмездия за техногенные ошибки человечества, усиленные активной деятельностью дагонцев и их шестёрок – чупакабр.

«Когда на небе дождевые тучи зеленоватого цвета, никогда не выходите из дома без защитной накидки и зонта!», «Пенсия! Заработай себе билет в светлое будущее!», «В связи с плохим качеством дорог, маршрут троллейбуса №7 отменён» и подобные надписи частенько можно лицезреть на билбордах, стендах и панелях с рекламой байгана. Социальные объявления теснятся внизу, там, где когда-то, в седой, бородатой древности писали что-то вроде «курение может вызвать рак лёгких и импотенцию» или «не разрешается употреблять особам, не достигшим 18 лет».

Что ж, предупреждения под рекламой врать не могут, не следует их ослушиваться. Перед выходом я таки надел на пояс собранный защитный халат. Такая штукавина стоит немалую копейку, но мне её на работе выписали «за вредность». Вообще работа в милиции, особенно в отделе по борьбе с особо опасными преступниками – даёт свои ощутимые преимущества. Правда и минусы тоже есть, к примеру, тебя может угрохать сумасшедшая девчонка и глазом при этом не моргнуть... Но это всё мелочи жизни.

Защитный халат сделан из ультратонкой прозрачной синтетической ткани. Толщина настолько незначительна, что весь халат в собранном состоянии похож на прозрачный пояс. При необходимости этот пояс очень легко трансформируется в удобный халат, защитную кожу, если угодно. Незнающий человек бы принял его за громадный целлофановый пакет, странным образом скрученный и обтянутый вдоль талии. Вот правда давненько мне не попадались незнающие люди на улицах города Н. Обычно их взгляды плещутся гремучей эмоциональной смесью – завистью и страхом. Ну да, от кислотных дождей их защищает брезентовая накидка, в которых раньше, если верить курсу социальной истории, ходили в лес по грибы. В принципе, в них и сейчас можно в лес по грибы ходить, но это в том случае, если вы изодранный суицидально-настроенный маньяк, желающий принять мучительную смерть от отравления. Грибы, как известно, вбирают в себя всю дрянь, выпадающую вместе с дождём. Не запечатывать же из-за них лес в громадный экокупол? Представить только, сколько такой проект бы стоил – в голове бы все нолики не поместились. Это только для сельскохозяйственных культур нынче выстраиваются купола, защищающие от осадков, и создаются невероятные по сложности дренажные системы, не позволяющие отравленной воде попадать в почву засева. И вообще, сельское хозяйство – хлеб полукровок, наряду с торговлей байганом. Люди теперь редко этим занимаются. Насколько мне известно, не потому, что не хотят, а потому, что вакансий нет.

Вот так сурово, да.

В общем, вышел я на запущенные улицы своего родного города Н и пошёл по ним бродить, как и раньше. Рабочий день был в самом разгаре, а посему прохожие мне почти не попадались, разве что в изобилии встречались бродячие псы, еноты и крысы. Что-то плохо в последнее время работает служба по отлову бездомных животных. Жалкое зрелище эти бродячие четвероногие: больные, облезлые, с кисляками в уголках глаз, лишаями и ожогами от кислотных дождей. Взял бы их всех, и бросил в громадный шнек – чтобы их там в одночасье перемололо! И им страдания облегчило бы, и нам, жителям города, проще бы было. Да, жестоко на первый взгляд, но стоит вспомнить о всех тех болячках, которые эти безбидные на первый взгляд существа переносят на своей грязной шерсти.

Семь лет назад из-за них вспыхнула Всемирная эпидемия чумы. ЧУМЫ!!! Болезни, о которой сотни лет никто не вспоминал, причём чумы в такой форме, против которой современная медицина не знала лекарств. Если верить статистике, тогда в одном только городе Н умерло больше трёх тысяч человек. А что тогда говорить о таких невезучих городах как Санкт-Петербург и Гуанахуато, в которых от эпидемии в общей сложности погибло полторы сотни тысяч человек? И самое странное, эпидемия началась по всему миру

практически в одно и то же время. Какие-то города пострадали меньше, какие-то попросту перестали существовать... И только наши замечательные дагонские друзья спасли Землю от неминуемой биологической гибели – разработали вакцину от чумы. Вакцина действовала настолько эффективно, что эпидемию побороли за несколько месяцев. Помню, как ко мне домой пришёл куратор нашей группы. Да, тогда занятия во всех школах, училищах и университете отменили на неопределённый срок. Милицейское училище, студентом которого я тогда являлся, не стало исключением. Так вот, куратор зашёл в квартиру, унаследованную мной после смерти любимой бабушки, а за спиной его стоял чупакабра в белом халате с красным крестом на рукаве. Чупакабра сделал мне укол и удалился восвояси. Один крошечный укольчик, чуть сильнее комариного укуса – и угроза жизни растаяла, как январский снег в результате парникового эффекта. Где же ты был раньше, чупакабра в белом халате, когда мой друг детства Витька Корнюгин корчился в предсмертной агонии, звал умершую неделей ранее сестру и стонал, стонал, обливаясь кровавыми слезами, заливая постель кровавой мочой и поносом?..

После Витьки у меня не было близких друзей. Так, знакомые... Правда, сейчас Светка Соловьёва нарисовалась, но надолго ли этой дружбы хватит? Она подрастает, Светка моя, и мысли в её голове, как я погляжу, всё взрослее и взрослее становятся. Как бы не разругаться с ней на почве её полового созревания. Мне ведь нужен друг, а не любовница!

Светка! Точно! Вот и цель блужданий появилась. И время подходящее, если сейчас ускорю шаг, то доберусь до её школы как раз к тому времени, как прозвенит звонок с последнего урока.

Что-что, а шаг ускорять я ещё как умею. Умею, но не люблю, ибо дыхание сбивается, ведь я любитель покурить сигареты. Да, кстати, надо пачку-другую приобрести, а то последняя штука «кэмэл лайт» осталась. Благо идти как раз через улицу, где расположился старенький довоенный сигаретный автомат. Я не удивлюсь, что кроме меня из него сигареты никто больше не добывает. Он, можно сказать, стал моим личным поставщиком табачных изделий. Всё реже в магазинах можно отыскать сигареты. Да и другие товары тоже. Лишь первой необходимости продукты в сравнительном изобилии: хлеб, крупы, масло, соевое мясо, аспирин, анальгин, водка...

Ветер колыхал растущую из трещин полынь, наполняя и без того не первой чистоты воздух её пылью. Две крысы дрались за облепленный грязью кусочек чего-то более-менее съедобного. А я трусил мимо обветшавших домов с засаленными окнами и тешил себя приятной мыслью, что вскоре увижусь со Светкой и начну выслушивать её глупые разговоры про одноклассниц и одноклассников, про уроки и контрольные, про стервозных учителей и ещё более стервозного завуча. И какими бы не казались наивными её байки по сравнению с суровой прозой моей жизни, на душе действительно становилось легко и спокойно, словно после долгого заточения в погребе я выбирался наконец-то на поверхность и глотал свежего воздуха. А может, именно из-за наивности, которая ещё теплится в светлой головке Светки, мне так легко и приятно общаться с ней?

Ох, Света, Светка, Светушка, вырастешь ведь совсем скоро, повзрослеешь... Будет ли меня и после этого тянуть общаться с тобой? Скорее всего, да. Но будешь ли ты хотеть видеть во мне только друга? Разочаруешься ли ты во мне, забудешь меня, пустившись по зову плещущихся в голове гормонов? Мне опять суждено потерять лучшего друга? Опять остаться одному? Быть единицей социума, нужной лишь для выполнения грязной милицейской работы, не больше. Мои чувства никому не интересны, всем наплевать на то, что творится у меня внутри. Всем только и нужно, чтобы я выполнял своё дело, подставлял грудь под пули ради их спокойного сна ночью. Всем только и хочется, чтобы я превратился в чёрствую оболочку человека с мёртвым металлическим стержнем внутри. Всем, кроме тебя, Светка. Всем, кроме тебя...

Но надолго ли?..

Ход размышлений вмиг прервался, стоило мне выйти на улицу, на которой стоял сигаретный автомат. Возле него топтались два мужика в серых робах с гербами города на спинах. Рядом находилась металлическая тележка, точь-в-точь как у грузчиков центрального рынка, которые толкают её перед собой, заваленную мешками с чем-нибудь тяжёлым, и кричат прохожим, чтобы те посторонились.

– Эй, ребята, что это вы тут делаете? – окликнул их я.

– Шёл куда-то, вот и иди, хрен моржовый, – с арабским акцентом буркнул мне тот, что пониже ростом и с солидным пивным животом.

– Что-что? – переспросил я, сунув руку в карман.

– Проваливай, придурок, – добавил второй, который был похож на гориллу.

– Это не очень-то и вежливо, ребята, не находите? – я вынул из кармана красную корочку сержанта ОБООП и ткнул её в нос вначале горилле, а потом и пузану. Хорошо, что у меня позавчера не потребовали это удостоверение в участке. Мне нужно будет сдать его при получении удостоверения старшего лейтенанта.

– Эмм, простите сержант Закиров, – замямлил тот, который горилла, – но вы так молодо выглядите...

– И что с того, дружище? – меня эти придурки действительно взбесили, хотя такое бывает крайне редко. – Значит, мне хамить можно, раз я моложе тебя, да? Чего вы со своим коллегой достигли в этой жизни? Обучились правильно унитазы прочищать, мусор на свалку свозить и на прохожих варежку развешивать? Улицы похожи на полигон Ядерной Войны, а вы и пальцем о палец не ударите! Ладно, денег на новый асфальт в казне нет, но разве так сложно пройти и скосить все эти сорняки?

– Сэр, мы погорячились, – елеинным голосом вклинился пузатый коротышка, – но мы не отвечаем за муниципальную политику. Мы простые исполнители приказов, как и вы, сэр...

– Оскорблять людей – тоже такой приказ есть? – ещё более елеинно спросил я.

– Нет, товарищ сержант, это была отсебятина, мы приносим свои извинения, – выдавил из себя горилла, словно разжёвывал покрытую гнойными бородавками жабу.

– Мне, собственно, наплевать на это, – признался я. – Меня больше интересует ответ на вопрос, который я задал в самом начале нашей встречи. Что вы хотите сделать с этим несчастным сигаретным автоматом?

– Мы его демонтируем, – ответил горилла.

– С какой такой стати? – спросил я.

– Решение принято свыше, мы лишь скромные исполнители, – горилла немного подумал и добавил, – сэр...

– Решение принято лишь по этому автомату? – спросил я.

– Нет, – подал голос пивной пузан. – Насколько мне известно, товарищ сержант, это решение принято нашим Верховным Советом. Сигареты с недавнего времени объявлены запрещённым товаром, и все источники их распространения в ближайшее время закрываются или демонтируются. Как этот автомат, к примеру.

– Тупые, обдолбанные байганом ублюдки! – прорычал я.

– Слушай, парниша, мы ведь и обидеться можем, и забыть на время, что ты сержант милиции... – сообщил мне горилла, невзначай хрустя костяшками, сжимая пальцы в кулаки.

– Да это не на вас, – махнул рукой я. Помедлив немного, поразмыслив, я спросил: – Пока вы его не демонтировали, дайте я из его металлопластиковых потрохов всё выгребу. Вам ведь всё равно, какой аппарат демонтировать – полный или пустой, верно?

Тот, что короткий и с пивным животом вмиг покраснел лицом, его ноздри протестующе раздулись и губы задрожали, вот-вот, он скажет какую-нибудь пакость... Но горилла опередил его:

– Это можно, но при условии, что деньги за сигареты ты будешь совать не в щель автомата, а в мой карман, договорились?

– И с чего бы это? – задал естественный вопрос я.

– А с того, – ухмыльнулся горилла, – что бесплатно только птички поют. Сигареты из автомата я достать могу, а опломбированную коробку с выручкой нам с коллегой трогать запрещено под страхом увольнения. А ведь тебе должно быть прекрасно известно, как трудно в городе Н найти работу. Особенно если ты человек...

– Меньше текста, – я отсёк его бесполезный поток слов. – Вытаскивай сигареты, да поживее.

– Как скажешь, – кивнул горилла. – Алаекин, поработай отвёрткой и плоскогубцами, как ты это умеешь.

Мужчина с пивным животом едва кивнул и принялся за дело. Его пухлые пальцы, на первый взгляд годящиеся только для разгрузки мешков с углём, работали виртуозно. Этакая отвёрточно-плоскогубцевая симфония. Витринная крышка автомата была снята со скоростью, которой бы позавидовал любой профессиональный медвежатник. Коротышка всунул руку с отвёрткой в лоток для сигарет, поковырялся там до того момента, пока в раздаточный карман не выпала пачка «кэмэла блю». Пузан ковырял отвёрткой ещё какое-то время, но новые «дары» не появлялись.

– Жаль, только одна, – подытожил гориллоид.

Я ничего не стал говорить. Взял пачку, протянул Алаекину деньги за неё, и пошёл прочь, не удосужившись попрощаться с муниципальными работниками. Впрочем, они также не попрощались со мной. Взаимное неуважение – это наш конёк...

До двадцать второй школы я добрался без новых приключений. Неприятный разговор отнял у меня гораздо больше времени, чем я ожидал, и посему пришлось хорошенько поднажать, чтобы успеть вовремя. Но я не успел. Звонок с последнего урока отгремел минут двадцать назад. Я с досадой поглядел на часы и в который раз мысленно проклял муниципальщиков.

Как ни странно, мне повезло – в школьном дворе, возле парадных дверей стояли девочки и о чём-то горячо спорили. Среди них самой горячей спорщицей оказалась Светка.

– Я говорю вам, говорю – огромная ядовитая змея, настоящее чудовище, она ползла за нами и шипела, у меня сердце в пятки ушло! Ей Богу! – тараторила Соловьёва.

– Так, какая ещё змея, ну-ка поподробнее, – я подкрался к ним незаметно, я это умею.

– Ох! – Светка подскочила от неожиданности.

Симпатичная черноволосая китайчанка прожгла меня насквозь взглядом карих глаз, а после принялась шептать что-то на ушко высокой пышногрудой девушке с огненно-рыжими кудрями; правда, лицо пышногрудой мне показалось грубоватым – тонкий длинный нос, острый подбородок... Нет, многим эта рыженькая бы пришлась по вкусу, но лично мне больше по душе миниатюрная азиатская брюнеточка. Кажется, её зовут Вэньг Ли, если память не изменяет. А рыжеволосую... как же её зовут... нет, не помню. Я эту парочку частенько видел в компании Светы.

– Таня, нам пора домой, к Свете пришёл ухажёр, – излишне театрально произнесла Вэньг Ли.

Да! Рыжую зовут Таня! А фамилия... то ли Жукова, то ли Паучкова, то ли Кузнечкова... Нет, точно не вспомню.

– Да, девочки, пошли домой, – Таня поддержала театральную манеру подруги, – а то ещё арестует нас Говард, наручниками к кровати прикуёт...

– Дура! – рявкнула покрасневшая Света.

– Да ничего страшного, – я попытался стать «мистером-сама-любезность», – я сегодня не при исполнении, так что приковывать наручниками никого не буду...

– Пошли, девочки, – сказала Вэньг, наши взгляды опять пересеклись.

Клянусь, по мне пробежал электрический разряд. Я не выдержал и опустил глаза. Довольная собой, Ли демонстративно направилась к воротам школьного двора. Девчонки пошли за ней, как за предводительницей, королевой десятиклассниц. Все, кроме Светы. Она стояла, вся красная и злая.

– Привет, Светик-Светка-Светулечка, – поздоровался я.

– Отвали, Говард, – буркнула она и топнула ножкой. – Зачем ты сюда пришёл?

– Я... эмм... Я просто хотел тебя увидеть, вот и всё...

– Ты мог хотя бы предупредить?

– Ну, я хотел сделать тебе сюрприз...

– Считаю, что у тебя получилось, Говард, опозорил меня перед всеми подругами!

– Так, Света, что случилось? – я начал терять терпение. Что-то сегодня куда ни плюнь – везде пытаются испортить настроение. Прямо дома только и сиди, чтоб никто не доставал! – Как я тебя опозорил? Что за глупости. Ты вообще отдаёшь отчёт своим словам? Я спешил к тебе, как угорелый, хотел встретиться, пообщаться, а вот как ты меня встречаешь: опозорил, отвали... Складывается впечатление, что ты вообще не дорожишь нашей дружбой, раз позволяешь себе так со мной разговаривать.

Светка ничего не ответила.

Я нервно похлопал по карману, достал пачку сигарет и почувствовал себя американским солдатом в Ираке, небрежно выдыхающим выхлоп голубого верблюда на фоне разбомбленного дома и изуродованных ошмётков детских тел. Конечно же, мне бы лучше ощутить себя ковбоем в широкополой шляпе и красной клетчатой рубаше, накидывающем лассо на матёрого быка, вот только не всегда бывает так, как нам лучше...

К реальности меня вернула Света:

– Так и будешь стоять? И как ты эту дрянь вдыхать можешь?

– Эту дрянь? – я поглядел на дотлевающий бычок в руке. – А как ты байгановую дрянь вдыхать можешь?

– Говард...

– Вар, – поправил я.

– Вар, не смейся меня, все знают, что байган безвреден. И он очень приятный, хоть я и пробовала только «Юный бриз». После того как сдам тест на совершеннолетие – попробую другие. Я уже не могу дождаться...

– Ты пробовала сигареты? – гласом змея-искусителя спросил я.

– Нет, – выпучила глаза Света.

– Хочешь попробовать?

– Хех, нет. Ты в своём уме? – Светка посмотрела на меня, как на идиота.

– Пока Светик! – тявкнул какой-то рыжеволосый пацан, легонько хлопнув Свету по плечу. – До завтра.

– До завтра, Серёженька, – уж слишком сладко улыбнулась ему Светка.

«Серёженька» враждебно посмотрел на меня, не выдержал боя взглядами и побрёл прочь, бормоча под нос что-то вроде «до завтра, Светик, а завтра сделай мне омлетик»...

– О чём мы говорили? – небрежно спросила Света.

– Серёженька... – задумчиво протянул я. – Твой парень?

– Да нет, глупый, это мой сосед по парте. Серёжа Довлатов.

– Странно, я у него чемодана не наблюдаю.

– Какого чемодана?

– Как какого? Обтянутого бельевой верёвкой.

– Чего?

– Ничего. Не обращай внимания.

– Станный ты какой-то, Говард, ей Богу странный.

– Вар, – поправил я.

– Да хоть самовар! Тебя зовут Говард. Вар – мне не нравится. Так и хочется добавить «садовый». Мне Говард нравится. Это гордо звучит.

– Вар, мне лично нравится, чтобы меня называли Вар.

– Мало ли чего тебе нравится, – упрямилась до последнего Светка. – Мне вот не нравится, что ты куришь, и что теперь? Ты ведь продолжаешь курить. И мне предлагать эту мерзость пытаешься...

– О! – хлопнул себя по лбу я. – Вспомнил, о чём наш разговор. Ты вот умничаешь что сигареты это гадость и всё такое, мол, бросай, хватит соску дымную лобызать... А ведь сама и не знаешь что это такое.

– А зачем мне знать? Мне отвратительного дыма хватает, который ты выдыхаешь.

– Нет, это ведь совсем не одно и то же. Когда втягиваешь дым непосредственно из фильтра – это особенное чувство. Хотя, в чём-то ты и права, особенного удовольствия от этого я не получаю. Так, привычка...

– Вот и бросай свою привычку, – заключила Света. – И вообще, ты лицемер.

– Так, это всё хорошо, но мы долго будем возле твоей школы стоять? Пошли, прогуляемся лучше.

– Пошли, – согласилась Света.

Но не прошагали мы и нескольких метров, как она вновь заговорила:

– Да, Говард, ты лицемер.

– С чего ты взяла?

– А просто всё: ты мне тут рассказываешь, что я никогда не курила и что не мне тебе рассказывать про мерзость сигарет... Но, блин, Говард, зачем ты тогда поучаешь меня про байган? Ты его сам хоть когда-то пробовал?

– Ух, какие мы умные стали. Это тебя так в школе спорить научили?

– Да причём здесь школа? Ответь лучше на вопрос: пробовал или нет?

Я какое-то время шёл молча, дымя новой сигаретой.

– Ну? – не сдавалась Соловьёва.

– Нет, я никогда не подносил к лицу «маску счастья».

– Но почему?

– Из вредности. Не хочу быть как все и точка. С детства не хотел. И никогда не буду хотеть!

– Странный ты Говард... – заключила Света. – Очень странный... – немного помедлив, она добавила, – но за это я тебя и люблю.

Опа, приехали! Что, святые небеса, только что произошло? Светка открыто призналась мне в любви, или это просто неудачно подобранное выражение? Друга ведь тоже можно любить. Интересно, сколько тысяч раз мне надо подумать фразу «друга любить», чтобы так и случилось? Глупо всё это. Лучше сменить пластинку.

– Я нам билеты взял на «Боно Укротителя Мутантов».

– На самого Боно? – выражение лица Светы вмиг изменилось – из задумчивого, облачного, оно превратилось в восторженное, солнечное.

– На него, родимого.

Признаться, до того, как увидел его чупакабровую криво-улыбающуюся мину на постере, то и не подозревал о его существовании.

– Спасибо, Говард, ты умничка! Я так хотела на него пойти! Так хотела! – Светка полезла ко мне обниматься. И таки не удержалась, поцеловала в щёку. Ещё, ещё поцеловала. Ближе к губам. Ближе. Прямо в уголок губ. Её тёплые, мягкие губы, так и созданные для поцелуев. Соблазн, какой соблазн...

– Так, Светка, не балуйся! – я буквально отлепил её от себя.

Соловьёва посмотрела на меня такими глазами, которые я у неё ещё никогда не видел. В них было разочарование, раздражение и... страсть! Неодолимая, неукротимая, истинная страсть, на которую только способна женщина. Да, именно женщина, а не девчонка.

Светка, ты всё-таки выросла...

Из жизни доблестной милиции 6

Майор ОБОУП Чан Вэй Кун не любил сидеть без дела. Если ему позволяла стрелка, засевшая в допустимом для выполнения служебных обязанностей секторе настроения, то почему бы и не делать свою работу? Смертельно-опасную работу гладиатора – патрулировать улицы, выискивая и отлавливая психокинетов.

Чан без раздумий отказался от полагающихся дней отгула за операцию в Киеве. Пусть молодёжь отдыхает, а старому зубру Малышу не сидится на месте. Покуда будут существовать телепаты и телекинеты, Чан Вэй Кун не успокоится.

Враги общества должны понести заслуженное наказание!

Поскольку в рабочей инструкции чётко сказано, что на патрулирование можно выходить составом не менее двух сотрудников отдела, а напарник Закиров пребывал в отгуле, то Малыш попросту «сел на хвост» товарищам: гладиатору Джорджу Радману и баранщице Лидии Ивановне Корицыной. Целый день они патрулировали город Н и ближайшие города области, сканировали дома на наличие психокинетических мозговых импульсов, проверяли адреса, переданные по бортовой рации... Ничего. Никаких даже крохотных намёков на аномальные нарушения. Но мало этого, даже обычных нарушений не наблюдалось: ни тебе уличной разборки бомжей за водку на донышке бутылки, ни тебе мёртвых тел, прибитых к берегу волнами лимана, ни тебе слетевшего с катушек старикана, которому последняя неделя до пенсии показалась слишком долгим испытанием...

Но Чана не проведёшь. Зло есть. Зло всегда было. Зло всегда будет. Оно просто затаилось, забилося в свои долбанные щели. Оно выжидает, оно пытается усыпить внимание добропорядочных граждан, чтобы нанести очередной удар молниеносно и как можно болезненнее! Так было всегда. И долг честных слуг закона – таких как Чан Вэй Кун, Говард Закиров или Джордж Радман – всегда быть начеку, всегда смотреть в оба, всегда быть готовыми принять удар на себя, отбить его.

А если отбить не получится, то хотя бы смягчить...

Одно из проявлений зла – водка. Её пьют те, кто не может позволить себе байган. Пьют и становятся неуправляемыми, становятся бездумным скотом, тупорылым быдлом, не способным на полноценную жизнь. Правда, не следует путать два похожих на первый взгляд понятия: пить и выпивать. Выпивать может каждый нормальный человек. Под настроение. А вот пить – методично, изо дня в день, из недели запоя в другую неделю запоя, в месяц, а то и в год...

Водка водкой, а в тот день Радман, Корицына и Чан вернулись с патрулирования, словно с прогулки. Перед тем, как загнать на стоянку флаер, баранщица Лидия Ивановна Корицына развезла Чана и Джорджа по домам – всё равно почти по пути.

Дальше разговор пойдёт о ней.

Лидия Ивановна – сотрудница ОБОУП со стажем в семнадцать лет. Начав карьеру практиканткой из милицейского училища, она не очень-то и высоко поднялась по карьерной лестнице за все эти годы. Предельное звание баранщика – старший сержант. Его-то Корицына и получила на пятый год службы. А после – тишина... Амбиции были сломлены, юношеские мечты – разбиты, как китайский фарфор.

Пройдя по бешенному конкурсному отбору в милицейскую школу, закончив её с отличием, молодая Лидия Андреева видела свою карьерную лестницу в блеске радужных

надежд и дымке юношеского оптимизма. Казалось, весь мир создан только для неё, и всё-всё-всё будет так, как этого хочется молодой, перспективной, а, главное, красивой сотруднице столь серьёзного и хорошо спонсируемого корпорацией ФБР милицейского отдела. А почему бы и нет? Лидия очень много работала, вкладывая душу в каждое дело, за какое бы ни бралась. А ведь старания человеческие должны вознаграждаться, ведь верно?

«А вот фиг тебе!» – сказала Жизнь и плюнула Андреевой в лицо.

Лидия Ивановна прекрасно помнит тот роковой день, когда удача отвернулась от неё. День, который изменил ход всей её жизни, который разбил все планы. Это случилось на посвящении в гладиаторы, в «идущие на смерть». Сержанту Андреевой предстояло в одиночку совершить поимку телекинета первой степени. Как признался в рапорте о происшествии наставник Андреевой – капитан Сергей Александрович Куница – он был абсолютно уверен, что его подопечная справится с заданием. Цитата из аудио-рапорта: «Я, ёлки зелёные, не сомневался в Лидочке ни на секунду. За тот год, который я с ней работал, она зарекомендовала себя с лучшей стороны. Признаюсь, ёлки, таких исполнительных и толковых напарников у меня отродясь не было. Кто ж знал, что она окажется долбанной истеричкой, трусихой, мать её за ногу?»

Да, один неправильный поступок способен поставить крест на карьере. И этот поступок, увы, имел место быть в жизни сержантки Лидии Андреевой.

Телекинет прятался в подвале заброшенного дома, что располагался на окраине города Н. Старший напарник Сергей Куница остался ждать во флаере, а Лидия пошла совершать задержание. Мгновениями ранее, Сергей растолковал ей про «баранщиков» и «идущих на смерть». Без промедлений, Андреева выбрала свой путь – она хотела стать гладиатором. Хотела дослужиться до званий заоблачных высот, хотела заработать уважение старших коллег, хотела... да много чего она хотела. Молодёжь...

Телекинеты первой степени не так опасны как их более могущественные собратья по запретному виду мозговой деятельности.

Для сравнения:

- Телекинет первой степени способен уронить пустой стакан на пол. Если очень уж напряжётся, этот стакан может зависнуть на несколько секунд в воздухе. Телекинет способен передвигать мозговыми импульсами небольшие предметы с невысокой скоростью. Если милицейский всегда начеку, то вред от подобной способности злоумышленника с лёгкостью можно минимизировать, либо вообще свести на нет.

- Телекинет второй степени способен передвигать предметы с большой скоростью. Нет, пулю 44-го калибра разогнать до скорости вылета из ствола «магнума» он не в состоянии. Но вот запустить метательный нож вам прямо в горло – всегда пожалуйста!

– Телекинет третьей степени... что о нём говорить? И так ясно, что при желании, он способен поднять тело своей жертвы в воздух и похрустеть его костями, вывернуть суставы, разломить череп, выжать, как брынзу...

Как несложно догадаться, сравнительно лёгкое задание Лидия Андреева завалила. У неё попросту затряслись руки, палец отказался жать на курок электропистолета. Нарушительница – женщина бальзаковского возраста с длинными, до пояса волосами цвета нефти – скрылась, бросив на Лидию испуганный взгляд. Кто знает, быть может, если бы женщина проявила агрессию, если бы она напала на Андрееву с ножкой от табуретки в руках или применила свои психокинетические силы... Но нет, женщина просто стояла на месте, прижавшись спиной к стене, сверкая затравленным взглядом зверя, смилившегося со своей судьбой, зверем, который не будет нападать на тебя в отчаянной попытке выцарапать глаза и удрать. И когда Лидия не нажала на курок – женщина просто ушла. Сказав два слова: «спасибо тебе». Эти слова огненным клеймом отпечатались в голове девушки – словно красная печать в личном деле с простым на первый взгляд словосочетанием «не годится».

А сбежавшую женщину в тот же день, ближе к вечеру отыскал и арестовал наставник Андреевой капитан Сергей Куница. У него-то рука не дрогнула, и провода электропистолета системы «Тэйзер Икс 42» вонзились в тело правонарушительницы, парализовав вереницей разрядов в пятьдесят тысяч вольт...

Лидия не прошла испытание. А в отделе по борьбе с особо опасными преступниками второй шанс никому никогда не дают.

Девушку записали в «вечные баранщицы».

Вторым масштабным ударом судьбы для Лидии оказался брак с Виктором Корицыным – моряком, служившим на судне, доставлявшем из Африки сырьё для экзотических разновидностей байгана. Там, где дело касается «масок счастья» – всегда водятся деньги. И хоть быть простым моряком – не то же самое, что капитаном, всё равно заработок очень даже неплох по сравнению со средним доходом граждан города Н. Конечно, за это приходилось платить длительными разлуками, но что тут уж поделать?

Вернее, ударом судьбы оказался не сам брак, а развод – после которого у Лидии не осталось ничего, кроме фамилии мужа. Она не смогла родить ему ребёнка, из-за чего, собственно, брак был расторгнут. Со скандалами и избиениями... Из квартиры бывший муж её выжил, чтобы поселить престарелую мать, которой до пенсии оставалось года четыре, может пять, уже трудно вспомнить.

Лидия не стала бороться за квартиру. Ей казалось, что так и надо, что это всё – расплата за её бесплодность, необходимая дань. Что ж, впоследствии она часто жалела об этом решении, особенно когда в общежитии зимой отключалось отопление, замерзали и лопались трубы...

Лидия Ивановна Корицына забросила Малыша и Радмана домой, после чего поставила патрульный флаер на площадку для стоянки. Домой, как и всегда, она направилась пешком. Не так и долго идти, всего четыре квартала. Годы тяжёлой работы в милиции сделали женщину подозрительной и нервной. Чуть ли не каждый вечер, ей казалось, что по дороге домой её кто-то преследует. Лидия Ивановна оборачивалась, ускоряя шаг, успокаивая себя тем, что поглаживала рукоять табельного оружия одной рукой, а второй сжимала в кармане цилиндр баллончика с сильнодействующим слезоточивым раствором...

Как правило, все преследования совершались исключительно в гипертрофированном за время службы воображении. Но в тот вечер оно разыгралось уж слишком ярко – до такой степени, что и не скажешь, реальность это или вымысел. Усатый человек с козлиной бородкой и старомодным котелком на голове плёлся следом, даже не пытаясь скрыть, что преследует женщину. Лидия Ивановна ускорила шаг; и на какое-то время ей показалось, что от погони удалось скрыться, но вскоре козлобородый вновь замаячил позади. Он бежал мелкой трусцой, придерживая рукой котелок, чтобы тот не сдуло ветром.

Взвесив все за и против, Корицына решила продолжить путь. До общежития оставалось совсем ничего, а преследователь находился на нейтральном расстоянии, и сокращать его не спешил. В любом случае, Лидия всегда успеет выпустить едкую струю перченого раствора ему в лицо, а если надо будет, так и вовсе – продырявить его череп пулей девятимиллиметрового калибра, чуть ниже полей чудаковатого головного убора.

У подъезда Лидия остановилась и осмотрелась. Преследователь исчез, словно и не было его вовсе. Но в отличие от всех тех мнимых случаев преследования, сейчас Корицына не имела и малейшего сомнения в реальности происходящего. Станный какой-то преследователь: преследовал, преследовал, а потом раз, и исчез. Испугался он чего-то или просто передумал преследовать – вряд ли суждено узнать. Да и надо ли знать простым труженицам закона и порядка, таким как Лидия Ивановна, что происходит в голове первого попавшегося психа? Может, и надо... Но в данном случае она решила, что заморачиваться не стоит. Исчез куда-то – вот и хорошо, вот и славно.

На проходной сидела Зоя – моложавая вахтёрша в застиранном халате, когда-то имевшем насыщенный синий цвет. Зоя недолюбливала Лидию. Лидия недолюбливала Зою. По какой причине это происходило – трудно сказать, если вообще возможно. Кто-то криво посмотрел, кто-то где-то не так улыбнулся, что-то не так сказал... Никто и не вспомнит наверняка. Просто взаимная антипатия, корни которой затерялись во времени, сплестясь в не распутовый клубок завядших эмоций.

Зоя сидела за стойкой и глядела в одну точку. Рядом лежал затасканный кроссворд, карандаш и резинка. Сколько помнила Лидия, кроссворд не менялся долгие месяцы, а то и годы. Вахтёрша решала его, потом вытирала карандашные пометки резинкой, после чего начинала решать заново. Вероятно, таким образом она самоутверждалась...

Вход в корпус не был закрыт проржавевшей металлической перегородкой, что как минимум настораживало. Обычно Зоя не спешила открывать проход Лидии. Корицына прошла внутрь, даже не доставая удостоверения. Зоя, видимо, слишком уж замечталась, или задумалась, что не пустила в след колкое замечание.

Странный день сегодня, подумалось Лидии. Ни одного врага народа на дежурстве, непонятная погоня и ещё более непонятное прекращение этой погони, и теперь вот Зоя какая-то не такая, как обычно. Хотя кто-кто, а Зоя всегда не такая, как обычно. Глупая курица.

Восьмой этаж, седьмая дверь направо по коридору. Замочная скважина и надломленная пластмассовая ручка. Пожелтевший выключатель, грязный плафон в крохотной прихожей, излучающий тусклый свет.

Лидия Ивановна повесила пиджак на ржавеющий гвоздь, сняла туфли, ощутив облегчение в ногах. Умылась холодной водой из крана над эмалированным тазом, служившим умывальником. Поставила чайник. Пока вода закипала, Лидия сбросила с тела остатки милицейской формы и облачилась в махровый халат. Свисток жалобно завизжал, напоминая о себе. Корицына надорвала пачку с борщовым концентратом, высыпала содержимое в тарелку и залила кипятком. Сметана месяц как не появлялась на прилавках рынков и магазинов, но и без неё борщ оказался достаточно съедобным. Конечно же, в нём не помешали бы ещё несколько кусочков мяса. Настоящего мяса... Да, давненько Лидия его не пробовала. Всё соевые и синтетические заменители. Ну и ладно. Они полезней, в этом сомнений нет, да и вкуснее.

Наверное...

Отужинав, Лидия направилась в спальню. Перед сном она, как и обычно, хотела пощёлкать телевизор и поглядеть какой-нибудь сопливый сериальчик в промежутках рекламы байгана. Ей повезло – чуть ли не сразу она попала на «Счастливы вместе». Показываемую серию Лидия смотрела не в первый раз. Собственно, как и все остальные. В последнее время мало что нового снимают, всё больше старьё крутят. Ну и ничего, новое – это хорошо забытое старое. Вот правда эту серию Корицына ещё не успела забыть...

Гена Букин сетовал на жену, которая без разрешения потратила его заначку на байган. Барон, поджав хвост, забился в уголке. А Лидию Ивановну крепкая рука схватила за волосы. От резкой и неожиданной боли из глаз женщины брызнули слёзы. К горлу прижалась холодная сталь десантного кортика.

Мужской голос был мягкий и молодой, словно принадлежал прилежному школьнику или студенту, в свободное время помогающему старушкам носить сумки с рынка, а не хладнокровному маньяку убийце:

– Рыпнешься, сука, я тебе колумбийский галстук сделаю. Ясно?

Лидия кивнула, насколько позволяла вцепившаяся в волосы рука. Острое, как алмазная бритва, лезвие кортика впилося в шею. Из небольшого пореза выступили капли крови.

– Он сейчас придёт. Лежи спокойно.

Из динамика телевизора донёсся коллективный смех, которым режиссёры сериала приправляют несмешные шутки.

– Ну что, легавая сука, наловила сегодня врагов народа, да? Выкуси, мразь. Все вы выкусите, ох как выкусите. Мало вашему брату не покажется, – экстатически шептал молодой голос.

Лидия Ивановна слышала слова, но их смысл проплывал где-то за гранью понимания. Страх и сожаление парализовали её мозг. Если бы она не переделалась, если бы на поясе по-прежнему висел ремень с оружием... Хотя что бы изменилось? Вряд ли маньяк упустил бы шанс полоснуть по горлу жертву.

– Вы думаете, так будет всегда? Ментовские псы будут травить психикинотов, загонять в щели и выкуривать оттуда, как беззащитную дичь? Рвать наших ни в чём не виновных ребят, истреблять? Безнаказанно заниматься этим геноцидом? Ох, сука ты драная, легавая подстилка, ты даже не представляешь, что вас ждёт. Час расплаты близок. Очень близок.

Голос шептал, упиваясь каждым словом. Голос принадлежал одержимому. Человеку, который без промедлений способен лишить жизни другого.

Лидия так не могла. Поэтому и осталась в «вечных баранщиках».

– Барон! Перестань, паршивый пёс! – завопил Гена Букин на писающую ему в ботинок овчарку.

Лидия почувствовала, что держащая волосы рука чуть ослабла, лезвие десантного кортика не так сильно прижималось к горлу. Маньяк оказался фанатом «Счастливы вместе»... Или сейчас, или никогда. Корицына вцепилась пальцами в запястье, держащее кортик, насколько хватило сил выкрутила его и впилась зубами в ладонь. Адреналин стучал в висках, блокировал болевые рецепторы так, что Лидия даже не почувствовала, как вторая рука маньяка вырвала у неё клочок волос. Кортик выпал из окровавленной руки, скатился по махровому халату и упал на дощатый пол. Кулак, из которого торчали вырванные волосы, обрушился на лицо Лидии. Колокольный звон в голове и снопы разноцветных искр перед глазами. Милиционерша разжала челюсти и вскочила с кровати.

Хищник и бойкая жертва встретились взглядами. В тусклом свете телевизора мужчина казался бледной тенью человека, сотканным из эфира призраком, эфемерным порождением зла. Он был бледен и худ. Он был чертовски красив. Рука с окровавленной кистью повисла, словно хлыст. Вторую он держал на уровне лица. Лидия могла разглядеть пряди волос, торчащие между сжатыми пальцами.

– Я тебя урю, – прошипела бледная тень и кинулась на Лидию.

Борьба продлилась недолго. Мужчина оказался намного сильнее. И, несмотря на травмированную руку, свалил милиционершу на дощатый пол, сковал все её движения, словно удав. Полное табачного перегара дыхание жгло безысходностью. С ужасом Лидия ощутила, как фаллос упирается в её бедро. Маньяк шептал на ухо:

– Сейчас, сучка, подожди ещё немного. Он скоро придёт. Он не будет с тобой так церемониться, как я. Ты поймёшь. Вы все скоро поймёте...

Лидия Ивановна тихо всхлипывала, горькие слёзы катились по щекам. Она знала, что сейчас её изнасилуют. Изнасилуют и убьют...

Секунды длились часами. Ничего не происходило. Мужчина не стал задира́ть халат, не стал возбуждённо расстёгивать ширинку. Он лежал, обхватив её, и шептал бред. Корицына даже поймала себя на пугающей мысли, мол, конечно, такому красивому маньяку только писанных красавиц молоденьких подавай...

Половицы застонали под ногами. Неспешный, размеренный шаг.

В дверном проёме появилась фигура. Лидия узнала её. Это был уличный преследователь.

Козлобородый.

Безобидного вида мужчина в костюме тройке в широкую белую полосу и несурзном котелке на голове подошёл к скованной Лидии и присел рядом. Милиционерша с ненавистью

и страхом смотрела в его апатитовые глаза. В них не сложно было прочитать надменность и торжество.

– Ну и устроили бардак вы тут с Серёгой, – прозвучал баритон козлобородого усача. – Оу, где же мои манеры? Меня зовут Афанасий Михайлович Махно. Таким именем наградили меня родители. Другьям и цепным псам я разрешаю называть себя Дядя Афанас.

Лидия молчала. Последние надежды выйти живой из этой передрыги развеялись окончательно. Преступники в подобных ситуациях делятся именем лишь с одной целью – чтобы жертва унесла это имя в могилу...

– А ты не очень-то и разговорчивая, как я погляжу, – заключил он.

Лидия тысячи раз видела в сериалах и фильмах, как закованная жертва плюёт в лицо мучителю, когда тот подходит к ней, чтобы насладиться своим триумфом. Лицо мужчины в котелке как раз находилось на расстоянии плевка. Вот только Корицыной не хватило духу плюнуть. Пенис «Серёги» всё таким же зловещим колом упирался в бедро, а заломленные суставы предательски ныли. Как же всё-таки далёк от жизни кинематограф...

– Я бы тебя с радостью удушил, – признался козлобородый. – Но у меня на тебя особые планы. На самом деле, я недавно взглянул на своё отношение к вашей породе под другим углом. Познакомился с твоим коллегой – молодым парнем. Он оказался очень даже приятным собеседником и достаточно порядочным, если спросите меня, имеющим некоторые представления о кодексе... чести... Правда, он так и не представился. Но ты ведь сама понимаешь, легавая сука, что в любом правиле есть свои исключения. Его я не буду трогать какое-то время. Может быть, даже переманю на свою сторону. Задатки помощника есть. Но всем остальным придётся не сладко. Ох как не сладко...

От мужчины сильно пахло сигаретами.

– Вы психокинеты? – выдавила из себя Лидия.

– Догадливая, – прошипел Серёга.

– Мой пёс, – козлобородый кивнул на заточителя Лидии. – Телекинет второй степени. Славный малый. Всю эту возню, которые вы тут развели... Это он так играет. На самом деле он просто мог связать тебя летающей верёвкой до того, как прикоснутся выпуклыми штанами. И не обольщайся, у него на тебя не стоит. У него вообще ни на кого не стоит – сильно много байгана для взрослых в детстве перенюхал. В трусах он держит резиновый фаллоимитатор, чтобы казаться своим жертвам настоящим мужчиной...

– Дядя Афанас, шеф, зачем ты... – промямлил Серёга.

– Заткнись, пёс, – поставил его на место Афанасий. – Весь этот цирк можно было не устраивать. Мне достаточно подойти к ней на нужное расстояние.

– Дядя Афанас... – заскулил Серёга.

– Я всегда даю тебе то, что ты просишь, ведь так? – словно отец нерадивому сыну произнёс Махно.

– Да, дядя, я не хотел огрызаться, – всхлипнул Серёга. Его слёзы, словно кислотой, обожгли шею Корицыной.

– Так, на чём это я остановился... – продолжил Афанасий. – Ах да, психокинетика. А вот я, к примеру, телепат третьей степени.

Лидия Ивановна была готова к подобному повороту событий. Вряд ли телекинет второй степени лизал бы зад тому, кто слабее его по психокинетическим способностям.

– Зоя, – осмелилась подать голос Лидия. – Она под... влиянием... просто пропустила... меня?

– А ты и вправду догадливая, – ухмыльнулся козлобородый.

– Думаешь... сойдёт с рук? – Лидия собрала всю волю, всю смелость, все остатки душевных сил в кулак. – Ты думаешь, уйдёшь отсюда безнаказанно? Да вы со своим «псом» уже такой психокинетический след оставили, что вся милиция города скоро здесь будет! И тогда не нам – ВАМ мало не покажется!

– Ах-ха-ха, сучка, ха-ха-ха! – зловеще рассмеялся Серёга, обжигая милиционершу пепельным дыханием.

– Это уж вряд ли, дорогуша, очень вряд ли, – серьёзно сказал мужчина в костюме тройке. – Скажи, сколько за сегодняшнюю смену психокинетов вам удалось отловить? Можешь не утруждаться открывать рот, ведь ответ очевиден. Ноль. Я научил своих благородных братьев прятаться от вас. Сегодня день начала Великого Возмездия. Сегодня день начала конца вашей байгановой диктатуры. Сегодня первый день краха дагонского террора!

Лидия хотела спросить, как это возможно. Каков механизм маскировки психокинетической деятельности. Но все вопросы застряли в пересохшем от страха горле. Этот сладковато-металлический привкус страха... Лидия и без того знала достаточно, чтобы умереть.

– Но что-то мы с тобой заговорились, – почесал бородку телепат третьей степени. – Пора дело делать.

Лидия Ивановна зажмурилась. Она была готова принять смерть. Но вместо этого приняла нечто гораздо худшее.

Тысячи психокинжалов вонзились в её мозг. В дыры хлынули потоки чужого сознания. Оно обволакивало собой всё, навязчиво проникало в трещины подсознания, заполняли, заслоняли, засоряли, загромождали всё на своём пути. Взбунтовавшиеся мозговые клетки умирены. Нейронные импульсы забегали в такт чужой воле.

Баранщица ОБООП Лидия Ивановна Корицына больше не принадлежала себе...

Глава 7

«Время не имеет значения, мистер Президент, важна только жизнь» – крутилась в голове Зиновия фраза из древнего западного блокбастера. Да, что-то в этой фразе было. Что-то неоспоримо романтическое и горячее. Что-то неисправимо оптимистичное. Но это «что-то» ускользало от Зиновия Сергеевича, как напывавшееся водой мыло из рук. Он был слишком мудр и стар, чтобы оценить эту фразу по достоинству. Как же время не имеет значения, когда с каждым днём песчинок в песочных часах отведённой тебе жизни становится всё меньше? Важна жизнь, говорите? Но ведь она подвластна времени. Жизнь похожа на бикфордов шнур. У кого-то он длиннее, у кого-то короче. А время – это тот огонь, который поджигает шнур при вашем рождении и гаснет при вашей смерти!

Время не имеет значения? Имеет, уважаемый мсье Бессон, имеет...

И это время неумолимо. С ним невозможно договориться, его нельзя отсрочить. Оно упрямо идёт вперёд, как поезд, пассажиры которого высаживаются и садятся на ходу.

Но хватит философствовать. Сегодня особенный день, ведь вся десятая параллель средней школы номер двадцать два с углублённым изучением дагонского языка будет проходить тест на совершеннолетие. Конечно же, проводить его будет сам Градов. Это всегда волнительно. Быть тем переходящим звеном, которое ведёт от детства к взрослой жизни. Огромнейшая ответственность. И Градов делал всё возможное и невозможное, чтобы многие годы работы нести сей крест с достоинством.

Этот тест будет последним в преподавательской карьере Градова. Дальше – пенсия. До неё совсем мало осталось; чуть больше двух недель. Грустно ли Зиновию по этому поводу? Не так, чтобы очень... За жизнь он выучил тысячи ребят и девчонок, на официальном уровне подтвердил их совершеннолетие. Их право отвечать за свои собственные поступки, право быть частичкой общества, способной принимать самостоятельные решения. Сегодня пора ставить жирную точку. Её нужно поставить профессионально, без лишних сантиментов и соплей. Ни о чём не сожалея.

Перед тем, как выйти из квартиры, Зиновий посмотрел на датчик настроения: жёлтый сектор. В принципе, неплохо... Конечно, ведь Градов уже который день не видел лица фригидной Лизы! Если тенденция не нарушится, то и до зелёного сектора совсем немного осталось.

Зиновий Сергеевич надел свой лучший костюм: шерстяной чёрный пиджак в широкую бордовую клетку, лимонную сорочку и синие льняные брюки. Он купил эту одежду в Москве. Давно это было. Очень давно... Как вернулся из Столицы в город Н, Зиновий её не надевал, отчего одежда отлично сохранилась – стоило лишь хорошенько прогладить.

Во дворе ждало первое испытание на крепость нервов в лице Толяна – темнокожего старика с громадной родинкой на подбородке. Именно из-за его спора с другим дворовым завсегдатаем Сержиком погиб Альберт Зарецкий, случайно поскользнувшись на рассыпанных шахматах Зиновия Сергеевича. Толян был одет в голубой с белыми полосками спортивный костюм. Его лицо, как и всегда, выбрито начисто, а редкие старческие волосы – мастерски прилизаны, словно старик ничем больше в этой жизни и не занимается, кроме как укладкой и бритьём.

Зиновий хотел пройти незамеченным, но куда уж там?

– Эй, Зина, ты чего на похороны Альберта не пришёл?

– Не задавай тупых вопросов, Толян, я спешу, – фыркнул Зиновий.

– Ах ну да, у нас ведь ранимая душа, интеллигент хренов, шахматный любитель.

– Ты как был тупым пнём от баобаба, так им и останешься до конца дней, – парировал Зиновий.

– Зина, постой, я не договорил.

Зиновий остановился и устремил недоброжелательный взгляд тёмно-зелёных глаз на собеседника.

– Чего тебе, я спешу на работу.

– Чего мне? Хрена ты свои шахматы тогда принёс?

– Слушай, дядя, я всегда шахматы с собой в беседку носил! – взорвался Зиновий. – И знаешь вообще что?

– Что?

– Если бы не ваш с Сержиком идиотский спор – Альберт бы сейчас был в полном здравии! Но твой низкий уровень интеллекта и ослиное упрямство вряд ли позволит это понять. Ты как обвинял других в своих промахах, так и будешь это делать. Горбатого могила исправит. И ещё знаешь что? Ты и Серж – настоящие убийцы! Ваше безразличие к другим, ваш эгоизм привёл к трагедии! Не смей вешать всё на меня, понял? Я не хочу больше никогда иметь дело ни с тобой, ни с Сержем. Хватит!

– Эм, да ты, да ты, – забурчал задыхающийся от гнева Толян. – Да ты хам и сволочь! Интеллигент хренов. Шахматный шахматист!

– Да, я уже это слышал, – насколько возможно холодно отчеканил Зиновий. – И если тебе нечего мне больше сказать, то я продолжу путь! – Градов демонстративно развернулся и зашагал.

– Эх ты шахматюга! – трясся Толян, уродливая родинка на его подбородке, казалось, разбухла до невиданных размеров. – Эх ты интеллигентшишка! Тебя бы на рудники, а не в школу детям мозги запудривать! Тебя бы обратно в лагеря! Петух ты сибирский! Зина недорезанная!

Зиновий Сергеевич без лишних разговоров остановился, круто развернулся на пятках, подлетел к Толяну и со всего маху влепил тому кулаком в подбородок, прямо в родинку. Дефектная кожа лопнула, брызнула кровь, оставив пятна на гимнастёрке.

Градов удовлетворённо кивнул и направился к дворовым воротам, над которыми одиноко серела древняя вывеска: «жить стало лучше, жить стало веселее!»

За его спиной Толян тихо плакал, то ли от боли, то ли от понимания правоты слов Зиновия.

До троллейбусной остановки метров двести пешком по запущенным улицам города Н. Ноги Зиновия тряслись, дыхание всё никак не хотело восстанавливаться. Адреналин отбивал в висках незатейливый мотив. Очень подло со стороны Толяна вспоминать про ссылку в Сибирь. Зиновий пробыл там целый год. Ужасное время. Страшное, полное лишений, печали, боли и унижений... Но самое сложное – вернуться после всего этого кошмара домой. Благо, директор школы ценил профессиональные качества Градова и с охотой вернул ему рабочее место. Хуже было с женой. Она не очень-то и радушно приняла его назад. А вскоре у неё случился климакс. Вместе с ним исчезло и сексуальное влечение к мужу. Долгое время Зиновий даже подозревал, что у Лизы за год его мучений в исправительной колонии появился любовник. Но со временем Градов отбросил эту идею, ведь не может же женщина на протяжении стольких лет так мастерски изображать фригидность? Или может?.. И вообще, где Лиза? Переехала к любовнику, с которым всё это время, быть может, наставляла рога мужу? Ну ещё бы! Столько ночных смен, на которые так стремилась жена! Она ведь тысячу раз могла их поменять на дневные, но нет...

В забитом людьми до отказа троллейбусе пришлось проехать не меньше получаса. И казалось бы, куда уж больше пассажиров? Ан нет, на каждой остановке в салон набивались всё новые люди, давя друг друга, прессуясь, как кильки в консервной банке. С огромным облегчением Зиновий вышел на нужной остановке. Конечно же, до выхода пришлось протолкаться локтями и трижды крикнуть водителю, чтобы не трогался с места и попридержал дверь открытой. Штаны и пиджак помялись в давке. Не впервой. А в отражении замызанного троллейбусного окна Зиновий увидел несколько кровавых пятен на своей лимонной рубашке – подарок от родинки Толяна.

Ну и пошли все! До пенсии осталось совсем немного!

Два квартала до трамвайной остановки удалось пройти без приключений. Что самое удивительное, в трамвае Зиновию уступила место его школьница – ученица десятого «В» класса Вэньг Ли. На лице девочки легко читалась печать сосредоточенности и волнения. Нет, зря Градов в ней сомневался. Она пройдет тест. Возможно, пройдет его и Голубченко. Вот кто под большим сомнением, так это Лена Крохина. Из парней его не пройдут почти все, но им ещё не время проходить. Разве что акселерат Дорошенко и второгодник Мазуревич получают оценку «позитивно».

Трамвай прибыл на нужную остановку почти по расписанию. От неё до школы метров сто. Зиновий Сергеевич преодолел их в молчаливых раздумьях, хотя мог подождать не поспевающую за его быстрыми, широкими шагами Ли и завести с ней ненавязчивую беседу, как поступал по обыкновению с встречающимися по пути учениками. Но это было раньше. Это было в прошлом. Школа, ученики, звонки на перемену и на занятия, заседания в учительской – вскоре станут для Зиновия прошлым...

Перед школьным порогом Градов проверил датчик настроения. Красный сектор. Хорошо, хоть не чёрный, а то не допустили бы проводить тест.

Первыми сдавать тест выпало ученикам десятого «Г» класса. Несмотря на всю многолетнюю профессиональную подготовку, Зиновий Сергеевич не мог подавить неприязнь к некоторым представителям этого класса. Особенно к тройке заядлых тунеядцев и хулиганов: Бычковскому, Золотухину и Гирзамидзэ. В основном они прогуливали школу, шныряя по неблагополучным местам города Н, посещая подпольные точки разлива самогона, щемя у младших одноклассников деньги на булочки, чтобы покупать взрослый байган. Когда же пресловутая тройка появлялась на территории школы – занятия с большой долей вероятности можно было считать сорванными. Главный заводила в их шайке – Бычковский – не признавал авторитетов. Золотухин и Гирзамидзэ (быть может, нормальные парни сами по себе) в присутствии вожака борзели, обрастали напускной смелостью. Доходило до того, что

они посылали директора на те три буквы, на которые обычно вы не хотите, чтобы вас посылали. И только небесам известно (ну, и директору тоже), почему троица ещё числится в школе, а не таскает брёвна в какой-нибудь северной исправительной колонии.

На тест пришли все. А иначе нельзя. И что самое удивительное, ни Бычковский, ни его закадычные дружки не нарушали дисциплину. Как и все – ставили галочки напротив ответов, которые считали правильными.

При всей кажущейся простоте, тест на совершеннолетие был вершиной психоаналитического искусства. Составлением вопросов занимались ведущие мировые институты психологии и социологии. Изначально тест разрабатывался по заказу дагонцев и предназначался для изучения особенностей потребительского рынка. В частности – психологические склонности к той или иной разновидности байгана. Но очень скоро из обычного рыночного анализатора тест с некоторыми корректировками был трансформирован в то, чем люди привыкли его понимать – тестом на совершеннолетие. Сложно сплетённая цепь вопросов с немисливо высокой точностью определяла уровень психологической восприимчивости человека к различным психотропным влияниям того или иного сорта байгана. Как показали исследования, начиная с точки сформированного сознания разум способен воспринимать байган более глубокого действия. Поэтому и была разработана линия «Юный бриз» – для детей и юношей, не достигших самостоятельного уровня мышления. Пройдя тест положительно, потребитель мог переходить на более серьёзные и крепкие виды байгана. А заодно – официально становиться самостоятельной единицей социума с полной ответственностью за свои поступки.

Нет, конечно же, никто не запрещает детям вдыхать, скажем, «Розовую страсть» или «Небесный огонь». Но, разумеется, эффект от этих масок счастья будет неполным. А временами наблюдаются и негативные последствия: замедление мыслительных процессов, нарушение обмена веществ, запоры. В очень редких случаях: фригидность у женщин и импотенция у мужчин. Но самое негативное последствие из всех возможных – активизация психокинетических волн. Хотя от возраста это не очень зависит. В основном, от вида байгана и уникальной склонности организма к проявлению той или иной психокинетической силы.

Ученики десятого «Г» сидели за партами, чёркали в тестовых листах, отвечая на простые на первый взгляд вопросы с массой вариантов. Нечто вроде:

- Если ваш домашний питомец попал под приземлившийся флаер, что вы сделаете:
- а) буду плакать;
- б) изувечу водителя;
- в) ничего;
- г) расстроюсь;
- д) буду радоваться;
- е) съем тост;
- ё) потребую у водителя купить мне нового питомца;
- ж) потребую у родителей купить мне нового питомца;
- з) потребую у водителя деньги за причинённый ущерб;
- и) вскрою себе вены;
- й) заброшаю флаер камнями;
- к) пожалуюсь милиционеру;
- л) вдохну «маску счастья»;
- м) заберу труп питомца домой и покажу родителям – пусть сами решают, что делать;
- н) похороню труп питомца;
- о) заберусь в шкаф;
- п) впаду в истерику;
- р) буду смеяться;

с) другой вариант (написать).

– На улице к вам пристал неопрятного вида незнакомец, который хочет бесплатно угостить вас новой разновидностью байгана. Ваши действия:

- а) угошусь;
- б) не угошусь;
- в) сделаю вид, что не замечаю незнакомца;
- г) начну драку;
- д) устрою скандал;
- е) вежливо откажусь, пообещав, что в следующий раз обязательно попробую;
- ё) ваш вариант (написать).

– Земля имеет форму:

- а) круг;
- б) сфера;
- в) овал;
- г) эллипс;
- д) геоид;
- е) глобус;
- ё) любую;
- ж) орисфера;
- з) поверхность Лиувилля;
- и) цилиндр;
- й) эллипсоид;
- к) катеноид;
- г) ваш вариант (написать).

– Байган – это:

- а) маска счастья;
- б) продукт фирмы ФБР;
- в) пища для души;
- г) средство для снятия стресса;
- д) средство для получения удовольствия;
- е) неотъемлемая часть жизни современного человека;
- ё) ваш вариант (написать).

– Ваш хороший друг пришёл к вам и признался, что у него серьёзные проблемы с законом. Он объявлен в милицкий розыск по подозрению в совершении особо тяжкого преступления. Он просит вас помочь ему укрыться от представителей власти. При этом он сознаётся, что виновен. Ваши действия:

- а) помогу ему скрыться от милицкого преследования;
- б) не помогу ему;
- в) притворюсь, что помогаю, а тем временем оповещу представителей власти;
- г) сделаю вид, что не знаю своего друга;
- д) порекомендую ему обратиться к другим знакомым;
- е) помогу ему, но при этом поставлю в известность других знакомых, чтобы разделить ответственность за противозаконное действие с ними и, по возможности, обеспечить себе алиби;
- ё) соведу, что у самого проблемы с властями и поэтому нам следует держаться друг друга как можно дальше;

- ж) совру, что у самого проблемы с властями, но обязательно помогу ему, как только справлюсь со своими проблемами;
- ж) помогу ему, но лишь за материальную выгоду;
- з) помогу только в том случае, если преступление друга не связано с пробуждением психокинетических способностей мозга;
- з) у меня нет друзей;
- и) ваш вариант (написать).

И тому подобные вопросы.

Выбирать можно как один ответ, так и несколько. Но в случае с несколькими – следует указать один приоритетный ответ.

На самом деле система обработки результатов теста проста до безобразия. Каждому варианту ответа присвоено своё количество баллов от нуля до четырёх. Если выбрано несколько ответов, балл считается по приоритетному. В случае, если к одному вопросу дано больше трёх ответов – за вопрос тестируемый получает ноль баллов. Как показывает мировая практика, люди, часто выбирающие множество ответов на один вопрос – не способны фокусировать свои мысли, постоянно меняют точку зрения. Такая модель психологического поведения в основном свойственна детям и подросткам. Интересно выходит с финальным ответом каждого вопроса: «ваш вариант». За него, как правило, даётся наивысший балл, поскольку желание высказать свою точку зрения – явный признак сформировавшейся психики. По желанию тестирующего, этот балл может быть понижен, если в личном варианте ответа тестируемого прослеживаются явные признаки легкомыслия.

Время закончилось. Ученики сдали свои бумажки. На время класс опустел.

Все девушки Г класса прошли тест. Из парней отметку «позитивно» получили Дорошенко и Бычковский. Насчёт Дорошенко Зиновий Сергеевич не сомневался, а вот результат Бычковского удивил, если не огорошил. Градов почесал седую прядь волос и отметил, что стареет. Было ведь время, когда его прогнозы сбывались со стопроцентной точностью. Постарел в край, старая кляча Градов, до предела постарел...

Остальная параллель прошла по накатанной. Ребята заходили в класс, садились за парты и приступали к тестам. У всех, как на подбор, серьёзные, задумчивые лица, кое-где испуганные, кое-где уверенные.

Тесты были написаны. Градов не покидал рабочее место, пока не проверил последнюю анкету. Он всегда так делал – не любил откладывать дела на завтра.

Из девушек десятой параллели не прошли тест Голубченко и Крохина. Из парней прошли тест Дорошенко, Бычковский и Калута. Мазуревич, вопреки оптимистичному прогнозу Зиновия, тест провалил.

Градов положил на стол последний тест, устало сделал запись в журнале. Последнюю запись...

Раздался стук в дверь. Не дожидаясь разрешения, в класс вошёл директор школы:

– Ну что, Зиновий Сергеевич, всё уже проверил?

– Да, Анатолий Альбертович, всё проверил, – кивнул Градов, про себя удивляясь, почему это директор в такой поздний час ещё в школе. – Тест прошли...

– Не надо, Зиновий Сергеевич, я почитаю записи в вашем журнале позже, – остановил его директор. – В общих чертах, что там?

– В общих? – тут Зиновий ощутил резкую боль в подбородке – удар грабителя всё никак не давал о себе забыть.

– Вам плохо?

– Да нет, Анатолий Альбертович, всё хорошо, – попытался улыбнуться Градов. Неудачно. – Просто я чертовски устал...

– Я знаю, Зиновий Сергеевич, я вас понимаю...

Затянулась неловкая пауза, которую нарушил директор:

– Зиновий Сергеевич, а ведь я ждал вас не просто так. Я хотел лично передать вам отличную новость!

Градов аж привстал от напряжения.

– Сегодня вы провели тест на совершеннолетие, – принялся объяснять Анатолий Альбертович. – Закончили свой курс, так сказать. Вот я и подумал, зачем вам ещё ждать те лишние две недели, или сколько там вам осталось до пенсии? Месяц назад я подал письмо в пенсионный пансионат города Ялты с просьбой принять вас ранее установленного срока. И знаете что? Мне никто не отказал, как это ни странно! Завтра вы отправляетесь в Ялту! Вы рады, Зиновий Сергеевич? Я бы был рад. Ну что же вы молчите?

Зиновий не нашёлся с ответом. Слова попросту засели партизанами в горле. Тысяча, нет, миллион слов благодарности, радости, счастья...

Градов глянул на датчик настроения и обалдел:

ЗЕЛЁНЫЙ СЕКТОР!!!

– Расступитесь все, я взрослая! – важничала Вэньг Ли. – Прочь с дороги, мелюзга!

Две семиклассницы удивлённо переглянулись, пожали плечами и разошлись в стороны. В школьном дворе места было предостаточно, и обойти друг друга можно без проблем, но раз уж старшеклассница потребовала уступить дорогу...

– Вот так бы сразу, – удовлетворённо кивнула Ли и остановилась взглядом на пятикласснике, ковырявшемся в носу. – Эй, а ты чего стоишь? А ну брысь отсюда!

– Дура! – квакнул пацан, вытирая палец о лямку ранца, которая вместе со своей сестрой-близняшкой несуразно впивалась в наплечники его малинового жакета.

– Я тебе сейчас дам дуру! – рывкнула Вэньг Ли и топнула миниатюрной ножкой.

Пацан судьбу испытывать не стал – пустился наутёк, умудряясь при этом крутить дули и другие неприличные жесты своей обидчице.

– Слушай, Ли, тебе не надоело ещё? – задала риторический вопрос Таня Паучкова.

– Я тебя знаю, Андрей МIRONENKO из пятого «Б»! – кинула вдогонку Вэньг Ли. – Я тебя по расписанию найду! Уши выкручу и шею намылю!

– Ты неисправима, – вздохнула Паучкова.

– Да, я такая, – театрально заявила Вэньг Ли.

– Это всё хорошо, девочки, – заговорила Света Соловьёва, – но чем мы сегодня займёмся? Наши удачные тесты следует отпраздновать, не так ли?

– Спрашиваешь? – ухмыльнулась Ли.

– Какие предложения? – подхватила Таня.

– У меня есть немного денег, из копилки достала, – призналась Света. – Не знаю как ты, Ли, но я ещё не пробовала ничего кроме «Юного бриза». Вот и побалую себя немного. Таня, ты у нас спец. С чего лучше начать?

Глаза Паучковой загорелись:

– Взрослый байган дороже юношеской серии. Я пробовала не так уж и много видов... Но скажу: чем дороже, тем лучше. Самый простой «Пряная ночь». Но даже он во много раз круче детских. Я вообще не понимаю, почему вы ждали теста. Я вот уже полгода нормальным байганом дышу и получаю незабываемое удовольствие!

– Опачки! – воскликнула Ли. – Приехали...

В десяти шагах от школьных ворот, на земле сидела худощавая девушка в потёртых голубых джинсах и жёлтой байковой рубаше нараспашку. Девушка опиралась спиной о многолетний ствол клёна и вытирала излишне длинными рукавами излишне горькие слёзы.

Это была Лена Крохина.

Школьники шли мимо. В основном притворяясь, что не видят её страданий. Некоторые оборачивались, но не больше.

– Девоньки, я сейчас, – сказала Таня Паучкова и направилась к плачущей девушке.

Ли и Соловьёва видели, как Таня присела рядом с Крохиной. Как положила руку на её плечо, и как шептала что-то. И как Лена сбросила руку подруги со своего плеча, и как она уткнулась лицом колени. И как Таня вновь положила руку на плечо рыдающей девушки, и как она принялась гладить её прямые волосы цвета спелого киевского каштана. И как Крохина оторвалась от заплаканных рукавов байковой рубахи, поглядела на Паучкову взглядом затравленного зверя. Затравленного, но получившего надежду...

Таня поднялась с земли и помогла встать на ноги Лене. Вместе они направились к Свете и Вэньг. Паучкова шла первой. Крохина чуть позади, прячась за спиной подруги.

– Ну вот, опять она её за нами поволочёт, – шепнула Соловьёвой Ли. – Весь праздник испортить хочет. Я ей не позволю.

Света промолчала...

– Слушайте, девчонки, – робко начала Таня. – Наша подружка Леночка тоже никогда не пробовала взрослый байган. Вот ведь здорово будет, когда мы все вчетвером зайдём в байгановый магазин и каждая выберет «маску радости» по вкусу! Там можно и бесплатные пробники вдохнуть. Пошли, да?

Лена с надеждой выглянула из-за плеча Тани.

– Так, Паучкова, у нас свой собственный праздник, – начала Ли. – И это особенный праздник. ВЗРОСЛЫЙ праздник. Мы отмечаем прохождение теста на совершеннолетие. Лена, я думаю, ты должна понять... Таня тебе не так всё объяснила.

– Нет, девоньки, плевать на тест, – немного растерялась Паучкова. Она поймала взгляд Соловьёвой в надежде разглядеть поддержку. Но ничего кроме холодного безразличия не отыскала. – Ну, ну что же вы в самом деле? Леночка с нами пойдёт. Она мешать не будет. Тихонечко байганчиком закинется и нормально всё. И вашим, и нашим, хе-хе... Свет, ну хоть ты скажи чего-нибудь.

– Мне всё равно... – флегматично ответила Света. – Пусть Ли решает...

– Крохина, ничего личного, но у нас сегодня закрытая вечеринка, – сообщила Ли. Глаза её хищно блестели. Должно быть, так блестят глаза у чёрной пантеры, загнавшей в глухой угол добычу.

Лена Крохина ничего не сказала. Просто развернулась и шатаясь поплелась прочь. Надо отдать должное – слёзы, как и слова, ей удалось сдержать. Плакать она будет чуть позже. Под ветхими акациями за чертой города. С ржавой бритвой в руке возле вен...

– Ну ты и сука, – выдавила из себя Паучкова.

– Да расслабься ты, – как ни в чём не бывало заговорила Ли. – Тебе она всё равно до одного места. Плевала ты на неё, как и мы все. Она просрала свой тест, а мы нет. Я не хочу видеть её унылую рожу, когда у меня такое прекрасное настроение. И если бы не домашка, которую Крохина тебе делает – возилась бы ты с ней, как же. Так что не строй из себя целку, подруга.

– Я... Я... – лицо Паучковой окрасилось в тон её огненно-рыжих волос. – Я и вправду ещё целка!

– Ах-ха-ха-ха-ха! – разразилась Ли. Её смех был слишком звонким и заразительным. Первой не устояла Соловьёва. А после захохотала и сама Паучкова.

– Нет, в самом деле, чего ты так за неё переживаешь? – нахохотавшись, спросила Ли.

– И вправду, – задумчиво произнесла Паучкова. – Тест я прошла. Собственно, домашка не так и важна теперь. Да и куда эта Крохина денется? Она кроме нас больше ни с кем дружить не хочет. Странная какая-то.

– Я тебе это сразу говорила, – назидательно буркнула Ли.

– Да знаю я, знаю... Ладно, хватит время тратить. У меня уже всё тело дрожит, байгана просит.

– Ну и пошли, целочка ты наша, – кивнула Соловьёва и вновь засмеялась.

Подружки последовали её примеру.

До ближайшего байганового магазина два квартала, но подружки не стали идти по простейшему пути. Было бы глупо праздновать такое значимое жизненное событие в рядовом магазинчике. Нет, нет и ещё раз нет! Для этого случая подходит только одно – БУМ!

Байгановый универсальный магазин – это целый «комплекс радости», включающий в себя не только продажу «масок счастья», но и комнаты отдыха, залы дегустации, разноплановые торговые площадки, а для любителей обострённых, смешанных ощущений имелись алкогольные бары.

Подружкам пришлось идти не меньше часа. Но, как известно, чем сложнее путь – тем больше награда...

На пересечении улицы Московской и проспекта Ленина, БУМ возвышался прекрасной архитектурной единицей над убожеством и запустением округа. Это была череда сросшихся воедино зданий, сотканных из углепластика, стекла и железобетона. Стрельчатые своды, лепные карнизы, выпуклые, неправильных форм окна, двери в форме улыбок... Всю эту строительную вакханалию увенчивал медленно вращающийся диск с цифровым табло. Экран в редких случаях показывал уличную температуру и уровень радиации, в остальных случаях – рекламу той или иной продукции «Фармацевтики Бережных Рук».

Света, Таня и Вэньг зашли в главные двери, традиционно выполненные в форме малиновых губ. В широком холле с пятиметровыми потолками было просторно, даже несмотря на большую очередь к информационным стеллажам. Всего стеллажей насчитывалось четыре, и возле каждого стоял чупакабра, одетый в рабочую форму, похожую на сельский комбинезон с эмблемой на переднем кармане в форме стилизованных под восточные иероглифы букв «ФБР» на фоне улыбки. Чупакабры с меланхоличным видом объясняли посетителям всё, что те хотели от них узнать.

– Простите, кто крайний? – поинтересовалась Соловьёва.

Странный мужчина в полосатом костюме тройке и в доисторическом котелке покосился на неё; лицо его покрывала дикая смесь волосяного покрова – козлиная бородка и усы.

– Я всегда крайний. Из одной крайности – в другую... – пробаритонил козлобородый.

Из-за котелка, бородки и усов лицо мужчины казалось комически приятным, располагающим к себе. Единственное, что могло насторожить наблюдательного человека, это блеск глаз. Так смотрят уверенные, одержимые какой-то сверхидеей люди. Свете показалось удивительным, что от этого мужчины пахло почти как от Говарда – табачным перегаром.

– Ну тогда мы за вами, – сказала Соловьёва.

– Эээ... Я уже здесь была, – заявила Паучкова. – Нам здесь нечего делать, разве что время тратить. Пошли лучше в дегустационный зал?

– Извините за беспокойство, – виновато улыбнулась козлобородому воспитанная Света.

Козлобородый усач ничего не ответил. Вэньг и Света пошли следом за Таней, которую аж распирало от собственной важности. Да! Она была здесь, а подружки ещё нет. Да, она покажет им, заблудшим овечкам, свет в конце мрачного лабиринта! Да, она будет их проводником в мир взрослых байгановых наслаждений!

ДА!!!

– Вы можете выбрать три любые разновидности байгана на пробу, – выбил из приятного водоворота мыслей флегматичный, слегка квакающий голос чупакабры.

Соловьёва к этому времени всю изучала меню новинок, а Ли вертела в руке пробник «Розовой страсти».

– Быстрые вы, девчонки, – подытожила Паучкова.

– О, пока мы не приступили, – вспомнила Света. – Хочу похвастаться: Говард меня на представление Боно Укротителя Мутантов пригласил!

– Ха, нашла чем хвастаться, – фыркнула Ли и положила «Розовую страсть» обратно в матрицу пробников, выудила взамен «Ледяной поцелуй Гималаев». – Кому тот Боно интересен?

– Ты просто завидуешь, – вступилась за подругу Паучкова.

– Завидую? Я? Да моему отцу вместо недостающей зарплаты дали два билета на это представление. Так они и лежат – толку от них никакого...

– Вот это уже интересно, – глаза Тани Паучковой загорелись. – Я ходила недавно в кассы, но все билеты были распроданы.

– Девушки, если пришли сюда поговорить, то не мешайте другим, – сделала замечание откуда ни возьмись материализовавшаяся пожилая женщина с розовым боа из фальшивого меха.

– Да, да, конечно же... – отмахнулась Таня и продолжила. – Ли, ты настоящая засранка. Я, видите ли, не могу билеты достать, а они у тебя просто валяются...

– Я с радостью тебе их продам, – сообщила Вэньг. – Хотя какой-то толк будет.

– Мне не нужно два билета, – сказала Паучкова. – Мне одного хватит. Мы ведь с Андреем уже давно не гуляем...

– Первые жертвы твоего разрыва с Андреем, – сардонически констатировала Ли, – непроданный билет...

– Хватит умничать, подруга, – осадила её Таня. – Я с ним не разрывала, ведь как можно разорвать, если и не встречалась? Мы просто несколько раз прошлись погулять, то-то и всего.

– Не преуменьшай, – вклинилась Света. – Я видела, как вы с ним возле подъезда зажимались.

– Ну и что? – спросила Таня. – Это ни к чему не обязывает. – После недолгой паузы она добавила: – Я просто хотела попробовать, какой у него язык на вкус...

– И какой? – не удержалась Ли.

– Солёный, – парировала Паучкова. – Ты лучше вот что мне скажи: зачем второму билету пропадать? Пошли со мной вместе?

– Не хочу, – отмахнулась Ли. – И вообще, мы сюда не болтать пришли, а байган взрослый попробовать, – она кивнула на женщину с дешёвым боа, самозабвенно вдыхающую пробник.

– Как знаешь, – выдохнула Паучкова.

Больше они не разговаривали. Ведь зачем разговаривать, когда впервые пробуешь взрослый байган, да ещё и высшего качества, широкого спектра действия? Девчонки употребили полагающиеся им бесплатные пробники, после чего оставили в БУМе все деньги, которые только были у них с собой. И очень жалели, что больше денег нет хотя бы ещё на одну порцию...

Улёт, который предлагали «Небесный огонь», «Розовая страсть», «Золотое вдохновение», «Полёт фантазии» и другие шедевры байганового искусства – был незабываем!

«Это было лучше, чем секс!» – как сказал бы один современный комик.

Из жизни доблестной милиции 7

– Чан, я просто не могу понять, почему так! – возмущался старший лейтенант Говард Закиров.

– Ты меньше думай, больше делай, – отмахнулся Малыш.

– Да ясно, конечно, но всё же... Чан, ну реально, который день дежуришь – ни одного вшивенького сигнала, ни одной зацепочки... Как это понимать вообще? Перевелись все психокинеты? Мы наконец пришли к светлому будущему? Сомнительно что-то...

- Проверь луцье радар.
- Проверял я его полминуты назад. Глушь кладбищенская.
- Есё проверь.
- Проверил. Ничего. Как это ново...
- Не паясничай, Закиров, – на чистом русском заявил Чан. – Они затаились. Сердцем

чую.

– И ежу это ясно, – кивнул Говард и медленно потянул на себя штурвал, поднимая тем самым патрульный флаер всё выше и выше в небо. – Ненавижу ждать. Уж лучше какая-нибудь заварушка, чем тупое ожидание, как по мне.

– Глупый ты есё, – вздохнул Чан Вэй Кун. – Здать, быть готовым к беде намного луцье, чем попасть в беду...

– Лучше зажечь одну маленькую свечу, чем клясть темноту, – задумчиво произнёс Говард.

– Чего? – от удивления Малыш приподнял правую бровь, позабыв при этом о пижонском китайском акценте.

– Да у вас там мудрец какой-то был, это его слова.

– К чему ты привёл цитату Конфуция? Она здесь ни к селу, ни к городу.

– Просто, – ухмыльнулся Говард. – Скучно стало...

– В следующий раз думай, кого цитируешь, – отчеканил Чан.

– Окей, босс, как скажешь, – пожал плечами Говард.

– И не называй меня босс, – добил младшего напарника майор. – Раньше ж не называл. Тоже от скуки решил эксперимент поставить?

– Как я понимаю, эксперимент не удался...

– Правильно понимаешь.

– Вот и поговорили, – заключил Говард, проверяя радар. Без изменений. Словно в одночасье все психокинететы вымерли от какого-то загадочного вируса, способного поражать только врагов народа. А в принципе, почему и нет? Хотелось бы в это верить, очень хотелось, но понятно, что такие вещи могут существовать только в смелых милицейских фантазиях. В реальности всё гораздо прозаичней.

И жёстче...

Глава 8

Лиза сидела на кухне и курила, когда в квартиру вошёл Зиновий Сергеевич. Увидев мужа, она потушила сигариллу о надтреснутое фарфоровое блюдо с золотистым узором то ли виноградной грозди, то ли сирени.

– Я прожил с тобой не один десяток лет, Лиза, но не знал, что ты куришь, – с досадой произнёс Зиновий.

– Я начала лишь недавно, – холодно, словно мокнув слова в жидкий азот, ответила Лиза.

– Ну и как тебе? – не удержался Зиновий.

– Полная мерзость, – призналась Лиза.

– И зачем тогда?

– Просто захотелось...

– Где сигариллу взяла, старая кляча?

– Даже так? – лишь чуть-чуть приподняла бровь Лиза. – Давай ты не будешь опускаться до уровня трамвайного хама, Зиновий. Ты всё-таки некоторое подобие интеллигента...

– Некоторое подобие, говоришь? – Градов едва сдерживался, чтобы не сорваться на крик. – Некоторое подобие? Ха! Некоторое подобие...

– Хоть сотню раз повтори эту фразу, что изменится? – ухмыльнулась Лиза.

– Где ты пропадала всё это время?

– Мда... – причмокнула Лиза. – Можно подумать, тебе это интересно.

– Праздный интерес, не более того, – выдавил из себя Зиновий и ужаснулся от того, что сказал правду.

– С чего бы это? – продолжала играть роль циничной гарпии Лиза. – Сам нахамил, сам прогнал, а теперь праздные интересы проявляет...

– У тебя есть кто-то ещё? – пошёл в лобовое нападение Градов.

– Что? Нет. Нет! Что ты несёшь? – Лиза немного смешалась, но лишь настолько, насколько надо было, будто бы отрабатывала эту реакцию не один раз. – Ну ты и болван!

– Да, я болван, Лиза, – тяжело вздохнул Зиновий. – Я болван, потому что не мог догадаться об этом раньше. И ради светлой памяти молодости, прекрати мне врать хоть на этот раз, хорошо? Ответь на вопрос. Ответь без лжи. Я утром уезжаю в Ялту. И мы больше никогда не увидимся. Слышишь меня? Никогда. Хоть сейчас будь со мной откровенна. Как когда-то, в молодости...

– Погоди-ка, ты ведь не завтра уезжаешь, – спесь вмиг растаяла, оставив Лизе лишь голое переживание. И зависть. – У тебя ещё полмесяца или около того!

– Анатолий Альбертович позаботился о том, чтобы я вышел на пенсию немного раньше установленного срока, – не скрывая улыбки, сообщил Градов. – Такое бывает, хоть и редко.

– Вот как... И ты хочешь знать правду, да?

– Хочу, Лиза. Я догадываюсь, что она будет тяжёлой. Но мне нужно знать.

– Ну так знай, Зина, петух ошпаренный, рога носец, я тебе изменяла с тех пор, как ты попал в сибирскую колонию. Я даже не стала для приличия ждать какое-то время – на следующий же день после твоей «вынужденной отлучки» я отсосала у первого мужика, который подвернулся под мои губы. Им оказался Серж. Да, именно тот Серж, из-за которого ты рассыпал шахматы и убил несчастного Зарецкого. Ах да, Зарецкий, царство ему небесное. Молоденький, неопытный мальчик... Я лишила его тогда девственности!

Градов молчаливо слушал, сжимая кулаки до хруста в старческих суставах. Желваки нервно подрагивали на его скулах.

– О да, Зиновий, пока ты там брёвна тягал, меня полдвора перетягало. Я давала им во все места. Особенно мне нравилось это делать в зад. Какой я дурой была, что вертела перед тобой носом и не разрешала туда войти. Твои знакомые были более настойчивы... А когда ты вернулся, Градов, через год, ты мне показался таким дряхлым и надоевшим, таким слабым и бесполезным... Ты мне стал отвратителен в мужском плане, ведь я догадывалась, что там с тобой делали в колонии ледяными сибирскими ночами. Эти все паханы, шестёрки, авторитеты... Они петушили тебя, трахали в жопу. Как после этого я могла позволить тебе войти в меня? Вдруг они были заразными? Я не хотела разделить их болячки. Да и вообще, как я могла хотеть тебя после того, как ты разбил нашу «таврию», к тому же умудрился при этом убить ту несчастную женщину. Я хотела с тобой развестись, и сделала бы это, если бы не забыла... Да, попросту забыла. А ты вернулся – и я всё взвесила. Проще ничего не менять. И будь что будет.

Лиза говорила размеренно, голос её лишь иногда подрагивал. Ни единой слезинки, ни намёка на раскаяние. Словно школьница рассказывала учителю сочинение на тему «как я провела год без тебя, ублюдох ты хренов».

– Ты жертва туалетного чтива «про зону», Лиза, – проскрипел зубами Градов, но потом взял себя в руки и более-менее ровным тоном продолжил: – Почему ты не захотела поговорить со мной на эту тему? В Сибири не было ни «петухов», ни «паханов». Там были люди. Такие же, как я. Осуждённые. И мы держались вместе, ведь иначе нас ждала ужасная смерть. Хотя не отвечай, я понимаю, почему не хотела говорить – тебе так было выгодно. Зачем развинчивать свои заблуждения, ведь они так хорошо оправдывали твоё блудское поведение?! Я догадывался. Догадывался, мать твою так! Но, как тупой идиот, до последнего пытался оправдать тебя, не замечать очевидных вещей...

– И дальше что, дружок-голубок? – перебила его Лиза. – Прочитаешь мне мораль? Задушишь меня, как тот долбаный Отелло?

– С кем ты была эти дни? – потребовал Градов.

– Как с кем? С Сержем. Я...

– Дверь вот здесь, – Зиновий ткнул пальцем на выход. – И сделай так, чтобы я твою проститутскую морду больше никогда не видел. Я еду в пансионат. Отдыхать от тебя, твоей лжи и этого дрянного двора, полного тварей типа Сержика и Толика.

– Как скажешь, – спокойно ответила Лиза и размеренным шагом направилась к двери.

Когда она вышла, Зиновий рухнул на постель и не удержал слёз. Горькими и тяжёлыми они были. Вкуса разочарования и разбитого сердца. Цвета потерянной молодости...

Немного позже, Градов сидел в кресле и медленно втирал в виски бальзам «звёздочка». Пары бальзама щипали заплаканные глаза. Но это было приятное пощипывание. Зиновий поймал себя на мысли, что так и не выяснил, откуда Лиза взяла сигариллу. Ведь, насколько ему было известно, недавно табачные изделия окончательно запретили.

Старик поглядел на датчик настроения. Как это ни странно – лишь жёлтый сектор.

Утром за ним прилетит флаер. «Самолётчик счастья стариков-работников» – так его называют многие. СССР! Цвета тёмно-синего металлика, с радужной улыбочивой эмблемой «Фармацевтики Бережных Рук» на дверцах. Обычно это грузовой транспорт, забирающий множество счастливиц за раз, но Зиновий не был уверен, что за ним прилетит именно такой. Всё-таки на пенсию он выходит в незапланированный день.

А может это всё вьетнамский бальзам «звёздочка»? Вместе с головной болью, он снимает и боль душевную? Хотя нет, здесь дело в другом – самые страшные подозрения подтвердились сегодня. Это, своего рода, сброшенный камень с плеч. Неприятный, колючий, измазанный гнилью и ядом камень. Горькая правда лучше чем сладкая ложь? В этом случае да. Хотя вообще – нет...

Лиза... Да пошла она к такой-то матери! Были бы магические ножницы, которыми можно вырезать куски из памяти, Зиновий бы с радостью ими воспользовался. О да, много чего бы он вырезал. В первую очередь – Лизу. Всю Лизу, целиком и полностью, от встречи в московской школе-интернате для умственно-отсталых детей до сегодняшнего разговора.

Вот бы было здорово!

А что дальше?

И вообще смысл?

Наша лента жизни не имеет реверса. Она мотает только вперёд. Память – это не что иное, как возможность оглянуться на отработанную плёнку. Так зачем же менять память, если плёнка всё равно не сработает вновь? Глупо это. Вперёд, только вперёд. Ты есть то, что есть сейчас. Что было в прошлом – то остаётся в прошлом. Впереди Зиновия ждут заслуженные беззаботные дни пенсии на берегу Ялты. Второе рождение, можно сказать. Жаль, конечно, что заслуженный отдых даётся только на старости лет. Но уж лучше так, чем никак.

Тут градов вспомнил, что ещё даже не приступал к сбору вещей. Зубная щётка, туалетная бумага, безопасная бритва хоть и с плавающими, но уже изрядно поржавевшими лезвиями, поношенный костюм, грязные рубахи (Лизы не было, значит стирать некому)...

И только он надумал подняться с кресла, чтобы приняться за сбор походной сумки, как тело отказалось слушаться. На Зиновия обрушилась старческая усталость, подобно тропическому цунами. Веки слиплись и напрочь отказались разлипаться. Сквозь щели сознания принялся просачиваться серый туман сна. Он залил собой всё.

Дирижабль улетает прочь. Он не хочет оставаться на этой земле. Яркое закатное солнце красит его очертания кровавым багрянцем. Морозный день морозной жизни...

Капитан Эльмиран изучает горизонт в покрывшуюся инеем подзорную трубу. Линзы чисты и вид превосходный. Вдалеке маячат желтеющие луга и сбрасывающий листву лес. Экипаж в хорошем расположении духа и капитан чувствует это. Он подзывает боцмана

Родригеса и даёт поглядеть в трубу. Боцману не по себе такое внимание начальства. Его дело приземлённое – гонять матросов по палубе, назначать смены и внеурочные дежурства за пьянки и ругань. А заниматься столь возвышенными делами, как прокладывание маршрута или осмотр местности сквозь линзы, облачённые в складные серебряные цилиндры – это уж, увольте. Пусть капитан и его помощник занимаются. Боцману и без этого хлопот хватает. Но отказать капитану Эльмирану в чём-либо – худшего преступления и представить себе нельзя.

– Что ты видишь, Родригес? – спросил капитан, выдыхая при каждом слове пар изо рта.

– Я вижу лес, лорд Эльмиран, – признался боцман и попытался вернуть подзорную трубу законному владельцу.

– Это всё, что ты видишь? – разочарованно спросил капитан, не принимая из рук боцмана трубу. – А ну-ка посмотри ещё раз.

– Я вижу лес, лорд Эльмиран. Он разукрашен кровью и золотом. Перед лесом я вижу луг. И горизонт. Лес тонет в горизонте, как пьяный моряк в гавани. Больше я ничего не вижу.

– Родригес, неужели это всё, что ты там видишь? – ещё разочарованней спросил капитан.

– Ну, вон птица полетела. Орёл или баклан – не разглядеть...

– Да не в птице дело, боцман, разве ты не видишь то, что вижу я? – не успокаивался капитан.

– Простите, лорд Эльмиран, я больше ничего не вижу. И, чтоб чёрт меня под килем пропустил, мне кажется, что вы сейчас надо мной шутите.

– Родригес, я люблю добро пошутить над матросами, не без этого, но сейчас я серьёзен, – отвечал капитан. – Ты видишь правильно, боцман, но лишь земную часть. Пока ты так будешь видеть – никогда тебе не стать капитаном...

– Я и не стремлюсь к этому, мой лорд, – вздохнул Родригес и с облегчением отдал подзорную трубу капитану. – Если не секрет, что я должен был увидеть, но не смог?

– Ты должен был увидеть надежду, боцман Родригес, – гордо заявил капитан Эльмиран и вновь принялся глядеть в подзорку. – Нашу с вами НАДЕЖДУ!

Боцман открыл рот, но так ничего и не сказал, поскольку просто не знал, что можно здесь сказать. Всё-таки он простой, приземлённый боцман, не больше. А капитан – на то он и капитан, чтобы видеть то, что другие не в состоянии.

– Ты свободен, боцман Родригес.

Боцман был рад это услышать.

А дирижабль всё продолжал путь. Последние лучи солнца обещали ночь. Лунную и звёздную. Полную молчаливой неопределённости. Ночь...

Трель дверного звонка выбила Зиновия Сергеевича из плена Гипноса и его сына Морфея. Градов открыл глаза и обнаружил себя в кресле. Настенные часы показывали начало десятого утра.

Звонок не успокаивался. Зиновий кое-как поднялся с кресла и поплёлся в коридор. Открыл двери и пригласил гостя, но тот отказался входить, показывая на наручные часы, мол, время уже. Это был низенький чупакабра в фиолетовом форменном костюме с улыбающейся эмблемой «ФБР». Его плоское лицо не выражало и малейших эмоций, лимонные без белков глаза, не мигая, смотрели то ли на Зиновия, то ли сквозь него, а может, и то, и другое одновременно...

Градов спросил, сколько у него ещё времени в запасе для сборов, но чупакабра лишь покачал головой. Время лететь в пенсионный пансионат. Они уже начинают выбиваться из графика. Зиновию Сергеевичу следовало ровно в девять утра быть собранным, одетым и готовым к путешествию. Градов лишь виновато улыбнулся и выклянчил-таки пять минут на некое подобие подготовки. Конечно же, собирать походный чемодан бессмысленно. Ведь, как

известно, если собираешь в дорогу чемодан, то пока его не набьёшь нужными и не совсем нужными вещами до отказа – не успокоишься. А время есть взять только самое дорогое, самое ценное. Градов осмотрел комнату: старый шкаф-купе со скрипучей дверью, зелёное кресло с потёртыми подлокотниками, погребённый под прошлогодними газетами и исписанными тетрадками стол и кремовые тюлевые занавески, потемневшие от времени и мушиного говна...

Прошлое, которое остаётся в прошлом.

Как выясняется, взять с собой в будущее особо-то и нечего...

После некоторых неутешительных раздумий, Градов не стал даже переодеваться. Как был, во вчерашнем чёрном шерстяном пиджаке в широкую бордовую клетку, жёлтой сорочке и льняных брюках синего цвета, уже изрядно помятых, он направился к выходу. По дороге захватил паспорт и немного карманных денег – больше по привычке, чем по нужде. Ведь в пенсионных пансионатах деньги не нужны. О тебе там заботится «Фармацевтика Бережных Рук», исполняет каждый твой каприз, каждую прихоть. Бесплатно, как говорят некоторые поверхностные люди. Но нет, за всё давно заплачено кропотливым, многолетним, монотонным, и от этого невыносимо тяжёлым трудом во благо общества. Кто всё-таки дотерпел, кто дошёл до конца – тому причитается награда. Прекрасная награда беззаботности и счастья!

Зиновий Сергеевич Градов заслужил эту награду каждой клеточкой своего тела!

Во дворе, вопреки прогнозам Градова, стоял грузовой флаер. Именно такой – тёмно-синий металл с эмблемой ФБР – который три года назад прилетал за братом Зиновия Андреем Сергеевичем Градовым и уносил вместе с коллегами по счастью в Московский пенсионный пансионат. Тогда они всем двором вышли попрощаться с Андреем. Ох, как сильно пытались все скрыть зависть – у кого белую, у кого чёрную – но ничего, разумеется, не получалось. Человеческий фактор... Кто знает, может это именно тот грузовой флаер? Сомнительно, конечно, но в этой жизни и не такие совпадения бывают.

Зиновия никто не вышел проводить. Во-первых, никто не знал (кроме Лизы и директора школы №22), что Градов выходит на пенсию раньше положенного срока. Во-вторых, после несчастного случая с Зарецким, а потом и хулиганским поведением Градова, приведшем к выбитым окнам в доме, с Зиновием мало кто общался.

Во дворовой беседке коротали утро Сержик, Толик и двое лысых стариканов, имена которых всегда ускользали из памяти Зиновия. Они вчетвером пытались делать вид, что не смотрят на то, как Градов гордой походкой направляется к флаеру, как поднимается по трапу, как дверь-трап захлопывается за его спиной и как самолётик счастья стариков-работников взмывает в небо.

СССР всегда был предметом дикой, необузданной, порой даже звериной зависти всех тех, кто ещё не дослужил до причитающегося отдыха...

Лжеподружкам было хорошо, лжеподружки закидывались взрослым байганом...

Эта сучка Ли, будь она проклята! И Соловьёва, прекрасная корова, дрянная бесхребетная железная субстанция, а не человек! Да и Паучкова ничем их не лучше, амёба инфузорная, пресмыкающееся, безмозглое ничтожное чмо! Если бы она хотела – без проблем бы заткнула ту узкоглазую стерву Ли. Но нет, зачем же наклепать на себя гнев подруг? Уж лучше она плюнет в душу несчастной Крохиной, безобидной и одинокой девушки, у которой, при всём этом, ещё и провал теста на совершеннолетие. Это ужасно, чудовищно, бесчеловечно, жестоко, цинично и подло! Как ещё никогда Лена нуждалась в поддержке, как ещё никогда она открылась перед ними, она протянула руку, моля о помощи. Но вместо помощи, Крохина получила бессердечный пинок. Это больно.

Это на самом деле невыносимо больно...

Сволочь Паучкова! Попросит она ещё домашку за неё сделать – получит шиш с маслом. Нет, получит хрен с майонезом! Тупая ни на что неспособная идиотка!

Почему твои близкие, или люди, которых ты хотя бы считаешь близкими... почему они ранят тебя тогда, когда ты этого меньше всего ждёшь? Почему, когда ты на высоте, когда твой фургон жизни катит по белому шоссе, они рядом, делают вид, что желают тебе добра. Они так убедительны в своих лжи и лицемерии, что волей-неволей начинаешь верить им. Но стоит тебе оступиться, стоит фургону свернуть на чёрную магистраль – все маски сорваны... Те твари, подлые ничтожные бесхребетные, осмелившиеся называться близкими и родными – они отворачиваются от тебя. Они всем скопом готовы затоптать, задавить, растерзать тебя.

Какие к чертям «милосердие» и «помощь ближнему»?! Кто в наши дни покупается на этот бред душевнобольного? Хотя нет, не душевнобольного. Такое мог придумать только изощрённый, хладнокровный, жестокий мозг человеческий: чтобы расслабить бдительность ближнего своего, ведь когда защиты нет – удар получается наиболее эффективным и болезненным. Философ Томас Гоббс в «Левиафане» утверждал, что «человек человеку – волк». Но ведь волки – благородные животные! Они никогда не добивают своих оступившихся собратьев. И даже в кровавой драке за территорию или пищу – победитель всегда отпускает проигравшего живым. Нет, сравнение более чем неуместное. К сожалению, человек человеку – человек...

Но самое ужасное, самое чудовищное – понимание того, что ты и сам часть этого гнилого маскарада. И сам, волей-неволей, топчешь оступившихся ближних. Ты тоже ЧЕЛОВЕК!

У человечества нет будущего. Люди, как те пауки в банке, сожрут друг друга рано или поздно. А последнего, самого матёрого и жирного паука, оставшегося гордым одиноким победителем – приручат чупакабры и дагонцы. И будет он холёной зверушкой в их зоопарке доживать последние дни эры своей...

Лена Крохина понуро брела туда, куда несли ноги. Мысли – одна мрачнее другой – роились в её голове, жаля и отравляя рассудок, как африканские пчёлы убийцы. Погода не в пример настроению – была непристойно хорошей. Воздух дышал свежестью, а солнце щедро разбрызгивало свет по всем уголкам города Н.

Из зарослей полыни посреди разбитых бетонных плит нечто пускало солнечные блики. Словно оно нарочно подавало сигналы Крохиной. Мол, я здесь лежу уже очень много времени, и мне скучно, ведь все проходят мимо, но ты, Ленка, ты-то не проходи мимо, малышка, подойди ко мне, глупенькая, подойди, и мы с тобой будем играть!

Разумеется, Лена подняла бликующий предмет. Им оказалась древняя раскладная бритва. Из стали. Сама по себе вещица выглядела вполне рабочей, даже несмотря на пятна ржавчины и зазубрины на лезвии. Крохиной осталось только гадать, как эта бритва могла очутиться здесь, и почему её не утянул какой-нибудь бездомный бродяга?

«Байган! – подумалось Лене, когда она прятала бритву в карман брюк. – Те три сучки пошли упорываться взрослым байганом. А чем же я хуже? Ну, денег у меня нет. Будь прокляты эти тупые разноцветные фантики и медные кругляшки! Но... ведь есть бесплатные пробники... почему бы и нет?»

Ещё немного поразмыслив, Лена пришла к неутешительному выводу:

«Жизнь дерьмо. Выхода нет!»

Но, быть может, после взрослого байгана жизнь окажется не таким уж и дерьмом? И выход всё-таки отыщется? Было бы глупо не попробовать.

Лена осмотрелась и поняла, что ещё никогда не была в этой части города. Да, здешние виды не намного отличались от тех, в которых ей довелось побывать: разбитая дорога, облупившаяся штукатурка, заросли сорной травы... Однако знакомого здесь не было ничего. Куда идти? Где ближайший «магазин радости»?

Долго блуждать не пришлось. Несколько кварталов поисков и первый розовый указатель: цель таких штук одна – направлять к ближайшей точке распространения байгана. Правда, магазин оказался не так близко, как этого хотелось бы...

Хотя мало ли чего нам в этой жизни хочется?

Неизменная розовая дверь в форме гигантической придурковатой улыбки с чёрным логотипом «ФБР» в верхней части. Витрина, забитая товаром, от которого почти невозможно оторвать взгляд. Неизменный Чупакабра у кассы. Типичный «магазин радости», подкупающий своей типичностью, греющий душу своей простотой и узнаваемостью.

Посетителей не было. Да и откуда им взяться в рабочее время в этом глухом уголке города? Только Лена и продавец.

– Сколько я могу взять бесплатных пробников? – спросила Крохина. – И какую разновидность взрослого байгана вы мне порекомендуете?

– Я бы тебе порекомендовал «Юный бриз», девочка, – со странным булькающим акцентом сказал полукровка, уставив на Лену немигающие глаза канареечного цвета. – Ты ещё не прошла тест на совершеннолетие.

– Откуда вы знаете? – после нервного молчания спросила Крохина.

– Знаю, – отрезал чупакабра. Его плоское землистое лицо не выражало эмоций. Впрочем, Лена не могла припомнить, чтобы лицо хоть одного встреченного ею чупакабры выражало эмоции. Не лицо тебе, а каменная маска!

– Откуда? – упёрлась рогом Крохина.

– Знаю и всё.

– Откуда?

– Знаю.

– ОТКУДА ТЫ ЭТО ЗНАЕШЬ, МОРДА ЗЕМЛИСТАЯ?!!

– Знаю, девочка, и не надо мне здесь грубить, – сказал продавец всё тем же ровным голосом.

– Ладно, зайдём с другой стороны, – не сдавалась Крохина. Ей было неприятно это осознавать, но спор с продавцом каким-то образом повышал ей настроение. Вот и стрелка датчика из красного сектора в жёлтый переползла... – Если я тебе сейчас покажу сертификат о позитивном прохождении теста на совершеннолетие? Что ты на это скажешь?

– Скажу, что это невозможно. Ты не могла пройти тест на совершеннолетие, девочка.

– Но почему? Ты можешь мне ответить: ПОЧЕМУ, МАТЬ ТВОЮ!

– У меня нет матери в человеческом понимании. Видно, что ты в школе плохо училась, ведь мы размножаемся вегетативным способом...

– Плевать я на это хотела! – топнула ногой Лена. – Изначально вы являетесь смесью человеческой и дагонской рас! А что одни, что другие – имеют матерей. Ты бы свою мамочку точно поймел бы, да, говнюк?

– Я полукровка в третьем поколении. Мой отец сбросил меня с себя точно так же, как в свою очередь дед сбросил с себя отца.

Что это? Неужели Лена услышала в голосе продавца дрожь? Пусть кратковременную, пусть едва заметную. Но ДРОЖЬ! Чёрт, и левая щека его немного пошевелилась. Неужели даже этот уродливый гуманоид способен испытывать эмоции? В наследство от людей передалось? Ха!

– И вообще, что вы за раса такая? Я всегда задавалась вопросом: как вообще такое возможно? Чтобы у двух видов, эволюционировавших совершенно при разных планетарных условиях могли каким-то образом совпасть генетические коды. Ну да, не совсем точно совпасть, но совпасть ведь! Морковка с яблоком сама не скрещивается. Так это при том, что они появились на Земле. А тут, понимаешь, с Дагантолы ребята прилетели, забросили свои генетические семена в наших женщин, и пожалуйста – новоиспечённая раса готова. И самое странное, что в результате этого скрещивания получился абсолютно не похожий по

биологическим признакам вид, размножающийся не половым путём, а простым почкованием. Нет, моя логика давно от этого всего вскипела, но раз уж ты такой умный – изволь всё объяснять.

Лена смотрела на продавца с вызовом. Стрелка датчика настройки подползала к зелёному сектору.

– Я... я... я простой торговец байганом... чего ты ко мне прицепилась? Ты расистка, вот кто ты! Что тебе от меня нужно?

Эмоции. Эмоции! ЭМОЦИИ! Каждое слово чупакабры было пропитано ими. Плоское лицо наконец-таки приняло иное выражение – болезненное, расстроенное, побелевшее. Каменная маска была сорвана.

– Изначально я хотела от тебя бесплатные пробники взрослого байгана. Но сейчас я не уйду, пока не пойму, как ты узнал, что я не прошла тест!

Ответ чупакабры был мгновенным:

– На столе с пробниками, бери три любых, только побыстрее. И уходи. Советую «Небесный огонь». «Розовая страсть» – тоже ничего. Третью можешь выбрать любую из остальных разновидностей – там плохих нет.

– Три одинаковые можно? «Небесного огня», мне название нравится. И я не получила ещё ответ на свой вопрос.

– Да, бери три одинаковые и убирайся отсюда. Как я узнал про твоё несовершеннолетие? Очень просто – по запаху. Нюх чупакабр – как вы нас любите называть – в десятки тысяч раз тоньше, чем человеческий. Это наследие от дагонцев. Ты с ног до головы пропитана детским запахом. Ты ещё девственный ребёнок. Твой бутон ещё не распустился. Ну, чего ты ждёшь? Уходи отсюда. Взяла три пробника – и уходи. Пожалуйста, мне неприятно твоё присутствие.

– Девственный ребёнок, говоришь... Я возьму пять пробников, чтоб как на половину «маски радости» было.

– Бери, только никогда ко мне не возвращайся.

Лена Крохина охотно кивнула. Возвращаться в эту унылую часть города ей совсем не хотелось. А пять пробников вместо трёх – просто великолепно!

Пробники «Небесного огня» были спрятаны в потайной карман школьной сумки. У самого выхода Лена обернулась:

– Слушай, у меня подруга до прохождения теста на совершеннолетие уже много раз покупала взрослый байган в официальных магазинах. Почему ты мне не хотел его продавать?

– Если я отвечу, ты на самом деле уйдёшь? – спросил чупакабра. Его руки бросило в мелкую дрожь.

– Да! Честное слово!

– Тест проводится раз в год. А твоя подруга могла созреть в промежутке между тестами. Мы сами определяем, кому можно продавать взрослый байган. И наличие бумажки, подтверждающей совершеннолетие – нам не указ. Видимо, мои коллеги сочли твою подругу психологически подготовленной к взрослому байгану. Но вот тебя я не считаю готовой. Ты можешь навредить себе этими пробниками. Ты меня вряд ли послушаешь, но если что-то пойдёт не так – вина будет лежать только на тебе одной. А теперь уходи, пожалуйста. Я не могу больше тебя видеть.

– Какие вы, оказывается, нежные, – сказала Крохина и скорчила продавцу рожицу. – Конечно же, я тебя не послушаю, гриб вегетативный!

Чупакабра ничего не ответил.

Из магазина Лена вышла с гордостью, как следует хлопнув дверью-улыбкой. Каждой клеточкой тела она ощущала триумф и ликование.

Где же принять заветный плод? Ну уж точно не на этих замызганных, зашарпанных улицах! Лена и не заметила, как вышла за черту города.

Поле. Солнце слепило. Буйство степной травы, немного деревьев, в основном акаций. В тени которых Лена и решила отдалиться пока ещё запретному наслаждению. Она принялась моститься поудобнее, однако что-то мешало, упираясь в ногу. Ну, конечно же, складная бритва в кармане! Крохина вытащила её. Взвешивая бритву в руке, Лена хотела выбросить эту рухлядь подальше, но в какой-то момент передумала и положила её на землю. Мало ли чего? Вдруг ещё пригодится? На металлолом сдать, или просто в кармане носить, подружкам в школе показывать. Подружкам? Ведь у Лены нет теперь подружек... Дрянные сучки, а не подружки! Предательницы и отщепенки! Эгоистичные коровы! Чтоб ты сдохла, Вэньг Ли!

Чем дальше девушка отходила от «магазина радости» в поисках подходящего места для уединения, тем ниже опускалась шкала на датчике настроения. Лена пыталась этого не замечать, пыталась переубедить себя, мол, всё хорошо, настрой боевой, дух на подъёме и бла-бла-бла. Но против самой себя не попрёшь. Эйфория энергетического вампиризма прошла, оставив после себя ещё большее опустошение. Поедающего эмоции зверька стошнило...

Лена глянула на датчик настроения. Как и предполагала: красный сектор. Ну что ж, пора исследовать чудодейственные свойства «Небесного огня»...

Пробник отличается от стандартной «маски счастья»:

- 1) пробник в десять раз меньше;
- 2) к пробнику в комплекте прилагается базовая насадка для носа – не такая практичная и индивидуальная, как плавающие трубочки на современной «маске радости».

Но в слабости такой насадки есть её сила. Базовую пластмассовую насадку без проблем можно использовать повторно – просто выкрутив из неё пустой и тут же вкрутив новый пробник. Герметичное горлышко пробника легко пробивает при закрутке насадки сетчатый зубец, через отверстия которого тут же начинает проникать драгоценный байгановый газ, несущий радость, счастье, умиротворение всякому, кто вдохнёт его...

Крохина не стала церемониться. Достала из рюкзака звенящие друг о друга стеклянные пробники и разложила их на раскрытый учебник по математике, ранее водружённый себе на колени. Выудила из целлофанового карманчика одного пробника насадку и без лишних раздумий вставила её в нос. Не очень удобно, но терпимо. Закрутила первую байгановую бутылочку.

Вдохнула.

Защипало в горле и лёгких, на глаза навернулись слёзы.

Больше никакой реакции не последовало...

Нет, наверное, это просто маленькая доза! Надо ещё! Лена хочет попробовать ещё!

Не вынимая насадку из носа, девушка выкрутила пустую бутылочку и вкрутила новый пробник.

Вдохнула.

Ничего.

И так все пять пробников...

Лена помотала головой по сторонам, в надежде увидеть хоть что-то необычное. Но всё оставалось таким же опостылевшим и обычным: акации, бритва, травы и крадущийся к горизонту солнечный блин.

– Ты обманул меня, лупоглазый земляной червь! – завизжала Лена, вскочив на ноги. Возмущённо вспорхнув страницами, учебник по математике оказался в траве, вместе с пустыми пробниками. Невдалеке хрустнул ствол акации, дерево медленно легло на землю.

Ну конечно же! Этот подлый чупакабра-торговец решил отомстить Лене и подсунил фальшивые пробники! Только одному Вселенскому Разуму и известно, что вшивый полукровка запихнул в бутылочки вместо высококачественного байгана «Небесный огонь». Может, отраву какую-нибудь? От этих нелюдей всего ожидать можно!

Лена Крохина посмотрела на датчик настроения. Ну конечно! Чёрный сектор!

Нет, жизнь невозможное дерьмо! Невероятно унылое и ничтожное представление, дающееся пустому зрительному залу. И мы все – неумелые актёры-неудачники, чьи сценические неудачи даже некому критиковать. Ведь всем на всё плевать. Каждый думает только о себе. И это губит его. Это губит всех нас. Мы слишком заняты собой, чтобы прийти на помощь другим. Тем, кто умрёт, если ты не окажешься рядом. И они умирают. И ты умираешь, ведь тебе тоже никто не приходит на помощь, когда ты в ней так нуждаешься!

Лена рухнула на колени и зарыдала. Она никому не нужна. Мать всегда в разъездах. И сейчас – ездит по области, торгуя какой-то никому не нужной дрянью. Отец бросил их, ушёл к доярке, подселился к ней в халупу, что в Вознесенске. Вместе они пасут корову и держат аж целый улей медовых пчёл... Дочь не видела отца уже пятый год. Она не держит на него зла, ведь как можно держать зло на того, кто исчез из твоей жизни? Он просто не существует для Лены. Но существует ли Лена сама для себя? Разве это жизнь? Бледная тень, мрак, извечные душевные страдания... Никому нет дела до несчастной девушки, провалившей тест на совершеннолетие. Этот мир и не заметит её исчезновения...

Помутившимся от слёз взглядом, Лена смотрела на отражающий закатные лучи предмет. Старая ржавая складная бритва.

Выход всё-таки есть!

Выход есть, мать вашу так!

Выход...

Дрожащие пальцы подхватили бритву. Сердце стучало по рёбрам неистово, словно загнанный стаей бродячих псов пацан, оказавшийся у дверей соседского дома. И он стучит, стучит, стучит, но никто не открывает – все на работе. А собаки всё ближе...

Не очень-то это просто, вскрывать себе вены. Не менее сотни раз Лена подносила к запястью раскрытую бритву, уже даже прикасалась к коже старым, ржавым, с зазубринами лезвием. Но всегда в нерешительности отнимала его. Ей не хватало уверенности. Не хватало твёрдости, чтобы сделать «прощальный надрез».

Солнце изливало последние закатные лучи на поле, словно смертельно-раненное огненное животное – кровь. И Лена всё-таки решилась. Титаническое усилие воли, зажмуренные глаза, тупая боль в запястье...

Лена тихонько плакала, смотря на рану. Кровь пульсирующими ручейками сочилась на пустые баночки байгана. Было больно. Очень больно. Но жизнь Лены и без этого была похожа на сплошные страдания. Ничего, можно ещё потерпеть, осталось совсем немного...

– Что же ты наделала, дурочка!!! – из пучины надвигающегося мрака донёсся мужской баритон.

– Я? – перед глазами Лены плыло. В сером вечернем сумраке виднелось пятно. Оно то обретало очертания человека с причудливым котелком на голове, то опять превращалось в размытое нечто. – Ты мой ангел смерти?

– Дурная дурочка, – вздохнул Афанасий Михайлович Махно и принялся перевязывать рану девушки огрызком рубахи. – Лишь бы не было заражения. Лишь бы не было...

– Ничего себе, – присвистнул Серёга, осматривая сломанную акацию. – Это ведь она сделала, да?

– Не болтай, лучше дай ей маскировку. Она нашумела громче, чем слон в чайной лавке. Легавые будут здесь с минуты на минуту.

– У них и без неё работёнки сегодня хватает, – пробурчал Серёга, поднося к бледным губам Лены подкуренную сигарету. Девушка скривилась и отвернулась. – Тяни, дура, если жить хочешь, тяни!

Крохина послушалась, сделала затяжку. Дым неприятно щипал лёгкие и горло.

– Ещё! – потребовал Серёга, цепной пёс Дяди Афанаса.

Лена безропотно послушалась. На этот раз едкий дым заставил её закашляться.

– Ещё!

– Я не хочу, – прошептала Лена. – Я хочу умереть...

– Поверь мне, смертью, на которую тебя легавые могут обречь, не захочется умирать, – сказал Дядя Афанас, поглаживая девушку по каштановым кудрям. – Вдохни ещё, ну?

Слова причудливого силуэта в котелке имели странную успокаивающую силу. Им хотелось верить. Слепо. Без оглядки...

Лена выкурила целую сигарету.

– Бери её и пошли, – сказал козлобородый.

Серёга взял Лену Крохину на руки и пустился следом за боссом, который уже шагал к флаеру системы «Волга-2113», на дверце которого светились неоновые таксистские шашечки.

– Ты почему свои долбанные шашки не выключил? – прорычал козлобородый. – Лишнего внимания мусорского захотел?

– Так мы ж быстро... – промямлил Серёга.

– Ещё раз так проколешься, я тебя детских воспоминаний лишу, – пригрозил Афанасий.

«Ненавижу своё детство, лучше бы его стереть» – подумал Серёга и испугался своих мыслей.

– Я всё слышал! – козлобородый открыл заднюю дверцу флаера. – Клади её сюда. И дай мне, ради всего святого, аптечку!

Серёга положил полусознательную Лену на заднее сиденье. Достал из бардачка коробочку с красным крестом, протянул её боссу.

– Полетели! – приказал Дядя Афанас.

Серёга не смел послушаться. Впрочем, он никогда не ослушивался. Дюзы выплонули струи горячего воздуха. Флаер взмыл в усыпанное алмазами звёзд небо.

– Дядя Афанас, Дядя Афанас, – не выдержал Серёга. – Но ведь это она то дерево, да? Вторая степень телекинезии, да?

– Ты рули давай, – буркнул козлобородый, впихивая в рот Лене таблетку антибиотика и давая запить водой из пластиковой бутылочки. – Лишь бы не было заражения. Лишь бы не было. Нам гангрена ни к чему, нет-нет-нет, девочка ты наша, солнышко. Какая ж ты вторая степень, милочка?

Третья, девочка, третья...

Из жизни доблестной милиции 8

«Байган – средство всеобщей радости и счастья – к сожалению, имеет и побочный эффект. Он проявляется у очень ограниченного круга людей, обладающих генетической склонностью к психическим заболеваниям. Так называемая «байгановая аллергическая реакция» вызывает расстройство психики. Диапазон расстройств достаточно широк: начиная от простых нервов и заканчивая такими пагубными проявлениями мозговой деятельности, как психокинетическая активность. Именно поэтому не достигшим совершеннолетия людям рекомендуется употреблять «маски счастья» слабого действия, обозначенные серией «Юный бриз». Молодой развивающийся организм не имеет стойкую реакцию на байган и более склонен к проявлению побочных эффектов.

В случае если побочным эффектом становится психокинетическая активность, основное действие «маски счастья» полностью отсутствует. Люди с подобными склонностями мозга не способны получать наслаждение от байгана. Вместо этого, они в большинстве своём впадают в депрессивное состояние; раскрывается склонность к психопатическим реакциям на внешние раздражители. Часты случаи гипертрофированной мизантропии. Такие люди опасны для общества. И, подобно любой угрозе, они должны быть обезврежены».

Из милицейского справочника

Патрульный флаер стоял на крыше панельной восьмизажки. С его окон открывалась хорошая панорама микрорайона «Северный» города Н. Вид был так себе – это вам не пестрящий богатством Киев, с его вылизанными улочками, новенькими многоэтажками, каштанами вместо зарослей полыни...

– Сегодня в школах проводят тесты на совершеннолетие, – сказал Чан Вэй Кун на чистом русском. – Если до конца смены не увижу хотя бы один огонёк на экране поискового радара – уйду на пенсию. Нет, реально, брошу это всё к чертям собачьим.

– Думаю не всё так плохо, – ответил старший лейтенант Говард Закиров. – Позавчера, вон, майор Андреев задержал телепата первой степени.

– За всю неделю один вшивенький телепатушка, – сказал, как отрезал, Чан. – Закиров, ты хоть понимаешь, что это значит?

– Затишье перед бурей? – взял на себя смелость предположить Говард.

– Нет, это запустенье после бури. Я бы даже сказал не бури, а цунами. Всё плохо, Закиров, из ряда вон плохо.

– Чан, даже не думал, что ты способен пасть духом, я бы...

– Заткнися, пацана сапливая! – рявкнул Малыш. – Не тебена меня учить!

– Я...

Говард не смог закончить свою мысль. Он её, собственно и не начал даже озвучивать, а на экране радара замелькала красная точка в центральной части микрорайона «Лески». И что же это? Ещё одна точка. Совсем рядом!

– Поднимай в воздух нашу пташку, – приказал Чан. – Их нужно отловить пока они ещё не поняли, что способны навредить обществу.

Закиров был рад стараться. Патрульный флаер, словно ястреб, сорвался с крыши панельной восьмизажки. Вот он несётся, режет небо хищными крыльями, зловеще блестит на солнце. Он почуял добычу. Уже ничто не остановит его...

Карта города Н в экране радара вспыхивала новыми красными точками, словно город подцепил вирус и принялся покрываться сыпью оспы. Зараза психокинетизма... Некоторые красные огни на экране обводились зелёными кольцами – другие патрули обозначали выбранные цели. Малыш тоже ввёл ближайшую цель. Ему не терпелось приступить к выполнению служебных обязанностей.

Говард посадил флаер в двух кварталах от места проявления запретной мозговой активности. Чан Вэй Кун приказал ему взять с собой ручной радар психокинетической активности и любое оружие, которое тот сочтёт нужным. Закиров выбрал парализующее: электропистолет и винтовку с газовыми ампулами. Малыш, как и обычно, взял нунчаки и иглострел, заряженный усыпляющими иглами. И, конечно же, перед вылетом на задание оба ОБОУПовца по инструкции обязаны облачаться в легкий бронежилет подрубашечного ношения "Ямайка", в котором так изящно применяются бронеслои ОСМ и ПСП. Да, одну пулю девятимиллиметрового калибра эта майка-ямайка, быть может, и остановит. Но не больше...

Радар привёл их к старому заброшенному зданию – то ли бывшей школе, то ли детскому садику. Чан заглянул в окно и увидел то, что рассчитывал увидеть: группа старшеклассников, в основном девушки. По отрешённым лицам многих сразу понятно, что не в куколки они пришли поиграть в стенах этого ветхого здания. Они были опьянены взрослым байганом. Все, кроме одной девушки. Она недоуменно вертела головой, всматривалась в блаженные лица товарищей. Она оказалась лишней на этом празднике жизни.

– Пульнуть по ним газом парализующим? – с надеждой прошептал на ухо напарнику Говард.

Чан лишь отрицательно покачал головой.

– По мозговой активности тянет на телепата второй степени, – продолжал шептать Говард.

– Ты это уже пять раз по дороге мне сказал, – прошипел в ответ Малыш.

– Мало ли чего, волнуюсь я, она наши мысли читать может... Это ведь та, с рыжими косичками, да?

– Какой ты проницательный... Ещё не может она читать мысли. Вернее, может, но не понимает, что происходит. У неё сейчас в голове такая каша творится, что мама не горюй... Ты меньше говори, а лучше последи за ней...

Говард утвердительно кивнул и выглянул в окно, от которого, собственно, не оставалось ничего, кроме огрызков рамы.

И вправду, рыжекосичкая девушка выглядела такой беспомощной, такой несчастной. Каждый мускул её лица содрогался от боли. Да, именно боли – Говард как-то видел подобное на лице школьного товарища, поскользнувшегося на снегу и пойманного затылком металлический штырь. Это было в седьмом классе. И последними словами того несчастного паренька стало крепкое ругательство в сторону Говарда, мол, не удержал, нехороший человек, вот я и подыхаю на твоих глазах...

Девушка заметила Закирова. Они пересеклись взглядами. Подобно поднесённым друг к другу оголённым высоковольтным проводам, между ними прошёл разряд. В голове Говарда заиграла депрессивная музыка, нечто похожее на сумбурную смесь песен альбомов «Marrow of the Spirit» и «Ashes Against The Grain» группы Agalloch. Даже нет, не смесь. Скорее, одновременное звучание всех четырнадцати песен, словно четырнадцать колонок играли отдельные треки. Но каждый бой барабанов, каждая затронутая гитарная струна, каждый всхлип вокалиста или обречённый вопль скриммера – всё было отчётливо, всё выделялось, будто бы мозг Говарда разделился на четырнадцать отдельных частей, и каждая часть без проблем слушает свою волну, при этом являясь незаменимой частью целого...

Трудно сказать, специально ли девушка посылала такие сигналы, либо это подсознание Говарда трансформировало её мысленный вопль отчаяния в подобную форму восприятия, ведь если дело касалось грусти, меланхолии, печали – Закиров охотно разделял эти чувства со своим плеером и доносящимися из наушников треками Agalloch.

Мозгу Говарда превратиться в пережаренные гренки не дал Чан Вэй Кун. Лёгкий нажим на спусковой крючок, и несущая моментальный сон игла вонзилась в плечо телепатки. Пока Говард приходил в себя, Чан забрался через окно в комнату, неспешно подошёл к лежащей на грязном полу девушке с рыжими косичками и ужасной болезнью мозга – телепатией второй степени. Никто из школьников даже не подумал прийти на выручку подруге. Да никто бы и не смог, ведь ласковые объятия байганового опьянения так быстро не отпускают, особенно если ты всю жизнь сидел на «Юном бризе», а теперь вдохнул целую дозу «Столыпина»...

– Эпический корень! – рявкнул Говард, глядя на Малыша, несущего девушку на плече, как какой-нибудь свёрнутый ковёр или рубероид. – Она мне мозги чуть не высосала, Чан! А ты мне рассказывал, мол, она навредить неспособна, не понимает, что делает и тому подобную дурь на уши вешал. Чёрт, я не знаю, что и думать...

– Не фантазируй, Закиров, – отвечал Малыш. – Я сказал, что она не знает ещё, как читать мысли. Про то, что она не способна тебе мозги высушить – я ничего не говорил.

– Так, Чан, мне что-то подсказывает, что ты меня как подсадную утку использовал, – от этой мысли Говард пришёл в ярость. – Эй, ведь так оно и было! Чан! Что за дела?

– Не заморачивайся сильно, – отмахнулся Малыш. – Взяли преступницу без жертв – и хорошо.

– Ты подставил меня! – Говарда трясло от гнева. – Чан, ты редкостный мудило, вот кто ты!

– Я спишу это на пережитый тобой психокинетический удар, Закиров, но не думай, что я всегда так буду делать, – ровно, спокойно, но с металлическим привкусом угрозы отчеканил майор Чан Вэй Кун.

Говард ничего не сказал в ответ.

За смену Закиров и Кун отловили восемь нарушителей. Три телекинета и пять телепатов – все оказались старшеклассниками, прошедшими тест на совершеннолетие и решившими отпраздновать этот факт взрослым байганом. Двое из них оказались психокинетами второй степени, остальные – первой.

Вот так бывает, да. Не успел насладиться жизнью на полную – а тебя уже доблестные ОБООПовцы вяжут по рукам и ногам.

Несмотря на максимально возможное количество патрулей в небе города Н, отреагировать на все сигналы радара не удалось. Некоторые психокинеты попросту разбрелись по домам или ещё куда, когда действие «байгановой аллергии» прекратилось. Они даже не подозревают, что гулять на свободе им осталось считанные дни...

Глава 9

С каждой секундой СССР приближал пассажиров к заветной мечте. К пенсионному пансионату в городе Ялта.

Зиновий смотрел в иллюминатор. Ватные простыни облаков время от времени прорывались; и в эти дыры виднелись каскады крошечных домиков, дорог, полей, рек... С высоты полёта мир казался чистым и простым, лишённым зла и разрухи. Вся эта жизненная суэта, все повседневные хлопоты и заботы – всё исчезало в одночасье. Становилось даже странно, как в такой безмятежной простоте природы способно рождаться что-то подобное. Порой стоит поглядеть издалека, чтобы рассмотреть всю картину целиком. А так – одни лишь непонятные мазки и каракули...

В какое-то мгновение Зиновий Сергеевич Градов даже ощутил себя капитаном воздушного судна, покинувшего бременные тяготы прошлого, держащего курс к новым романтическим горизонтам, к месту, в котором слово «надежда» становится чем-то большим, чем простое слово. Зиновий мысленно ухмыльнулся подобному образу. Какой из него, к фигу, капитан? Боцман разве что... В голове крутилось что-то такое, что-то похожее... нет, что-то связанное со сном, но последнее время Зиновий не помнил ни одного сна, будь то байгановый сон, либо обычный. Это что-то ускользало из его прожекторов памяти, как скользкая медуза из рук шаловливого ребёнка. Ну и ладно.

Другое сравнение, которое пришло в голову Градова: он старец, достигший пика мудрости. И вот сейчас, с этой вершины он взирает на всю свою жизнь, на жизнь близких, на Жизнь, как таковую. С вершины великой мудрости всё кажется таким мелким и смешным, таким простым и незначимым. Каждый из нас живёт, утопая в мишуре и серой пыли повседневности, но не каждый возносится над ними, чтобы окинуть взглядом осознания.

Третья струя мыслей, которая захлестнула Зиновия, была более приземлённая, нежели две её предшественницы. Градов сейчас сидит в салоне грузового фляера цвета тёмно-синего металла с радужной эмблемой ФБР на фюзеляже. Два ряда сидений со сдвоенными креслами забиты новоиспечёнными пенсионерами до отказа. Рядом с Зиновием сидит носатый мордоворот в овечьей кепке-аэродроме; у него опухшие пальцы и грязь под ногтями, от него разит дикой смесью неделю не стиранных носков и самогонного перегара. Мордоворота подобрали в Вознесенске.

Градов усталился в иллюминатор, с подсознательной целью абстрагироваться от едкого запаха грязных носков путём глубокого погружения в мысли и созерцания земли. Это какое-то время помогало, пока мордоворот не достал из брезентовой сумки расписную деревянную

рюмку и двухлитровую пластмассовую бутылку, наполненную белёсой жидкостью. Не сложно догадаться, что это была за жидкость...

– Гэй, панэ, хочите трошкы? – пробубнил мордоворот.

Зиновий сделал вид, что не слышал.

– Добродию, нэ хочитэ трошкы? – не унимался сосед.

– Вы это мне? – раздражённо спросил Зиновий.

– Так, хочитэ? – мордоворот подмигнул и потряс бутылкой. – Цэ моя жинка гонить.

– Нет, спасибо, – отмахнулся Градов. – Я не любитель этих дел.

– Нэ люблюбя пыты на самоти, – признался Мордоворот. – Мэнэ Сэмэн звать.

– Зиновий Сергеевич, – нехотя проквалкал Градов.

– Дуже прыемно, – Семён протянул мозолистую руку соседу. Зиновий брезгливо её пожал.

– Ну так шо, колы познайомылысь, то може й выпьем тэпэр? – не отступался Семён.

– Нет, спасибо, – повторился Зиновий и отвернулся к иллюминатору.

– Ну як знаетэ, – вздохнул мужик в овечьей кепке, наполнил до краёв расписную рюмку и одним махом выпил. Немного поморщился, занюхал тут же извлечённой из сумки краюхой ржаного хлеба. – Эх, добра штука!

– Прошу прощения, уважаемый, – из-за спинки переднего сиденья появилось бледное тонкое лицо в очках с выпуклыми до безобразия линзами и длинным носом. – Это ведь в руках у вас домашняя наливка, да? Я очень большой фанат подобных напитков, особенно если их производят в Вознесенске. В наше время очень трудно найти хорошую наливку, если спросите меня, но у вас в городке с этим проблем никогда нет. Вас ведь подобрали в Вознесенске, я не ошибаюсь?

– Эээ, шо ти хочеш, добродию? – почесал макушку через шапку-аэродром Семён. – Ты занадто багато балакаеш, я ничего не зрозумив.

– Я просто подумал... – немного смешался тонколицый. – Ну... вы ведь предложили соседу разделить ваш напиток... А он отказался и я подумал стать его заменой... В общем, налейте мне немного самогона вашей жены, если не жалко.

– Ну ты и балакучий! – заключил Семён, вытягивая из брезентовой сумки эмалированную кружку и плеская в неё самогон. – Трымай.

– Благодарю вас, – склонил голову бледнолицый, трепетно принимая кружку. – Меня зовут Виктор Эммануилович Дроздов. Всю сознательную жизнь я занимался изучением европейской культуры семнадцатых-восемнадцатых веков. В частности стилем барокко.

– Що-що? – вылупил глаза Семён.

– Ну как же, стиль барокко зародился в шестнадцатом веке в Италии, в частности в Мантуе, Флоренции, Венеции и, конечно же, Риме. Эта эпоха, не побоюсь сиих слов, по праву считается началом «Великого триумфа западной цивилизации». Это именно то культурное течение, которое вытеснило такие варварские проявления человеческого сознания как рационализм и классицизм! Я твёрдо убеждён, что не возникни это великолепное течение, цивилизация, как таковая, окончательно скатилась бы в пропасть животных инстинктов!

Зиновий уже не смотрел в иллюминатор. Он внимательно наблюдал за выклянчившим эмалированную кружку человеком.

– И ты в це щиро вирыш? – спросил Семён.

– Ну конечно же! – даже через толстые линзы очков было видно, как загорелись глаза Виктора Эммануиловича. – Здесь можно процитировать философа Лейбница: «Многообразие восприятия повышает уровень сознания»! Течение барокко – как раз тот катализатор, механизм расширения сознания, тот толчок, который остановил деградацию и заставил общество ступить на новую веху эволюционного развития!

– Ты добрэ тут розмовляеш, – сказал Семён, наливая в расписную рюмку, – алэ ты не маеш рацию. То шо ты там, добродию, казав про рационализм – то ты нэвирно казав. Твий

барокко створэный, щоб головы людям забруднюваты, мозок засмичуваты. Нема ничего кращого, аниж рационализм! Людям треба жити не в купи выгаданых свитив, а в одному – справжньому!

– Вот это да, – присвистнул Зиновий. – С таким человеком не грех и выпить.

– В мэнэ бильше нэмае стаканив, – пожал плечами Семён.

– Ничего, я поделюсь своим, – как-то неуверенно промямлил Виктор Эммануилович. – Я и не ожидал от вас... Ваше здоровье.

Длинноносый мужчина в очках-аквариумах осушил стакан и тут же протянул его Зиновию. Бледные щёки мужчины налились краской.

Семён плеснул Градову самогона.

– За тэ, щоб всэ було добрэ в нашому новому житти! – торжественно произнёс Семён и чокнулся с Зиновием.

Они выпили.

Потом выпили ещё. Схемы придерживались всё той же – вначале пьёт Мистер Барокко (как прозвал Виктора Дроздова Зиновий), после Градов с Семёном.

Потом ещё выпили. Щедрый Семён достал из брезентовой сумки увесистый свёрток, с трепетом развернул его, извлекая на свет Божий сало, молодой лук, варёные яйца и ржаной хлеб. От закуски никто отказываться не стал. Мало того, к их компании присоединился сосед Виктора Эммануиловича – лысый, как колено, старик с пигментными пятнами на лбу и макушке.

Виктор Эммануилович какое-то время ещё пытался доказать Семёну преимущество барокко перед реализмом, но вскоре покинул эту неблагодарную затею. Уж слишком упёртым и непоколебимым собеседником оказался Семён. Кто бы мог подумать?

Бутылка с белёсой жидкостью медленно, но верно опустошалась...

– А я говорю, что это был не несчастный случай, – вернул Мистер Барокко в начинающий походить на пьяный базар разговор.

– А? Шо? – поинтересовался Семён, жуя головку молодого лука.

– Я про Одесскую Катастрофу. Ну не бывает так, чтобы ядерная боеголовка сама сдетонировала!

– Как не бывает? – подал голос лысый старик с пигментными пятнами. – Именно так и бывает. Грузили на баржу в морском порту межконтинентальную баллистическую ракету «15А14» в рамках договора с дагонцами «О снятии с вооружения ядерного оружия». С их уровнем технологий не прозвать про «забытые» секретные шахты в Рассейке и Ильичёвске – грех! Вот и выкупили они наши ракеты, чтобы мы ими не поранились сами ненароком, или, чего хуже, дагонцев не поранили. И вот одну ракетку-то межконтинентальную, которую НАТО с перепугу в 71-м окрестила «Сатаной», неудачно погрузили. Да так неудачно, что все десять боезапасов по полмегатонны каждый херанули. И привет Одессе-маме...

– Ха, удивил, как же! Этот бред в любом учебнике написан, – фыркнул Мистер Барокко, – «в результате несчастного случая, причиной которому послужил оборвавшийся трос, как установило следствие» – кого они этой дешёвкой купить пытаются?

– И, конечно же, вы, Виктор, знаете истину, – сардонически произнёс Зиновий, пережёвывая при этом сало.

– Ну да, иначе я не поднимал бы этот разговор. Но давайте вначале выпьем немного? Семён Андреевич Перебейнос, не будете ли столь любезны передать мне яйцо и кусочек сала?

Семён Андреевич Перебейнос оказался столь любезен.

Они выпили.

И заели.

– Так вот, знаете ли вы, что подобного рода оружие сделано не тяп на ляп? – поинтересовался Мистер Барокко. – Ну, разумеется, знаете. Так вот, не могу я понять того,

что вы не можете понять очевидных вещей! Да пусть та ракета сто раз на баржу падала, да пусть с высоты в двадцатипятиэтажный дом – ни один заряд не мог сдетонировать от удара. Просто смешно! Это ведь вам не петарда новогодняя, это ядерные боезапасы общей мощностью в двадцать мегатонн тротилового эквивалента! Чтобы пошла ядерная реакция – нужно добиться критической массы. От несчастного удара по барже, да ещё и под защитой общей оболочки ракеты – взрыва ну никак произойти не могло!

– То е гарно, добродію, – принялся делиться мыслями Семён Перебейнос. – Алэ ж тий ракети було рокив бильше, ніж всім моім свиням в хливи разом узятим! З симидысятих рокив ще. Не дивно, що вона хэранула.

– Да, Семён прав, – подхватил Градов. – Чем старше становится оружие, тем больше вероятности произвольных детонаций.

– Согласен, – поддакнул лысый.

– А вот и нет! – не отступался Мистер Барокко. – И вообще, эта умственно-отсталая формулировка с порванным тросом. Там после взрыва кратер размером с Одессу образовался, как они тот трос нашли? Не, ну за кого они нас принимают?

– За что-что, а за трос я бы не переживал, – доверительно сообщил пигментно-лысый. – Не думаю, что за погрузкой ядерных боезарядов не наблюдали с орбиты. Чтобы зафиксировать неполадку достаточно и наших технологий. А что уж говорить про дагонские?

– Наши спутники только засорять космос способны и на Землю падать не догорев в атмосфере! – фыркнул Мистер Барокко. – Прочитую всё того же Декарта: «Истинно все то, что «ясно и отчётливо» мыслится или имеет математическое выражение». Я не вижу в этой ситуации ни ясности, ни отчётливости. Одни загадки и дебильные домыслы. Дагонцы впаривают нам фуфел вместо правды, а мы, как последние остолопы жрём этот фуфел и при этом улыбаемся во весь рот!

– Эй, я бы на твоём месте помягче бы высказывался в адрес дагонцев, – с упрёком сказал лысый. – Всё-таки пенсионные пансионаты содержатся на их деньги...

– Нет, друзья, нет, нет и ещё раз нет, вы чего? – смешался Мистер Барокко. – Ни в коем случае не имею ничего против дагонцев. Ребята молодцы и всё такое. Вы ведь совершенно не поняли моей точки зрения! А как же тут понять, если вы меня постоянно перебиваете? – он обвёл взглядом собеседников, скользнул по остальным старикам в салоне, которые уже даже перестали притворяться, что не подслушивают, поймал взгляд чупакабры в фиолетовом форменном костюме с улыбающейся эмблемой «ФБР» и продолжил шёпотом: – Я лишь хочу сказать, что дагонцы умышленно скрывают истинную причину гибели Одессы...

– А? – переспросил Семён. – Я трошки туговат на вуха.

Мистер Барокко проигнорировал замечание и продолжил. Семён и Зиновий придвинулись ближе, чтобы его расслышать:

– Вы помните, сколько шума поднялось вокруг трений между Одесской Федерацией Торговли и чупакабрами? Одесситы выиграли тендер на продажу байгана в своём городе и области. Но мало этого, ОФТ вела переговоры с дагонцами об укреплении своих позиций на байгановом рынке других городов Украины. И, как можно судить по последствиям, довольно успешно вела...

– Слышал я такую теорию, – перебил Зиновий. – Бред сивой кобылы, как по мне.

– Нет, Зиновий Сергеевич, тут даже не сивой кобылы, тут больше бредом обколотившегося наркотическими иглками престарелого ёжика пахнет, – вставил пять копеек лысый, насмешливо косясь на своего соседа по креслу.

– А я нэ чув, – запереживал Семён. – А ну, Викторэ, розповидай, нэ звэртай увагы.

– Я и не обращаю, – утвердительно кивнул Мистер Барокко и продолжил шептать. – В том деле, Семён, что уничтожение Одессы – это жестокая и беспощадная террористическая акция. Устроенная этими нелюдями, полукровками, этими чупакабрами, чтоб их чёрт побрал.

– Да ты шо! – испытал катарсис Перебейнос.

– Я бы на твоём месте не сильно в эту бредятину верил, Семён, – сообщил Зиновий, дружески похлопывая соседа по плечу. – Это всего лишь одна из теорий, выдуманная такими же умельцами, которые придумали ТВЗ...

– ТВЗ? – выпучил на него глаза Семён.

– Теория всемирного заговора, – хищно оскалился Мистер Барокко. – Конспирологическая теория, если угодно. Распадается на множество ветвей, нечто вроде масонских, еврейских, арабских, экономических, топливных, экологических и прочих заговоров. Многие из них даже достаточно правдоподобны...

– Я могу вам чем-нибудь помочь? – спросил коренастый чупакабра в форменном костюме сотрудника «ФБР», уставив лимонные глаза на Мистера Барокко.

– Нет, спасибо, – буркнул Мистер Барокко. Его глаза нервно забегали, а лоб покрыла испарина. Он явно испытывал страх перед новоиспечённым собеседником.

– Если вдруг понадобится – зовите, – холодным, словно дно океана тоном сообщил чупакабра. – И приготовьтесь, через десять минут мы совершаем посадку на площадку Ялтинского пенсионного пансионата.

– Так швидко? – Семён тут же позабыл про Одессу, чупакабр, ТВЗ и иже с ними. Его разум затмило понимание: **ЗАСЛУЖЕННЫЙ ОТДЫХ СКОРО НАЧНЁТСЯ!**

Остальные старики испытали нечто подобное. Даже Виктор «Мистер Барокко» Эммануилович притих.

Больше они не разговаривали. Разве что дружно выкрикнули «будьмо» и приговорили остатки наливки, приготовленной заботливой панной Перебейнос.

Самолётик счастья стариков-работников совершил мягкую посадку. Если быть точным, не через десять, а через четырнадцать минут двенадцать секунд. Зиновий специально засёк.

СССР!

– Вы какой-то задумчивый, старший лейтенант Говард Андреевич.

– А?

– Говорю, задумчивый вы сегодня, старший лейтенант...

Говард ничего не ответил.

– Я слышала, вы любите сигареты? Знаете, Говард Андреевич, это очень вредно. К нам в гости как-то приходила знакомая моей мамы, так эта знакомая рассказывала, что её знакомая слышала историю про знакомую той знакомой, о том, что её муж много курил, как паровоз прямо. Дни напролёт только и делал, что втягивал в лёгкие табачный дым вместе со смолами и никотином, всасывая это всё в организм, травя его, как они говорили. Я маленькая была, точно не помню всех подробностей, но помню наверняка, что тот мужчина даже от байгана отказался из-за сигарет. А ведь любил очень, если верить словам знакомой знакомой моей мамы. И вот что я вам скажу, Говард Андреевич, он променял байган на сигареты, а со временем высох, как засолённый угорь на солнце. И Будде душу отдал, или кому он там по вере отдавать душу должен был. Я вообще атеистка и не сильно разбираюсь в этих вопросах. Будда там, Христос там, Спагетти Монстр или Микки Маус там – я не сильно пыталась углубляться. А я, кстати, тест прошла на совершеннолетие. Но вы и так знаете. Наша общая знакомая наверняка вам всё рассказала...

– Да, я в курсе, – выдавил из себя Говард, чувствуя, как его виски пульсируют, голова вот-вот треснет от тонны влитой в неё бесполезной информации. – Меня друзья Варом называли, когда они были... А шутники вроде Андрюхи и Славика ещё и Садовый добавляли. Смысла в этом я никакого не наблюдал, но им, должно быть, виднее. Где они сейчас – не имею и малейшего представления...

– Говард, Вар, то есть Садовый Вар, или как вы там хотите называться, я ведь с радостью стану вашим другом. Да кем скажете – той и стану. Товарищ старший лейтенант, парень молодой, я хочу потанцевать с тобой...

– Чего?

– Да так, простите, вырвалось...

– Зай, у меня немного голова болеть начинает, может, какое-то время в тишине побудем?

– Да, Вар, конечно же, Говард, какие проблемы?

– Никаких, – Говард выполз из-под одеяла и направился к подоконнику.

Босые ноги глухо шлёпали по половицам. В комнате было темно, и когда Закиров поднял жалюзи, его мускулистое тело залил лунный свет. На подоконнике одиноко лежала пачка «Суйен» и одноразовая газовая зажигалка. Говард приоткрыл окно, подкурил. И хоть он старался выдыхать дым в оконную щель, комната всё равно заполнилась запахом сигарет.

– Ну вот, говоришь ему, говоришь, а он не слушается, кхе-кхе, – девушка демонстративно прокашлялась, выказывая своё «фе» табачному дыму. – И где же это вы их нашли, сигареты эти. Их ведь запретили. По всему городу ни одной сигаретной будки не осталось!

– Места знать надо, – пробурчал Говард, туша окурок о карниз.

– Вар, я как-то раз пошла прогуляться. Одна пошла. И вот иду я, иду, а там, в кустах собачонок сидит. Маленький такой, смешной. Чёрный с белым пятном вокруг глаза. Я его подобрала и домой понесла, а мама сказала, что незачем нам бродяг всяких прикармливать и в дом пускать. Выгнала она нас с барбосёнком на улицу и запретила мне домой с ним появляться. Ну, я тогда маму слушалась очень. Не то, что сейчас... Так вот, Вар, то есть Садовый Говард, ой, то есть, эх, ладно... Я отнесла щенка обратно в те кусты, в которых и нашла, оставила и домой направилась, а он за мной побежал. И никак не хотел отставать – я его прогоняла, кричала на него, топала ногой, в ладоши била, даже ему пару раз по боку хлопнула – правда, не сильно, так, для порядка – ну а бродяжка и не думал от меня отставать. Домой мне с ним возвращаться нельзя было, вот я и принялась шаг ускорять вплоть до бега. Щеночек бежал за мной что было сил, и мне пришлось изрядно попотеть, чтобы отстать от него. Я забежала в район, в котором никогда не была. Серые, незнакомые дома, полуразрушенные, брошенные, мне они показались скелетами. Да, очень страшно мне стало, ведь я заблудилась и не знала куда идти. Чтоб оторваться от щеночка, я специально петляла, сворачивала то в один поворот, то в другой. Досворачивалась... Взрослые девочки не плачут, как наставляла меня покойная бабушка, но ведь тогда я не была такой взрослой, как сейчас. Я вообще была тогда маленькой, едва в школу пошла. Поэтому не вижу ничего такого в том, что разревелась от страха и беспомощности.

– Ого... – Говард успел за время монолога гостии выкурить ещё одну контрабандную сигарету из провинции Цзянсу, что на востоке Китая. – И чем всё закончилось?

– Как чем? На мой плач сбежались люди, а именно две пожилые женщины. Они успокоили меня и отвели домой. Мама напоила их зелёным чаем с мёдом и сухофруктами, а меня уложила в кровать, поскольку я еле на ногах стояла – это и понятно, от щенка так долго убегать, а потом ещё и испугаться... Знаешь, страх намного больше сил забирает, чем бег.

– Знаю... А что с щенком случилось?

– С барбосинкой? Не видела его ни разу после этого. Как-то не до него было. Я, кстати, с тех пор не люблю животных. Ну, не в том смысле, что я им крысиный яд в еду подсыпаю, нет, Будда или Спагетти Маус упаси! Не так я выразилась. Не «не люблю», а просто равнодушна к ним и всё тут. Когда дворовые подружки канарейками или котами хвастались, я тихонечко над ними хихикала. Глупость-то какая, да?

– Уже поздно, – после некоторых раздумий сказал Говард. – Я провожу тебя, если хочешь.

Вэньг Ли поглубже зарылась в одеяло. Она выглядывала из-под него, но долгое время ничего не говорила. Говард успел одеться и начал подумывать о третьей сигарете, даже потянулся к пачке, когда гостя заговорила:

– Но я не хочу никуда уходить, старший лейтенант Закиров. Я хочу остаться с вами на всю ночь...

– Эммм... – Говард почесал затылок. – Вэньг, уверен, твоя мама будет против этого. Ну, знаешь ли, не ночевать дома – это нехорошо. Любые родители переживают, если их дети задерживаются. А если уж на ночь не приходят – так ведь столько переживаний, что врагу не пожелать. Ты разве хочешь этого?

– Не волнуйся за моих родителей, Вар, – Ли вылезла из своего «одеяльного кокона» и села на край кровати.

Боже, она ведь прекрасна! Лунный свет заливал нежным серебром очертания утончённой фигуры, упругих грудей, раздвинутых стройных ножек и влагища, похожего на изящный восточный цветок. Внизу плоского животика темнело родимое пятно, похожее на бабочку, расправившую в полёте крылья. Это пятно, оно сводило Говарда с ума. Превращало мозг во вмещалище страсти и звериного желания. Он вновь захотел её. Сейчас. Здесь! Этот прелестный восточный цветок должен принадлежать только ему. Только ему и никому больше!

– Папа сейчас по работе в Баштанском, до следующих выходных его точно не будет в городе Н, – продолжала тем временем красotka Ли. – А с мамой я давно договорилась. Она знает, что я в гостях у обаятельного кавалера и поэтому не очень-то и ждёт меня домой...

Это сработало как хорошая пощёчина. Говард перестал пялиться на родимое пятно собеседницы; трезвость мышления более-менее вернулась к нему:

– Подожди, как она может знать, если мы с тобой случайно на улице встретились?

– Оп-па... – Вэньг вжала голову в плечи, как провинившийся щеночек. – Ну, Говард, то есть Вар, лейтенант Закиров, не совсем мы с вами случайно встретились. То есть, ты и случайно... Но я нет. Я узнала у Светки, когда ты возвращаешься со смены, и какой дорогой. А там уже само как-то получилось...

– Да-а-а... А ты, как я погляжу, умеешь добиваться своего... И так мастерски... Восточная хитрость или женская коварность?

– О чём вы, Говард?

– Хватит со мной то на «ты», то на «вы» разговаривать, – не выдержал Закиров. – Определись, что ли. И вообще, не люблю я, когда меня за нос водят. Как-то само получилось, говоришь? Подло это и жестоко, вот что. И... и...

Говард не нашёл больше слов, посему достал сигарету из бордовой пачки «Суйен», закурил. На этот раз он не очень-то и старался выдыхать дым в оконную щель.

Обернувшись одеялом, как баннным халатом, Вэньг Ли подошла к нему и некоторое время стояла в нерешительности, потом всё-таки положила руку на его плечо. Говард стряхнул руку. Он был зол. И Ли знала почему.

– Вар, ну прости меня, Вар, слышишь? – ни с того ни с сего, ровный мелодичный голосочек Ли дрогнул. И что это? На щеках красотки Вэньг заблестели капли лунного света! Она плакала... – Вар, я не хотела тебя никак обидеть. Я не хотела причинять тебе боль. Но ты сам поднял эту тему, а я не могу врать... нет, я врала другим, когда это было необходимо, Вар, но тебе, тебе... я не могу врать тебе, разве ты не понимаешь этого? Разве ты думаешь, что я способна обмануть тебя? Или, может, ты считаешь, что я бессердечная стерва? Предательница подруги, всеми правдами и неправдами отбившая у неё парня? Вар... да, я стерва... Я стерва для всех остальных, Вар, для всех-всех-всех, даже для самых близких подруг, даже для родных, даже для мамы... Но для тебя, Вар, для тебя я покорная рабыня, безропотная служанка, я ведь люблю тебя, Вар, я ведь только что отдала тебе свою девственность, разве ты не почувствовал этого, разве ты не понимаешь? Я... я...

Вэньг ещё что-то говорила, но её слов невозможно было различить из-за всхлипываний и рыданий.

«Круто ты попал, парень...» – подумалось Говарду.

– Так, Вэньг, первым делом – перестань плакать, слышишь! Перестань! – Говард обнял Ли. Она вся дрожала, словно была больна тропической лихорадкой, которую так любят «дарить» людям мелкие кровососущие насекомые. Но это была не лихорадка...

Закиров гладил Вэньг по волосам. Нежным, приятным на ощупь, словно сотканным из китайского шёлка, волосам. Он прекрасно понимал, что, возможно, это очередная женская хитрость. Ведь, по сути, обиженным был он, его провели вокруг пальца, а в итоге – он ещё и утешает её. Ту, которая заварила всю эту кашу. Вэньг Ли. Но ничего с собой Говард поделать не мог. Перед ним стояла расстроенная девушка. В слезах и отчаянии. И кто такой старший лейтенант Говард Закиров, чтобы позорить честь милицейского мундира, не придя огорчённой красотке на помощь?

– Пообещай мне, Говард, – прошептала ему на ухо девушка, – пообещай мне, что сегодня я останусь у тебя на ночь. Пообещай, что сегодня и навсегда останусь в твоём сердце. Пообещай мне хоть что-нибудь...

Говард ничего не ответил; но Ли ничего и не надеялась услышать. Она чувствовала, что их отношения изначально обречены на несчастливый конец. И не последняя роль в этой трагической пьесе отведена Соловьёвой. Света так долго строила планы на Говарда, так терпеливо ждала, пока он перестанет относиться к ней, как к ребёнку и разглядит наконец-то в ней женщину... Нет, Светка так просто не сдастся!

Но, чёрт бы всё подрал, спагетти монстр испекли, этот миг, настоящее, сейчас, здесь, Ли и Закиров вместе, они рядом. И они... они вдвоём... они ведь счастливы! И это слёзы счастья сейчас льются из её глаз. Эти нежные прикосновения, поглаживания... Они обжигают, пьянят, возбуждают...

– Раздевайся, малыш, я хочу погреться с тобой под одним одеялом, – прошептала Ли. Бороздки слёз уже принялись высыхать на её кругленьких щёчках.

Ну разве Говард мог отказаться?

Из жизни доблестной милиции 9

День выдался пасмурным.

Мерзкий дождик вкупе с туманом действовали удручающе. Благо тучи были не зелёного цвета. Можно не предохраняться.

– Здравствуйте, Лидия Ивановна, – поздоровался старший лейтенант Говард Закиров, направляясь к патрульному флаеру, что стоял на посадочной площадке у главного здания ОБООП города Н.

Старший сержант Корицына прошла мимо, даже не удостоив Закирова взглядом. Её немолодое лицо было сосредоточено и серьёзно. Говард не удивился. Во-первых, она по жизни не принадлежала к касте людей «из вежливого десятка». Во-вторых, она завидовала Закирову. Как же тут не завидовать: вечная баранщица и молокосос, перепрыгнувший её в звании! Женщины, они такие, завистливые очень. И злопамятные. Порой сам факт твоего существования их раздражает...

Да если бы только одна Лидия Ивановна! Говард спиной чувствовал завистливые, недоброжелательные взгляды баранщиков – особенно вечных. Ещё бы, ведь Говард, можно так сказать, воспарил над ними, оторвался от их стаи, примкнув к более уважаемой и сильной. Стае гладиаторов – идущих на смерть. Казалось бы, чему тут завидовать? Процент смертности при выполнении служебных обязанностей гладиатора в пять раз выше, чем таковой у баранщика. Так ведь нет, всё равно завидуют! Неймётся людям, и всё тут.

Конечно, если быть объективным и не смотреть на сложившуюся ситуацию глазами Говарда – не всё так плохо. Открыто завидовали ему лишь несколько вечных баранщиков, в своё время мечтавших пополнить ряды гладиаторов, но в меру тех или иных обстоятельств не сумевших этого сделать. Остальным в отделе, по большому счёту, было наплевать на молодого выскочку, в одночасье прыгнувшего из сержанта в старшие лейтенанты. Циничное безразличие – характерное состояние сотрудников правоохранительных органов. Но, как известно, кто громче всего кричит – того больше всего слышно. Из-за нескольких завистников у Закирова складывалось впечатление, что чуть ли не все баранщики (и, быть может, некоторые гладиаторы тоже) в ОБООП города Н так или иначе желают ему зла.

Возле флаера уже стоял Чан Вэй Кун и вёл оживлённую беседу с Джорджем Радманом. Оба гладиатора делились своими впечатлениями по поводу недавней облавы:

– А я ему и говорю, мол, она твои мысли ещё не умеет читать, она не понимает, какая зараза поразила её мозг, – с некой долей иронии рассказывал Малыш.

– А он что? – спросил Радман, кивнув на подоспевшего Говарда.

– А он и пошёл напролом! Что от молодёжи ещё ожидать? – ухмыльнулся Чан.

– И как, парень? – этот вопрос предназначался Говарду.

– Как, как, она мне мозги чуть не расплавила, дура малолетняя, – прорычал Закиров. – Если моё мнение вам интересно, Джордж, то мой старший напарник попросту использовал меня как подсадную утку.

– Ну ты и злаяпамятный, дружок, аз страшно с табоя рядом нахадиться.

– А чего ты хотел, сынок? – заступился за Чана Радман. – Это такая у нас, гладиаторов, работа. Риск непредусмотренных ситуаций огромен. Нам постоянно приходится балансировать на канате жизни. Неверный шаг, либо кто-то встряхнул твой канат – и вот ты уже летишь в пропасть забвения...

– Эээ, мистер Радман, вы так красиво говорите, может вам в поэты надо было пойти? – с некоторой долей иронии спросил Говард.

– Да нет, это не мои слова, – отмахнулся Джордж. – Ну, не в том смысле. Я ведь их сейчас сказал. Но это... книгу недавно взял в библиотеке почитать. Называется «Глен времени». Автора точно не помню: то ли Лекс Рыжаков, то ли Алекс Рыжков... Я теперь отделаться от неё не могу – нет-нет, а проскользнёт в разговоре та или иная фраза из текста. Вот и слушаю после этого очкариков, которые хвалят чтение. Читать вредно – вот что я думаю!

– Да, я полностью с вами согласен, – поддакнул Говард. – Но всё же как-то неправильно получилось. Меня Малыш использовал как громоотвод, что ли...

Чан Вэй Кун ухмыльнулся, но комментировать не стал. Предоставил эту возможность Радману. А тот и рад стараться:

– Понимаешь, серж... лейтенант, – он дружески похлопал Говарда по плечу. – Как бы цинично это сейчас не прозвучало, но так оно и было. Видимо ты ещё не до конца осознаёшь главной цели гладиатора. Не осознаёшь ведь?

Говард промямлил что-то невнятное в ответ.

– Я так и думал, – даже не вслушиваясь в слова собеседника, продолжал Радман. – Главная цель гладиатора – поимка преступника любой ценой! И в вашей ситуации Чан отработал правильно, решив действовать по старой доброй схеме «двойное дно». Ты был первым дном, на которое, собственно, и купилась та телепатша второй степени. Второе дно по имени Чан, тем временем, совершило поимку. И вот что я тебе скажу, сынок...

БАБААААХ!!!

Звон битого стекла, осыпающейся штукатурки и разваливающихся стен. Крики раненных. В воображении Говарда возникло сосредоточенное лицо Лидии Корицыной.

Старший сержант Лидия Ивановна Корицына уже некоторое время не принадлежала самой себе. Её сознание, её глаза, её язык, её тело – стали сосудами, наполняемыми волей телепата третьей степени Афанасия Михайловича Махно. Иногда эта воля заполняла всё до краёв, до чудовищной боли в мозгу, в каждом позвонке, каждом суставе. В такие моменты хотелось порвать эту ужасную нить психокинетического кукловодства, оборвав нить собственной жизни. Но даже мысли об этом причиняли ещё большие страдания.

Довлеющая хватка психокинетических волн время от времени ослабевала, превращаясь в шёпот, раздающийся на задворках сознания. К шёпоту можно привыкнуть, особенно если не противиться ему. Хотя стоило Лидии попытаться послушаться – когти постороннего сознания вмиг вонзались в мозг. Глубже, сильнее, жёстче, больнее...

Корицына несколько раз пыталась застрелиться, когда шёпота почти не было слышно. Но всякий раз, как она подносила к виску серебристое дуло старомодного револьвера системы «Смит-энд-Вессон» – палец цепенел на курке. Отчасти от того, что не хватало духу дожать. Отчасти от того, что ОН – ублюдок, поселившийся в голове – не позволял этого сделать.

Сегодняшнее пасмурное утро Лидия Ивановна встретила с ужасной головной болью. Шёпот назойливо повторял всё одну и ту же мысль. Корицына слышала её и раньше. Но тогда это не выходило за рамки мысли, а сейчас всё становилось гораздо отчётливей и страшней. Мысль обретала оттенок реальности, руководства к действию, пропитанного трупным ядом и желчью. До дрожи в коленках настоящего, до металлического привкуса во рту безвозвратного. Старшему Сержанту Корицыной была омерзительна эта мысль, выворачивающая наизнанку всё нутро, все то, что было дорого и свято. Но... с другой стороны... мысль обещала спасение от самой себя. От этого долбанного Дяди Афанаса, раковой занозой засевшего внутри черепа.

Корицына знала, что при всём желании, она бы не смогла противиться роящейся в голове чужеродной мысли. Чужеродной? А так ли эта мысль чужеродна Лидии Ивановне? Захороненная под навалами благоразумия и общественных норм, эта мысль дремала на дне подсознания. Дремала, пока её не разбудили. Или всё-таки нет?

Мысли.

Чужие или свои.

Не разобрать.

Всё сплелось, всё перемешалось.

В правом кармане форменных брюк лежит раскладной нож...

До бронированной двери оружейной комнаты главного здания ОБООП города Н Лидия Ивановна добралась беспрепятственно. Да и какие могут быть препятствия человеку, которого в отделе все знают, которому доверяют, а некоторые даже уважают и время от времени обращаются за советом?

Никто даже и представить себе не мог, чем это всё обернётся.

Никто, кроме Дяди Афанаса и его цепного пса Серёги...

Рядом с дверью, в стене сиротливо зияло зарешёченное с проёмом для выдачи амуниции оконце, в которое на Лидию Ивановну смотрели уставшие от рутины глаза дежурной. Сегодня эта роковая роль выпала сержанту Анне Альбертовне Серьгиной.

Анна Альбертовна прожила на белом свете сорок два года, двадцать четыре из которых она посвятила работе в силовых структурах. Сложно представить себе более неудачную карьеру, чем у Серьгиной. За всё время она кочевала из отдела в отдел, из подразделения в подразделение, из структуры в структуру. Анна Альбертовна не отличалась особой сообразительностью и талантом. Собственно, она ничем никогда не отличалась. Толку от неё особого не было, но и вреда тоже. Как только на горизонте появлялся перспективный кандидат в сотрудники, Анну Альбертовну переводили в другой отдел, чтобы освободить ему штатное место. Так она и болталась из коллектива в коллектив, как какое-нибудь не очень

почётное переходящее знамя. При этом сил и желания что-либо изменить, начать восхождение по карьерной лестнице у Серьгиной не было. Она предпочитала «плыть по течению». А дальше будь что будет. Так она и приплыла в отдел по борьбе с особо опасными преступниками, где выше сержантского звания и должности оружейного смотрителя ей ничего не светит, проработай она хоть сотню лет!

– Привет, Аня, можно зайти к тебе? – бархатистым голосом спросила Корицына, словно смазывала слова шёлковым платком, вымоченным в благовонных эфирных маслах.

– Привет, Лида, ты хочешь получить оружие? Надо заполнить заявку, бланк, получить визу Сергей Сергеевич...

– Да нет, Аня, я просто хотела с тобой поболтать, – мягче, чем сама мягкость, сообщила Корицына.

– Мы и здесь очень неплохо болтаем, – оживилась Серьгина. – Представляешь, я слышала, что Виктор Павлович, ну, ты ж его знаешь, капитан который, Гришин. Так вот, он собирается жену свою бросить. Да, да, Лида, и не просто бросить, – она осмотрелась по сторонам, хотя и так понятно, что в оружейной больше никого не было, и почему-то перешла на полусёпот: – Он к мужчине уходит. Голубком оказался наш Гришин. А кто бы мог подумать, такой ведь мужчина: статный, гордая походка, усы. Эх...

Корицына терпеливо всё выслушала, после чего тревожным голосом сказала:

– Нет, Ань, ну не поняла ты меня. Разговор есть. Очень серьёзный. Наедине. Пожалуйста, это очень важно. И это нужно прямо сейчас.

– Тогда я к тебе выйду, погоди немного, – засуетилась Серьгина, копаясь в бумагах на столе.

– Аня, этот разговор не для посторонних ушей, – стояла на своём Корицына, от бархата в голосе не осталось и следа. – Не для коридора, понятно? Впусти меня.

– Но Лида, по инструкции ведь не положено.

– А мы никому не скажем, подруга, – Корицына заговорщически подмигнула.

– Эх, куда я от тебя денусь, – сдалась Серьгина, хотя подругами с Корицыной они никогда не были. Так, хорошие знакомые. – Если тебе действительно нужно серьёзно поговорить, то почему бы и нет? Не думаю, что здесь что-то криминальное есть. Это ведь недолго?

– Недолго, Анечка, совсем недолго, – коварный бархат вновь вернулся.

Анна Альбертовна впустила Корицыну внутрь, тут же захлопнув за гостьей бронированную дверь – ибо по инструкции дверь должна быть заперта.

– Пожалуйста, закрой окошко, – попросила Лидия Ивановна, кивнув на узкое зарешёченное оконце в стене.

Серьгина послушно выполнила просьбу и подошла к неожиданной гостье. Сердце Анны почему-то сильно стучало. Какое-то странное чувство она испытывала: смесь страха, любознательности и возбуждения. Её добрые карие глаза вопросительно заглядывали в глаза Корицыной.

– Я даже не знаю с чего начать, Аня, – вдруг лицо Лидии Ивановны превратилось в маску сплошной боли, словно в голове у женщины что-то лопнуло.

– Что с тобой, Лида, тебе плохо? – заволновалась Серьгина.

– Да нет, всё нормально, – выдавила из себя Корицына, из её глаз брызнули слёзы. – Аня, я ведь живу одна. И ты живёшь одна. У нас нет мужчин. Ты не задумывалась почему?

– Н-нет, – Серьгина очень удивилась такому вопросу.

– Стой, не шевелись, – прошептала Корицына, приближаясь к собеседнице. Вот руки Лидии обвинили обалдевшую Анну, словно коварные змеи добычу, вот губы приблизились к губам. Вот влажный язык Корицыной пробивает себе путь в рот Серьгиной. Последняя сопротивляется, но очень слабо, очень вяло, ведь в глубине души ей нравится всё происходящее. Какой-то миг, и оборона пала, осаждённая крепость взята. Две женщины

сплетаются в страстном поцелуе. Их груди тесно прижимаются друг к другу, руки робко скользят, горячее дыхание, привкус губной помады на языке, готовые вырваться наружу сердца, в унисон бьющиеся в бешеном ритме запретной страсти... В шею вонзается лезвие раскладного ножа. Из сонной артерии хлещет кровь. Серьгина пытается вырваться, но Корицына крепко держит её. И продолжает целовать. Анна Альбертовна чувствует, как умирает. Тепло покидает её тело из прорехи в шее. Женщина не в силах вырваться из объятий убийцы, но она из последних сил пытается отомстить – кусает губы, язык, щёки Корицыной. Та рыдает. Не от физической боли. И продолжает держать.

Продолжает поцелуй смерти.

И вот бездыханная Анна Серьгина повисает на руках убийцы. Корицына, как может аккуратно, кладёт тело на пол. Рядом с окровавленным раскладным ножом. Лицо Корицыной изуродовано, кончик языка и нижняя губа остались во рту Серьгиной.

– Будь ты проклят, Дядя Афанас, будь ты проклят! – что есть силы вопит Лидия Ивановна. На крик начинают сбегаться сотрудники, но бронированная дверь плотно заперта, металлическая перегородка не даёт возможности заглянуть в крохотное стенное оконце.

Корицына проклинает ту тварь, которая управляет ей. Корицына проклинает себя. Она хочет смерти. И скоро она её получит. Дрожащие руки сами по себе открыли ящик с гранатами. Вот одна чека выдернута. Вот вторая. Вот третья...

ВЗРЫВ!

ОСВОБОЖДЕНИЕ...

Глава 10

Зиновий Сергеевич представлял себе всё не так. Далеко не так...

Их СССР сел на крыше Ялтинского пенсионного пансионата. На площадке уже дожидались проводники – чупакабры в малиновых форменных костюмах «ФБР». К их ремням почему-то были пристёгнуты электродубинки. Для защиты спокойствия отдыхающих, что ли?

Высыпавшие из флаера старики лучились счастьем и предвкушением заслуженного отдыха.

Ну наконец-то!

Чупакабры были весьма вежливы и обходительны, насколько это вообще возможно в понимании чупакабр. По их чутким просьбам пенсионеры выстроились в дружную колонну по двое и направились к арке с серебристыми воротами, которые сами разъезжались, когда сенсор улавливал движение. Внутри коридор. Длинный, покатый, с уклоном вправо, наподобие гигантской винтовой лестницы. Стены коридора покрыты... фольгой, что ли, как показалось Зиновию Сергеевичу. Либо материалом похожим, безусловно, если это таки покрытие, а не цельная конструкция. Стены отражали свет люминесцентных рожков дневного света – и не было места во всём коридоре, в котором бы притаилась тень. Но при этом свет не вызывал рези в глазах, не слепил. С шагом примерно в десять метров в стены были вмонтированы широкие LCD экраны, которые безуданно показывали красочные крымские пейзажи и счастливые лица пенсионеров. Играла тихая, умиротворяющая музыка.

«Это то, о чём я так сильно мечтал все эти годы» – вероятно, сия мысль пронеслась в голове каждого счастливца, шагавшего к заслуженному отдыху.

Коридор раздвоился. Часть пенсионеров вежливые чупакабры повели в левый рукав, часть – в правый. Мистер Барокко то и дело тёрся плечом о плечо Зиновия Сергеевича, хотя места в коридоре было предостаточно. Градов хотел сделать тому замечание, но как-то не до того было. Слишком уж настроение хорошее не хотелось портить.

Группу пенсионеров, в которую попал Зиновий Сергеевич, привели в громадный зал. Вряд ли у кого-то из группы не отвисла челюсть в тот миг. Зал наполнился кожаными креслами

и диванами со вставками из красного дерева. Прямо по центру громоздилась величественная скульптура золотого трёхголового льва, в спине которого помещался земляной горшок, в котором росло гранатовое дерево. Плоды граната только начали созревать. Проводник чупакабра с охотой подтвердил, что золото настоящее. Ещё он с некоторым налётом гордости и надменности указал на нечто, похожее на фигурные канделябры, торчащие из серебристых стен. Да, «канделябры» тоже золотые, а вместо свечей из них росли разноцветные тюльпаны. К каждому креслу и даже дивану прилежали выдвижные держатели с планшетными компьютерами. Как незамедлительно выяснилось, каждая планшетка имела скоростной доступ к Интернету (и к настоящему, а не той урезанной версии, которая отображает странички только своего региона, да и то не все!). Вместо целой стены сияла великолепием современной мысли гигантская плазменная панель, которая безустанно показывала живую картинку сказочного сада с тропинкой посреди экзотических трав, роз, гиацинтов, гибискусов, флоксов и японских акаций. Завершали композицию роскоши и богатства четыре фонтана, каждый в своём углу зала – уникальные нагромождения причудливых миниатюрных мельниц, траншей, труб, сосудов, драгоценных и полудрагоценных камней, вытесанных в фигурки животных, людей, чупакабр и даже дагонцев. Вода успокаивающе журчала. В тишину, разбавленную плеском, время от времени вплетался мелодичный щебет птиц. И хоть настоящих птиц в зале не наблюдалось – лишь поделки из полудрагоценных камней и живые картинки на стеноэкране – Градов то и дело ловил себя на мысли, что он находится где-нибудь на задворках Рая, а не в странном зале, в которой так причудливо сплелись древняя роскошь и современные технологии...

Чупакабры любезно попросили стариков чувствовать себя как дома и дожидаться своей очереди. Самый высокий и худой полукровка достал из кармана электронную книгу, какое-то время всматривался в экран, орудуя колёсиком для прокрутки.

– Андрей Андреевич Зинатулин! – наконец-то прочитал он.

На имя отозвался тучный старик с редкой бородкой и чалмой на голове.

Чупакабра указал тому на проём, непонятно откуда появившийся в стеноэкране, как раз в месте, где начиналась тропинка. Без лишних разговоров, Зинатулин скрылся в проёме, который, к тому же, моментально захлопнулся за ним.

«Вот счастливый старый осёл, – подумалось Зиновию Сергеевичу, – у этих чупакабр всё как не у людей. Список даже составить нормально не могут – по имени упорядочивают. Кто ж так делает? Скорей бы и меня...»

Но недовольство – недовольством, а ожидание не так уж и мучительно, когда ты сидишь в чертовски удобном кожаном кресле, у тебя полный доступ к Интернету, тебя не сверлит мысль о том, что нужно идти на работу, мягкий самогон Семёна Перебейноса ещё не выветрился из головы, и к тому же вместо лая дворового бабья, криков оборзевшего начальства и пилежа мегеры жены – ты слушаешь плеск воды и щебет птиц!..

Обстановка расслабляла.

Мягкие кресла охотно принимали форму сидящего. До того удобно, что некоторые старики даже задремали. Но Зиновий Сергеевич не оказался в их числе. Да и как тут оказаться, когда в поисковике планшетки нет и малейшего ограничителя?

Очень велик соблазн ввести что-нибудь вроде «горячие аргентинские девочки» или «бразильский strapon в подземелье с драконами»... Конечно же, привыкший во многом себе отказывать Градов пошёл на поводу у привычки. Не так-то и просто свыкнуться со свободой, когда тебя столько лет держали в узкой клетке ограничений. Но что-то подсказывало Зиновию, что здесь, в Ялтинском пенсионном пансионате, оковы серости рабочих будней окончательно спадут со старческих рук. И вместо того, чтобы биться лбом о стены запретов, Градов в полной мере насладится жизнью. И плевать на Лизу! Плевать на тлеющие угли прошлого. Они пекут, как бы ни пытался отрицать это Зиновий. Они очень сильно пекут, жгут чудовищные дыры в и без того изувеченной душе. Ведь несмотря на всё... Зиновий

прожил с этой женщиной большую часть жизни. И узнать под конец столько грязи... Это адская боль. Словно раскалённые щипцы вонзились в сердце. И оторвали часть, вместо которой какой-то злой шутник подложил всё те же тлеющие угли прошлого, будь они прокляты. Они так чертовски пекут, так невыносимо снедают...

– Эй, друг, такого ты точно не видел!

– А? – всплыл на поверхность озера раздумий Зиновий Сергеевич.

– Набери в поиске «мишка кунг-фу», – всё не унимался Мистер Барокко.

– Чего? – опешил Градов.

– Да вот же, – Мистер Барокко принялся тыкать пальцем в планшетку, которая бесцельно маячила перед лицом впавшего в раздумья Градова.

Поиск выдал вереницу однотипных результатов. По верхней ссылке Мистер Барокко перешёл на Рутьюб, на котором после блока навязчивой рекламы байгана для мусульман «Малиновый Джихад» появился развлекающийся с поленом гималайский медведь (лунный медведь, чёрный уссурийский, если угодно) – их легко отличить по белым грудным пятнам в виде полумесяца на воронёной шерсти. Песня мёртвого заморского певца про кунг-фу и довольно однотипные движения зверя. Хотя полено крутилось достаточно быстро и умело. До мастеров кунг-фу далековато, конечно же, но для медведя очень даже неплохо. Вот правда гималайские медведи второй десяток лет как вымерли... Зиновий вспомнил об этом под конец ролика. И на душе сделалось ещё тоскливей и паршивей.

– Мудак ты, – только и выдавил из себя Градов.

– Я? Как же, уважаемый, за что, позвольте вас спросить, за что? Что я сделал, что?

Зиновий бросил презрительный взгляд на растерявшегося Мистера Барокко.

– За то...

– Виктор Эммануилович Дроздов! – разразился высокий худой чупакабра с подобием тараканьих усов под расплюснутым носом; с электронной книгой в длинных узловатых пальцах. – Ваша очередь.

В глазах Мистера Барокко блеснул гремучий коктейль из надменности, превосходства, успеха, сожаления, ликования, страха, радости, печали и вседозволенности.

– Моё время пришло, – с бравадой сообщил он. – Надеюсь, до следующей нашей встречи, Зиновий Градов, вы осознаете свою ошибку и будете готовы извиниться за столь нелепое, неподобающее поведение, и я...

– Виктор Эммануилович Дроздов! – повторился чупакабра.

– До встречи, – ухмыльнулся Мистер Барокко и надменной походкой с задёрнутым подбородком направился к проёму в стеноэкране.

– И тебе не болеть, – кинул вслед Зиновий Сергеевич. Это был их последний разговор...

«Мишка кунг-фу, мать его так, крутит полешко и сосёт заднюю лапку. Чёрт, до чего же красивое животное. Было... Бедный Элвис...» – такие мысли пронесли в голове Градова, ещё глубже повергая в депрессию.

Зиновий так долго мечтал о пенсии... В последние годы эти мечтания – чуть ли не единственное, что скрашивало безрадостное существование старика. Ожидание чего-то светлого, доброго и прекрасного – вот, что поддерживало огонь в угасающей печке воли к жизни. И сейчас, шагнув на порог мечты, находясь в шаге от распахнутых дверей, ведущих в ЗАСЛУЖЕННЫЙ РАЙ НА ЗЕМЛЕ, лишь дожидаясь приглашения войти, которое уже скоро прозвучит... Зиновий почувствовал себя несчастным, замученным, никому не нужным дряхлым старикашкой.

Жизнь прожита зря. В чём смысл этого дурацкого мельтешения? Итог ведь всегда один. Лиза, тупая сука, ты предала несчастного Зиновия. Ты – олицетворение всех бед и несчастий, выпавших на его голову. И этот долбаный пансионат, эта обретшая очертания мечта... Достигнув её, Зиновий потерял саму цель жизни. К чему теперь стремиться? Чем занимать

мысли? Что теперь будет делать Градов? Доживать свой век в угоду животным желаниям? Зачем это всё надо? Вот и шкала настроения в чёрном секторе! Что и не удивительно.

Но с другой стороны...

Это лишь порывы старческих страхов. Чем старше человек, тем сложнее ему воспринимать что-то новое. Тем труднее ему приспособиться к изменениям. Хотя изменения имеют различный характер. Бывают они в худшую сторону, а бывают и в лучшую. Ялта, пансионат, отдых – не сложно догадаться, в какую сторону эти изменения.

Как известно, к хорошему быстро привыкают.

Нет, в это разве можно поверить? Жёлтый сектор! Или датчик настроения неисправен, или эмоциональный фон Зиновия Сергеевича сложнее и переменчивее траектории шмеля, обожравшегося нектаром sprysнутых дихлофосом лютиков...

– Зиновий Сергеевич Градов! – отчеканил усатенький чупакабра и ухмыльнулся, что койот, лижущий свои мохнатые яйца. – Ваша очередь!

Спину Зиновия обожгло уколами тысячи ледяных иголок. Дух перехватило и, чтобы не задохнуться, старик жадно и глубоко задышал. Встать с кресла с первого раза не получилось – от волнения ноги перестали слушаться. Кое-как совладав с собой, Градов выпрямился и зашаркал к двери в стеноэкране. Всё ближе и ближе к дорожке сказочного жидкокристаллического сада. Ноги были ватными, но это оказалась непростая вата. С каждый шагом она тяжелела. Вскоре начало казаться, что ватные волокна – не что иное, как колючая металлическая стружка. Тело противилось. Неподдающийся логике подсознательный страх вырвался наружу, интуиция или нет, инстинкт самосохранения, либо древняя боязнь неизвестного – невозможно понять.

Зиновий Сергеевич остановился за метр до сулящего все земные радости проёма. Из тёмной прямоугольной бреши в стене веяло прохладой и запахом стерильности, похожим на запах в операционной комнате. Кровь неистово пульсировала в висках старика, сердце молотило, словно птица в перевёрнутой клетке. Градов ощутил необъяснимое желание бежать прочь, но тело не слушалось. Оно застыло, оцепенело, замерло...

– Помогите ему, – скомандовал длинный чупакабра с электронной книжкой, – бедняга от радости совсем растерялся.

Двое полукровок взяли Зиновия под руки и затянули в проём.

Градов опомнился полулежа в кресле, чем-то похожем на акушерское. Но что это? Ремни из прозрачного материала, скорее всего плотного полиэтилена? Волна паники захлестнула старика. Он судорожно попытался вырваться, от чего ремни невыносимо врезались в тело. Запястья, лодыжки, предплечья, торс, шея, лоб, ляжки – эти проклятые ремни были повсюду! Они приковали Зиновия Сергеевича к креслу, словно лягушку к столу малолетнего садиста с отцовским скальпелем в руках...

– АА!!! – крик отчаяния вырвался из старческих лёгких, но тут же был оборван новой полиэтиленовой лентой, впившейся в рот и щёки.

– Они все одинаковы, – прозвучал томный женский голос.

Зиновий забегал глазами, но голова была намертво прижата ремнями к кожаному подголовнику и ничего, кроме белого пластикового потолка и люминесцентных блинов ламп, разглядеть не удавалось. Искусственный свет слепил. Даже через закрытые веки он проникал кровавым бликом на сетчатку. Раздражая. Изводя. Мучая...

Постепенно свет начал сбавлять яркость. И вскоре он уже не слепил. Глаза можно было открыть, что Градов и сделал, но по-прежнему, кроме потолка и ламп, ничего разглядеть не удавалось.

– Обычно я не делаю этого... – задумчиво произнёс голос. – Но ты ведь у нас особенный, правда, Зиновий? Обычно я не трачу много времени на сырьё... Хотя ты чем-то

меня задел. Да и вообще, я немного устала от чупакабр и дагонцев. С ними особо не поговоришь. Признаться, человеческого общения мне не хватает... Ах, точно, проказник Градов, невежливо разговаривать с человеком, не смотря на него, ай-я-яй!

Спинка кресла медленно принялась подниматься. Картина потолка сменилась стеной со стеллажами, на которых лежали различные приспособления из металла, стекла, пластика и резины. Неудивительно, что от их вида Зиновия бросило в ледяной пот. Колбы, пробирки, мензурки, скальпели, шприцы, пипетки, клизмы, иглодержатели, пинцеты, зажимы, ранорасширители, препаровочные ножницы, электрорезаки для суставов... названия двух третьих остальных чудовищных приборов Зиновий Сергеевич не знал. Да что там название, он и представлять не представлял об их существовании. Об их предназначении можно было лишь с ужасом догадываться...

Но где же обладательница голоса?

– Ох, дружок ты мой, такая развитая интуиция многообещающая! – раздался где-то за спиной сахарный голосок. – И если бы от тебя не разлило дешёвым самогоном, так вообще отлично было... бы... Скажи-ка мне лучше, ты когда байганом закидывался, не было ощущения, что в голове раздаются посторонние голоса? Окружающие предметы не передвигались «сами по себе»?

Зиновий Сергеевич промычал что-то через сжимающие ему рот ремни.

– Ой, бедненький, ты ведь ничего не можешь мне сказать, – с дешёвой театральной досадой пожалел голосок. – Давай так сделаем, я тебе капелюсечку ремни приспущу, и тогда ты сможешь немного головой шевелить. Влево наклонишь – значит «нет» говоришь. Вправо – значит «да». Всё просто, всё легко и замечательно!

Зиновий ощутил щекой прикосновение тонких холодных пальцев. Они пахли сладкими женскими духами, сигаретами и... трупной гнилью...

– Не криви мне тут мордой своей! – рассвирепел голос. – Знал бы ты, что мне в руки приходится брать, то не кривился бы!

– Ну ладно, – смягчился голос, – можешь на меня посмотреть.

На фоне зловещих стеллажей появилась женщина в белом халате с бурыми, жёлтыми и красными пятнами на рукавах и переднике. Женщина была молода, стройна, с большой грудью и длинными чёрными волосами, сплетёнными в две широкие толстые косы. И всё бы ничего, вот только лицо... на нём ещё сохранились остатки былой красоты... вместе с уродливым шрамом от ожога на пол правой щеки... шрам уродовал край губ и, подобно чудовищному слизи, стекал по скулам на шею, теряясь за бортами белого халата.

Зиновию стало жаль эту женщину, несмотря даже на то, что она приковала его к акушерскому креслу и, скорее всего, сейчас пустит в ход все эти ужасные приспособления...

– Чего пялишься, уродец! Хватит пялиться, мразь! – завизжала женщина.

Градов отвёл взгляд.

– Вот так лучше, Зиновий, так намного лучше. Ответь, ты раньше замечал за собой склонность к психокинетизму?

Градов едва повернул голову влево, скользнув взглядом по уродливому шраму женщины.

– Так, интересненько, очень интересненько... – бурчала под нос женщина, рыща возле зловещих стеллажей. Вот она отыскала, что искала – пластиковый чемоданчик. Какое-то мгновение, и этот чемоданчик водружён на металлический столик возле операционного кресла. – Дай догадаюсь, ты всю жизнь употреблял один и тот же сорт байгана. Ты консерватор, верно?

Градов чуть наклонил голову вправо.

– Ну вот видишь, не все бабы такие тупые, как ты себе там думал, ведь думал, да? – разговор не помешал женщине открыть пластиковый чемоданчик и приняться извлекать из него небольшие округлые стеклянные ёмкости с короткой толстой иглой на одном конце и

миниатюрной резиновой грушей на другом. В *пробосборниках* плескалась прозрачная жидкость.

Зиновий не стал шевелить головой.

– Ну да, ну да, экие мы молчуны, – ухмыльнулась женщина и потрепала старческую щёку, чуть выше кляпа.

«Вот ты какое, прикосновение смерти...» – разве у Градова могла проскользнуть другая мысль?

– Ладно, проехали, ты вот что мне лучше скажи, – продолжила допрос женщина, деловито переминая в руках пробосборник, – твой выбор – «Пряная ночь», верно?

Зиновий немного наклонил голову вправо. Что-то внутри протестовало, требовало не идти на поводу у этой ужасной женщины, перестать с ней РАЗГОВАРИВАТЬ. Но с другой стороны – иного выхода всё равно нет. Тугие ремни не порвать. И мало чего в голову может взбредти этой шрамированной суке, вздумай Зиновий противиться...

– Какие вы все предсказуемые жлобы, – фыркнула женщина, выдавливая через грушу воздух из пробосборника до тех пор, пока из иглы не брызнула жидкость. Не церемонясь, доведённым до совершенства движением руки черноволосая шрамообладательница вонзила иглу в шею Градова. Отпустила сжатую грушу, и в ёмкость брызнула струйка крови, тут же перемешиваясь с прозрачной жидкостью. Столь же изящным движением, женщина вырвала пробосборник из шеи подопытного. Следом за иглой последовала кровь, стекая по шее тонкой бороздкой.

Зиновий задёргал головой лишь после того, как игла была извлечена. Ведь он прекрасно понимал, что, вздумай он сделать это раньше, нанёс бы себе лишь больший вред. Если бы в рот не врезался ремень, то зловещая комната со стеллажами, полными орудиями пыток, сотряслась обречённым воплем.

Да, укол оказался крайне болезненным...

– Ну ты и слабак, – не скрывая досады заключила женщина, взглядываясь в пробосборник, жидкость внутри которого, смешавшись с кровью, приобрела бледный розовый цвет. – Признаюсь, я ожидала от тебя большего...

«Чтоб ты сдохла!» – подумалось Зиновию Сергеевичу.

В тонких бледных пальцах мелькнул скальпель. Не успел Градов толком попрощаться с жизнью, как в его одежде были сделаны надрезы. В совершенно разных местах и, как казалось, никак друг с другом не связанными. Надрез штанов в области копчика, левой голени и правого колена. Пиджака – левого локтя, сердца, низа живота и... позвоночника. Оказалось, в операционном кресле присутствовал проём для доступа к спине. Как удобно, мать их так...

– Расслабься и получай удовольствие, – ухмыльнулась женщина, – пока ещё можешь его получать...

Скальпель был сменен на препаровочные ножницы. В местах надрезов, женщина вырезала отверстия до голого тела. Сделала она это умело, ни разу не поранив остриём Зиновия. Но благодарен в связи с этим он ей не был.

– У-у-у-у! – донеслось сквозь кляп, когда игла пробосборника ужалила в голень и жадно засосала кровь.

– Да не дёргайся ты, расслабься, больнее ведь будет.

«Я убью тебя, я сдеру с твоей уродливой морды кожу и заставлю её сожрать, я проклинаю воздух, которым ты дышишь, я хочу, чтобы ты задохнулась в целлофановом пакете на лице, я хочу твоей смерти, я ненавижу тебя, я ненавижу чупакабр! Пенсия... Ялта... Какой фарс! Какое монструозное порождение больного рассудка! Ай, будь ты проклята, ай-я-яй!»

Третий пробосборник взял пробу с ягодицы. Четвёртый – из области живота. Было больно. И с каждым разом – всё больнее. Эта черноволосая тварь с уродливым шрамом от

ожога на лице знала своё дело. Она брала пробы, руководствуясь болевым критерием. По нарастающей. Делала это с особым увлечением, но увлечением не маньяка, нет. Больше похоже на искусного мясника, разделывающего тушу – это его работа, не более. Ничего личного, мистер-свинные-ушки-нос-пятак, я лишь хочу срезать с вашего трупа кожу, собрать кровь, извлечь потроха, добыть сало, мясо и порубить ваши косточки топором аккуратно по хрящикам – так быстрее и надёжнее. И ваши кишочки я прочищу, зажав между двумя стальными трубочками, словно выжимая бельё. В них потом можно заливать колбаски. Люблю кровяночку, но, как я и говорил ранее, ничего личного. Это просто закон выживания: маши шашкой первым, если не хочешь, чтобы кто-нибудь более расторопный не пустил тебя в расход.

– Это самая простая часть моей работы, – сообщила женщина, вытирая накопившийся пот со лба. – Небольшой перерывчик перед великими делами. Пока что твои показатели ниже нормы. Плохо. Очень плохо.

Женщина отложила пробосборник, окрасившийся в белёсый цвет, и подошла к стеллажам. Там она достала прямоугольное зеркальце, насыпала на него белый порошок из баночки. Скальпелем собрала порошок в две тоненькие дорожки, вставила в ноздри байгановые дыхательные трубки с пробочками на конце. Открыла левую пробочку и вдохнула первую дорожку. Какое-то время женщина со шрамом стояла неподвижно, лишь изредка постанывая то ли от наслаждения, то ли от боли. Пришла пора закупорить левую трубку и открыть правую. Вдохнуть оставшуюся дорожку. Поймать приход...

– Я люблю чистоганом, первоисточник, так сказать, – призналась женщина, – ну да, эффект совершенно другой. Можно сказать, первобытный, звериный. Это вам не «Вдох императора Ши»... Но всё же, всё же... Чертовски здорово, мать твою так, старикашка дряхлый, ахх, как же хорошо, аххах!

– Ммм, дружок, пора делать контрольный замер, – находясь в экзальтации, проурчала страшная женщина, поглаживая резиновую грушу громадной клизмы с длинным бугристым наконечником.

– Уммм-уммм-уммм! – застонал Зиновий Сергеевич сквозь полиэтиленовый кляп.

Это было больно...

Это было унижительно...

Мучительница подставила под струю из ануса старика алюминиевую ёмкость с широким длинным горлышком-лейкой. Когда «анализ» был собран, шрамированная сука закрыла горлышко пробкой и нацарапала на стенке ёмкости: «3_123_24321_3.С.Градов».

– Ну ты и грязнуля! – заключила она, подставляя алюминиевый сосуд под струю над умывальником, после чего поставила его на стеллаж, рядом к уже набранному. Некоторое время женщина смотрела на Зиновия, после чего задумчиво произнесла: – Хм... А ты ведь везучий сукин сын, ты знаешь это? Кокаин очень возбуждающе на меня действует. Даже сильнее, чем взятие анализов...

Она подошла к Градову и погладила по ширинке. Какое-то мгновение, и брюки вместе с трусами были приспущены.

– Ну и как там наш старенький дружок? – поинтересовалась женщина со шрамом, нежно касаясь пениса и яичек Зиновия Сергеевича. – Старенький ты уже, от всего устал, и напуган немного... – Она лизнула сморщенный пенис. – Да, не так уж и плохо, хоть и запущенно. Но не безнадежно... – бурчала себе под нос шрамированная, роясь в стеллажах, – ах вот ты где, родимый, да, то, что надо.

В оголённых тонких пальцах (женщина не пользовалась медицинскими перчатками) появилась крошечная шприц-ампула. Секунда, другая, и короткая игла уже вонзилась в пах Градова, впрыскивая внутрь мутно-зелёную жидкость.

«Пенсия, пенсия, пенсия, пенсия, пенсия, пенсия...» – крутилось в голове Зиновия лишь одно слово.

Пенис Зиновия Сергеевича начал наливаться кровью. Впервые за последние годы у него илась эрекция! Чем с радостью воспользовалась женщина со шрамом...

– Это что-то вроде компенсации за разбитые надежды, – заключила женщина. На её шрамированной щеке виднелись капли спермы. – Мне нужно немного передохнуть, впереди трудная работёнка... – женщина подобралась к стеллажам, насыпала на зеркальце новую порцию кокаина, сделала две тоненькие дорожки, после чего – два глубоких вдоха разными ноздрями.

– Да, догадливый ты старичок, не будет никакой пенсии, – несмотря на пожелания Градова, женщина чувствовала себя отлично, никаких передозировок. Она ведь медик, знает какие и в каких дозах надо употреблять психоактивные стимулирующие средства. – Всё очень просто: Землёй правят дагонцы. И власть их держится на трёх китах: деньги, чупакабры и байган. Деньгами они покупают тех, кто покупается. Политики, бизнесмены, артисты... я к примеру, тоже. Чупакабры у них вроде наместников, ширящих их волю. А байган... ну, ты сам прекрасно знаешь, что это... Вот чего ты не знаешь, – говорила женщина, сильнее затягивая ремни; теперь Зиновий Сергеевич вновь не мог с ней РАЗГОВАРИВАТЬ, шевеля головой, – так это того, из чего байган делается. Хе-хе, дружок, как ты уже догадался, за основу был взят распространённый земной наркотик – кокаин. Но ты даже представить себе не можешь, какие у него другие ингредиенты. Заинтригован?

– Ах да, пора брать пробу, малыш, – в бледных пальцах вновь мелькнул пробосборник. Он отличался от своих предшественников пугающей длиной иглы. – Вот эти будут очень-очень неприятные, но ты ведь потерпишь, да? И постарайся расслабиться, не так больно будет, – игла вошла в колено, под чашечку, всё глубже и глубже... отбор суставной смазки...

– Ничего, – вздохнула женщина, разглядывая мутно-фиолетовую жидкость в пробосборнике. – Посмотрим, что дальше будет, но пока – ты нулевой.

Остались разрезы одежды в области сердца и позвоночника. Зиновий даже представить боялся, что сейчас произойдёт. Неужели длинная игла пройдёт между рёбер прямо в сердце? Вонзится, как голодная пиявка и засосёт... Выдержит ли старческое сердце такой кошмар?

Спинной мозг, мать вашу!

[illegible]

Благодаря умелой руке черноволосой суки игла вошла между спинными позвонками и сделала своё грязное дело – отобрала пробу...

– Ну ладно, хорош паясничать, – сварливо произнесла шрамированная.

– А-А-А-А-А-У-У-У-У-А-А-А-У-А-У-У-А-А-А-У-У-У!!!

– Какие мы нежные...

– У-У-У-У-А-А-А-У-У-А-У-У-У-А-А!!!

– Ори себе сколько влезет, никто тебя всё равно не услышит, – ухмыльнулась женщина. – Разве что я... Но по секрету тебе скажу, Градов, я уже привыкла. Нет, не то, чтобы удовольствие получаю от ваших криков. Хотя... Нет, не получаю. Больше безразлично к ним отношусь. Удовольствие я получаю от других вещей...

Зиновий ещё какое-то время стонал, но укол морфия, которым наградила его женщина (правда, изрядно подождав, пока бедняга накричится), взял своё.

И вот. Зиновий Сергеевич Градов. Лежит в операционном кресле, похожем на гинекологическое. Прижат к нему плотными прозрачными ремнями. Одежда его надрезана в местах «сбора пробы». Датчик настроения в его руке уже долгое время показывает чёрный сектор. Глаза старика полны слёз...

Женщина сняла с его груди присоску, пролистала результаты замера на экранчике и досадливо зацыкала.

– Что ж, Зиновий, ты мне больше не интересен. С тобой нет смысла работать дальше – ты полная пустышка. Нулевой по всем показателям. Не то, что твой предшественник Виктор Дроздов. С него можно много материала надоить...

«Гори в аду» – устало подумал Зиновий Сергеевич. На большее его измученный мозг не был способен. К тому же морфий расслаблял...

– Пожалуй, я отдам тебя Боно. Он давно меня донимает... Его коллекция изрядно устарела. Он всё порывается создать свой новый маленький шедевр... Ты всё равно пошёл бы на корм собакам... Да, пожалуй, Боно получит своё.

Глаза Зиновия Сергеевича слипались. Он погружался в наркотический сон, полный ватной прохлады и провололочной сладости...

– Время раскрыть карты, – глаза женщины зловеще заблестели. Она десятки раз в день повторяла эти слова, но никогда не уставала, всегда была готова повторить их вновь. Хотя миллион раз подряд: – Второй ингредиент байгана – это люди. Их кровь, их суставная жидкость, их костный мозг, мозжечок, гениталии, да что там говорить – почти любую часть человеческого тела можно использовать. Всё зависит от склонностей организма... И чем выше расположенность к проявлению психокинетической активности, тем ценнее для нас экземпляр. Ты думаешь, почему на психокинетов объявлена охота? Потому, что они социально опасны? Ха! Многие из них даже не умеют толком пользоваться своим потенциалом! По нашему поручению тупые милицейские псы отлавливают их, как кроликов драных. Умно, да? Объявить врагом народа того, кто этому народу и помогает – становится сырьём для дорогостоящего байгана... А таких вот старичков-простачков, как ты, мы пускаем на базовые варианты продукции. В основном это «Пряная ночь» и «Столыпин»...

Она какое-то время молчала, явно размышляя о чём-то своём. Потом ни с того, ни с сего выпалила:

– Я знаю, что ты сейчас думаешь, я знаю! Ты считаешь меня предательницей, убийцей, Иудой в женском облики! А знаешь, почему я знаю? Потому что я телепат третьей степени! Понимаешь? Или я, или меня... Я выбрала жизнь, мать твою так, Зиновий! Они пытали меня. Посмотри на моё лицо! Я не хочу, чтобы мои части тела синтезировали в добавку к кокаину! Я хочу жить! И ради жизни я готова на всё... И в любом случае, Зиновий, сам посуди – вы старики, обманутые дагонцами простофили, купившиеся на байки про пенсию. От вас всё равно уже нет никакой социальной пользы... Так что ничего личного приятель... Да пошёл

ты! Не знаю, что на меня нашло. Твои мысли вредны! Боно разберётся с тобой! Ха-а-а-ха-а-а-ха-а-а! – она рассмеялась так, как смеются душевнобольные. Собственно, почему как?

«Я хочу умереть» – это была последняя мысль Зиновия Сергеевича, прежде чем его рассудок погрузился в психоделический мрак наркотического сна.

«Я хочу жить! – пронеслась счастливая мысль в голове Вэньг Ли. – Хочу жить с Говардом!»

Школа показалась такой скучной и унылой. Такой ненужной и банальной. Зачем это всё, когда есть Говард Закиров? Красивый, перспективный парень. К тому же, его все боятся, ведь он милиционер. И не какого-нибудь, а отдела по борьбе с особо опасными преступниками. Старший лейтенант! За его спиной – как за стенами каменной крепости... И пошла та Светка куда подальше! Говард будет принадлежать только Ли! Она ни с кем не собирается его делить! А подруга Соловьёва? Что ж, если выбирать между дружбой и любовью... Не сложно догадаться, что выбирает Вэньг.

До выступления Укротителя Мутантов – Великого и Ужасного Боно – оставалось совсем ничего. И Говард идёт на него. И не с кем-нибудь, а со Светкой. А что же делать Вэньг Ли? Ведь она, мягко сказать, не фанат Боно. Но в то же время... Эта засранка Света будет опять пытаться охмурить Говарда. И сейчас, когда она прошла тест на совершеннолетие, шансы на успех значительно возрастают. Что, если она вскружит доверчивую голову лейтенанта? Что, если заставит его забыть обо всём, что было между ним и Вэньг?

Не бывать этому! За своё счастье нужно бороться, это правда. И поэтому Ли не оставит конкурентке ни единого шанса! Те два билета, которые дали её отцу вместо недостающей зарплаты – один уже выклянчила себе Таня Паучкова. А второй? Где же второй? Отец оставлял билеты на серванте. Ли взяла их оттуда, один отдала Тане, а другой. Куда же она его дела? Крутится в голове, вертится, но...

Где же он, ёжик корень!!!

– А про экологический закон минимума нам сейчас расскажет уважаемая Вэньг Ли, ведь так? – учительница биологии пытливо всматривалась в глаза Ли.

– А, что, простите, Ангелина Родионовна, можно ещё раз вопрос? – встряхнула головой Ли, словно стараясь сбросить натрусившийся на голову пепел раздумий.

– Поведайте же нашему классу про экологический закон минимума, – театрально повторилась учительница.

Вэньг почесала за ухом, машинально вытерла пот со лба, предательски выступивший так некстати:

– Ну... Эмм... Это если у белки есть много орешков... листиков там всяких, иголок, дупло у неё хорошее, но воды нет – вот она и сдохнуть может из-за жажды. Ведь верно, да?

Ответ заставил Ангелину Родионовну погрузиться в угрюмое раздумье, с успокаивающим поглаживанием висков. Но любое раздумье не может длиться вечно, и посему учительнице пришлось досадливо ответить:

– Пример очень примитивен, и вообще, какой-то он у тебя вульгарный. Сдохнуть – это не то слово, которым можно так просто расшвыриваться молодым барышням вроде тебя...

– Но ведь я правильно сказала, Ангелина Родионовна? – спросила Вэньг Ли, в голосе её сыграла струна надежды.

– Ну... – замаялась учительница.

– Да правильно всё, – вступилась за подругу Соловьёва. – И слово «сдохнуть» – очень даже мягкое. Природа ужасно жестока и все мы это прекрасно знаем. И строить из себя наивных простушек, которые боятся называть вещи своими именами и делают вид, что всё просто и легко – губительная оплошность. Вэньг сформулировала закон минимума намного

лучше, чем это написано в учебнике. Там всё сухо и отрешённо, а пример с белкой – живой и яркий. К тому же сразу всё понятно.

– Эээ... – смешалась биологичка. – Что на тебя нашло, Соловьёва?

– Жизнь на меняшла, Ангелина Родионовна! – чересчур резким был голос Светы. – После того, как я прошла тест на совершеннолетие – всё поменялось. Все мы здесь поменялись. Те, кто прошли тест.

– Опять сто двадцать пять, – досадливо вздохнула учительница. И буркнула себе под нос: – Каждый год одно и то же.

– И зачем нам нужны все эти законы, все эти дурные латинские названия животных, которые давно вымерли? – проявила неслыханную отвагу Таня Паучкова. – Да и сам латинский язык вымер ещё чёт знает когда!

– И ты туда же? – в глазах биологички плескалось море вселенской печали.

– Да, зачем нам это всё?! – выкрикнул Миша Смирнов, парень в очках, никогда не отличавшийся ранее плохим поведением, да и вообще, ничем не отличавшийся от основной массы школьников. Простой себе парень а-ля моя-хата-с-краю-я-ничего-не-знаю.

– Ммм? – простонала Ангелина Родионовна.

– Зачем, блин, это всё всралось! – тем временем, вопил Миша Смирнов. – Вот эти долбанные учебники, эти траханые тетрадки, блин, сука, ненавижу всю эту херню! – изливая потоки словесных нечистот, Миша порвал свои тетрадки, с особым удовольствием распотрошил дневник, а толстый учебник биологии метнул в окно. Разумеется, у несчастного стекла не было и малейших шансов. Резкий звон привёл в ужас всех. В особенности Мишу Смирнова, который, для закрепления эффекта, перевернул свою парту, пнул стул и побежал вон из класса, истерически хохоча.

Ангелина Родионовна выглядела спокойней, чем это полагалось для учителя, на дежурстве которого произошло такое бесчинство.

– Урок закончен, друзья, – подытожила она. – На следующее занятие подготовьте конспект девятого параграфа.

– Ангелина Родионовна? – участливо простонал кто-то из учеников.

– Как же, конечно, всё в полном порядке, – попыталась улыбнуться учительница, но не очень-то ей это и удалось. – Подобное происходит чуть ли не каждый год. Последствия взрослого байгана. Вы ведь как бешеные на него набрасываетесь, стоит только тест пройти. А я ведь говорила, но вы меня, разумеется, не слушали! Не у каждого организм способен быстро перестроиться с лёгких юношеских дозировок на взрослые. Байгановое похмелье... Результат вам не следует объяснять. Ещё нагляднее, чем пример с белкой.

– Но...

– Всё, все свободны, – рявкнула учительница. – Я хочу какое-то время побыть одна.

Спорить никто не осмелился.

– Эй, Вэньг, ты прямо сама не своя, – заметила Света Соловьёва.

– Не сейчас, подруги, мне нужно бежать, – отмахнулась Вэньг Ли, ускоряя шаг к школьным воротам.

– Но у нас ещё математика будет, – бросила ей в след Таня Паучкова.

Вэньг резко остановилась и обернулась. Открыла рот, чтобы что-то спросить, но передумала, махнула рукой и устремилась прочь.

– Странная она сегодня какая-то, – заключила Светка, невольно косясь на эксцентричного мужчину в котелке и костюме тройке, стоящего у проржавевших прутьев школьного забора. Козлобородое лицо с усами показалось ей знакомым.

– Ты лучше скажи, когда она не странная? – спросила Паучкова.

– Да все мы странные, – парировала Соловьёва. – Просто сегодня Ли страннее, чем обычно.

– Не вижу разницы, – стояла на своём Таня Паучкова. – Но пример она хороший подала. Давай матешу загуляем?

– Зачем? У тебя проблем мало? – испугалась Света, скользя взглядом по дворовому забору. Козлобородый таинственно исчез.

– Ну ты скажешь ещё. После биологии на матешу человека два придёт. Три от силы. И все ботаны законченные. Ты тоже позорный ботан? – Паучкова была неумолима.

Света и сама не прочь прогулять последний урок. И с радостью это бы сделала. Но не сейчас. Станный мужчина в котелке чем-то насторожил её. Интуиция, либо дремавшая трусливая натура решила проснуться, но Соловьёвой не хотелось покидать пределы школы. По крайней мере, не делать этого, пока неподалёку ошивается этот мерзкий тип в костюме тройке.

Тане пришлось разделить нелёгкую судьбу подруги и высидеть нудный урок математики. Ведь в одиночестве прогуливать неинтересно.

А тем временем Вэньг Ли рылась в серванте, гремя китайским фарфором. Билета нигде не было. Следом за сервантом, судорожным поискам подверглась остальная мебель в квартире. Отчаявшаяся Вэньг даже под коврами смотрела, и с особым отвращением, но рылась в мусорных вёдрах. Старые бумажки, отдалённо напоминавшие билет, были разорваны с неистовой лютюю (за то, что подарили ложную надежду).

Билета на представление Боно Укротителя Мутантов нигде не было...

Вернувшаяся с работы мама застала дочь, роющуюся в пуфиках гостиничного дивана. От расспросов дочь грубо отмахнулась. Некоторое время спустя, Вэньг в сердцах пнула ни в чём неповинный пуф и зарыдала.

Заботливая мама пришла утешать дочь, которая только фыркала и сопела. Вскоре здравый рассудок вернулся к девушке, и она вкрадчиво спросила, а не видала ли мамочка билетик, который на серванте лёживал... Мамочка, конечно же, видала этот билетик. И, самое главное, причастна к его исчезновению! Поскольку дочурка до этого говаривала, что билет ей не нужен, мама с утра пораньше понесла его на работу своей подруге, которая ранее жаловалась, что хотела пойти на Боно, но билеты все давно распроданы. У Вэньг внутри всё оборвалось. Гнев принялся бурлить, вскипать, рваться из всех трещин котла терпения. Кипяток негодования дочурки успел хорошенько ошпарить мать, прежде чем последняя призналась, что подруга её взяла больничные... И билет по-прежнему лежит в сумочке.

Прямо здесь! Прямо сейчас...

Лишь схватив билет, удостоверившись в его реальности, Вэньг набросилась на маму с объятьями и поцелуями. Старшая Ли не стала сопротивляться. Она очень легко и просто переносила капризный характер единственной дочурки.

Из жизни доблестной милиции 10

«В результате теракта погибло пять милиционеров: сама саботажница старший сержант Лидия Корицына, оружейная смотрительница Анна Серьгина, капитан Виктор Гришин, два младших лейтенанта: Андрей Шматко и Гузель Бабаджанова. Около дюжины сотрудников ОБООП получили увечья различной степени. Левое крыло главного здания ОБООП было полностью разрушено». – Такое сообщение направили в Министерство Внутренних Дел. Далее следовал детальный отчёт о происшествии с фото- и видеоматериалами, показаниями свидетелей, протоколом экспертной комиссии и прочими необходимыми документами.

Но все материалы, все расследования, все заключения и допросы – ещё больше ставили всех в тупик. Зачем отличнице милицейской школы, проработавшей семнадцать лет в отделе по борьбе с особо опасными преступниками совершать такой бессмысленный, бесчеловечный поступок? Штатный психоаналитик – майор Альберт Викторович Балкин – буквально за две

недели до теракта проводил плановый анализ Лидии Корицыной и не выявил ровным счётом ничего, намекающего на маниакально-депрессивный настрой старшего сержанта. Да, женщина была далека от полного счастья, но всё же психоаналитик готов висок под выстрел поставить, что Лидия Ивановна просто не могла решиться на подобный поступок. Ну, по крайней мере, она не могла решиться на момент, когда Балкин её проверял.

В МВД показание Альберта Викторовича очень тщательно изучили, но, на всякий случай, приняли решение понизить Балкина в звании до лейтенанта – за халатность при исполнении служебных обязанностей. И ново-разжалованный лейтенант радоваться должен, что его вообще с работы не вышвырнули, а то и в тюрьму не закрыли лет на пять-десять! Также начальнику ОБООП области Н – Дмитрию Александровичу Погребнюку – был выписан строгий выговор, с занесением в личное дело.

Но была и обратная сторона медали, о которой не упоминается ни в одном протоколе. Гетто закрыто для людей. Даже когда очень нуждается в их помощи...

В густых кустах конопли скрывались женщины и мужчины. Их было ровно две чётровы дюжины. Вооружённые дубинками, обломками чугунных труб, битыми бутылками, цепями, ножами и тому подобным. Один мужчина сжимал фашистский пистолет-пулемёт МР 40. Этот мужчина был бледен и красив. Щенячьим взглядом он смотрел на хозяина.

Его владелец сменил котелок и костюм тройку на древнюю военную форму, очень похожую на ту, которую носил его прадед. Оружием ему была самая настоящая казацкая шашка, доставшаяся по наследству...

Людей объединяло одно – они все были психокинетами. И оружие держали в руках больше для соблюдения традиций, чем для реального применения. Каждый из них недавно вдохнул «маску счастья» и параллельно выкурил три сигареты кряду.

Конопляное поле росло совсем недалеко от гетто чупакабр.

– Вон они, сученятки, резвятся, – прошептал Серёга.

– Ещё не время, – отрезал дядя Афанас.

В гетто кипела жизнь. Работающие полукровки сушили коноплю, ссыпали рапс в шарообразные коллекторы, доставали из контейнеров и фасовали ингредиенты для байгана, возились с техникой. Многие шныряли возле складских помещений, к которым совсем недавно подогнали полные грузовики. Бездельничали разве что юные особи. Досуг их был скуден. Одни бесцельно бродили по улицам, время от времени пытаясь отвлекать работающих собратьев расспросами. Остальные играли в странную игру, похожую на смесь костей и шахмат.

Полукровки жили в одноэтажных конусовидных домиках. Небольших и уютных. В таких особе не спрячешься...

При всей своей осторожной натуре, чупакабры города Н всё же решили сэкономить на оборонительных мероприятиях. Почему бы и нет? Полумёртвый город, жители которого больше похожи на молчаливые тени. Кому из этих недолудей придёт в голову нападать на поселение приближённой к дагонцам расы? Двухметровый забор из дешёвой китайской проволоки и пропускной пункт со шлагбаумом – вот, пожалуй, и все меры предосторожности.

Моросил дождь. Обычный, не кислотный – признак удачного дня...

Испугавшаяся непрошенных гостей, стая ворон поднялась в пасмурное небо. Зловеще каркая, птицы пролетели над гетто. Словно пытались предупредить о грядущей беде.

Лицо Махно всё это время было напряжено. Будто он о чём-то усиленно думал. Все ждали команды.

И вдруг полное расслабление. Дядя Афанас с облегчением вздохнул:

– Корицына сделала своё дело. Это отвлечёт легавую погань от нашего праведного рейда.

– Вы слышали батьку, поехали! – не удержался Серёга.

– Не ори, придурок, спугнёшь ведь, – Махно дал ему затрещину.

Но было поздно.

– Бей землистую мразь! – прокричал мужчина в чёрном спортивном костюме с белыми полосками и воинственно поднял над головой бейсбольную биту.

– Бей! Бей! Бей! – скандировала толпа.

Она уже не подчинялась Афанасию Михайловичу Махно. Она подчинялась слепой жажде крови.

Двадцать пять психокинетов налетели на гетто, словно смерч. Они никого не жалели. Рвали на части, давили, ломали кости телекинезом и оружием. Проникали в мозги, заставляли чупакабр убивать друг друга. Злость и жестокость, с которой налётчики расправлялись с обитателями гетто, воистину ужасала. Суды Линча казались детскими забавами. Напавшим было недостаточно просто убивать. Они уродовали тела, оскверняли жилища и уничтожали технику. Многие чупакабры распрощались с жизнью в жерлах механизмов для переработки рапса.

– Ах-ха-ха! – по лицу Серёги текли слёзы умиления. – Сдохни землистая погань! Сдохни нечистокровная тварь!

Он только и успевал заменять отстрелянные магазины пистолет-пулемёта. Благо запасных у него было предостаточно. Эхо Отечественной войны...

При всей неподготовленности к нападению, полукровки не оказались такими уж беспомощными. Многие из них не поддались панике и вступили в бой. У некоторых даже оказались дробовики. Но куда этим дробовикам против сверхъестественных сил психокинетов-рецидивистов?

Хотя двух зазевавшихся телепатов и одного телекинета удалось подстрелить. Двух насмерть. Одного серьёзно ранить.

Дядя Афанас направился в гетто последним. Вальяжно и гордо, как генерал в поверженный город. Под каблуками ботфуртов звякнула сетка забора. Махно не спеша шагал по улицам, удовлетворённо кивая при виде разрушения и смерти, которые посеяли его псы. Среди них был только один цепной – Серёга. Остальных псов ещё не удалось приручить полностью. Они всё охотней идут на клич, но легко ускользают из-под контроля.

Анархисты. Ничего, Афанас и их воспитает правильно. Было бы время.

– Товарищ генерал! Помогите! – к Махно подбежал чупакабра. Совсем юный. Он трясся. Жёлтые глаза заполнились мутной жидкостью. – Они напали на нас. Они убивают. Спасите меня!

– Я спасу планету от твоего брэнного существования, – пафосно произнёс Афанасий и взмахнул шашкой.

Лезвие начало свой путь от правого плеча и застряло в левой ноге. Махно извлёк шашку, неудовлетворённо осмотрел тело и заключил, что в фехтовании следует практиковаться чаще.

На самом деле он так развлекался. Чупакабра, увидев усатого козлобородого мужчину в военной форме и с шашкой наголо, помчался наутёк. Но Афанасий подавил его волю и заставил сыграть в эту смертельную игру. Пробраться в голову к полукровке немного сложнее, чем к простому человеку. Хорошая практика для любого телепата.

Невдалеке раздавалось тархтение пистолет-пулемёта. Серёга выгуливается.

По дороге к складским помещениям, дядя Афанас отработал рубящие приёмы ещё на дюжине чупакабр. И того тринадцать. Он любил это число.

Махно осмотрел грузовики и сел в тот, фургон которого был заполнен партией байгана. Наивные чупакабры, доверяющие друг другу, как братьям, даже ключи от машин в замочных скважинах оставляли.

«Убираемся отсюда!» – мысленно приказал он псам. А Серёге добавил: – «Уводи красный грузовик. В нём есть байган. В остальных ненужное барахло.»

Первый грузовик пробил шлагбаум и свернул с дороги на конопляное поле. Скача по буграм, он проехал несколько километров и остановился. В условленном месте его поджидали сообщники, чтобы растянуть добычу.

Вскоре подоспел Серёга на втором грузовике. Пятеро погромщиков были с ним, держась за трубчатые выступы фургона. Остальные добирались пешком.

Груз разобрали. Грузовики сожгли.

Дядя Афанас прощупал сознания трёх недостающих псов. Двое не вышли на связь, значит, были мертвы. Третий же проявил очень слабые сигналы жизни.

Махно сделал так, чтобы эти сигналы оборвались...

Глава 11

Резкая, пульсирующая, невыносимая боль заставила Зиновия Сергеевича открыть глаза. Лучше бы они оставались закрытыми...

Квадратная камера. Достаточно просторная. Металлические стены с пятнами то ли ржавчины, то ли высохшей крови, потолок со светильными плитами и наваленная на бетонный пол солома. Много соломы. Санитарная дырка. Прямоугольная кормушка, разбитая на две части: в одной – вода, во второй – зловонная похлёбка.

Всё тело адски пекло.

– Новый экземпляр получился не совсем таким, каким вы хотели его видеть... – донёлся низкий мужской голос сквозь решётчатое оконце в металлической двери. – Но вы должны понимать, босс, что доставшийся мне материал был нулевым. То, что мне удалось с ним сделать – уже настоящее чудо!

Хлопок, похожий на звук от пощёчины.

– За что?

Ещё один хлопок.

– Он всё же не так плох...

Третья пощёчина.

– Нет, босс, перестаньте меня бить, я на такое не подписывался!

Ещё пощёчина!

– Я вам не зверьё ваше! – возмутился голос.

Разумеется, за этим последовала ещё одна пощёчина.

– Ну, знаете, я могу от вас уйти! Да, захочу – и уйду!

– Но ты этого не захотеть! – донёлся странный голос, уж наверняка принадлежавший чупакабре.

– Эх... кого я обманываю?..

– И что не так с он? – в решётчатом окошке блеснула пара глаз полукровки, больно похожие на свиные, но лишь при условии, что свинья болеет желтухой. – Зачем он лыс?

– Шерсть очень скоро отрастёт, босс, – голос источал благоговейное смирение. – Я сыплю ему в еду нужный комплекс витаминов.

ШЕРСТЬ!!!

Зиновий выставил перед собой руки. Но это не были его руки. Это были бугристые отростки с наборами отвратительных плотных подушечек на пальцах. На всех восьми, мать вашу! КУДА ПОДЕВАЛИСЬ ДВА ПАЛЬЦА?!! Ноги! НОГИ! Коленный сустав был вывернут наизнанку. Они складывались совсем в противоположную сторону! И этот ужас, это гротескное уродство, в которое превратились ступни...

О ГОСПОДИ!!!

Испытывая отвращение, Градов прикоснулся уродливым отростком к лицу. Это было не лицо. ЭТО БЫЛО НЕ ЛИЦО! Шершавые подушечки пробежались по груди лишь для того,

чтобы выявить чудовищное отклонение. Грудь выпирала вперёд, подобно клину из мяса, кожи и костей...

И хоть всё тело горело, хоть уродливые конечности очень плохо слушались, всё же Зиновий Сергеевич вскочил с пола и заколотил ненавистными ему кулаками по двери без ручки.

«Что вы со мной сделали, суки, что вы натворили!» – пытался выкрикнуть Зиновий, но его новый рот выплюнул лишь рычание и лай:

– Рррааввв, у-у-у-ф-ф-ф, гравк, гравк, т-у-у-у-ф, ррровк, гравк!

Это всё слишком нереально. Чудовищный сон душевнобольного, фантазия нерадивого художника, обожравшегося экстази, психоделический кошмар!

Вот только Зиновий прекрасно понимал: это всё происходит с ним. Это всё на самом деле...

– Парень не такой плохой, да, шустрый он, да, – закивал чупакабра по ту сторону двери, пристально вглядываясь свинными глазками в полные злобы и страха глаза Градова. Вернее, того, что осталось от Градова... Человеком это создание назвать при всём желании было невозможно... – Я назвать его Горгорот. Да, это подходящий имя для он.

– Так вы всё-таки довольны моей работой?

Пощёчины не последовало.

Значит, Боно Укротитель Мутантов всё-таки был доволен...

Непредвиденная искра.

Такая крошечная, такая незаметная.

Водород любит искры. Одной достаточно.

Крах дирижабля...

Стенки аэростата догорают, в обломках кабины виднеется изувеченное тело боцмана Родригеса. Жизнь стремительно покидает его. Глаз боцмана сосредоточен на флагштоке. Славный флаг их экспедиции окроплён кровью. Кровью лежащего неподалёку капитана.

– Я так и не увидел надежду, мой капитан Эльмиран, – вместе с кровавой слюной вытекает изо рта Родригеса. – Простите меня...

Счёт времени был потерян. Прошли ли сутки, недели, годы, или лишь часы? Потолок всё время тускло светился – в камере не было дня и ночи. Царили вечные сумерки... Зиновий хотел умереть с голоду, но это оказалось не так просто, как хотелось. Сотни раз он давал себе мысленное слово, что не притронется к еде, будет себе тихонечко лежать у стены, на притоптанной соломе, пока ледяные лапы Забвения не заберут его домой... Увы, когда голод становился нестерпимым, Зиновий терял над собой контроль – что-то звериное, потаённое вырывалось из него, затуманивая рассудок. Зиновий набрасывался на еду и не успокаивался, пока последняя капля похлёбки не оказывалась в желудке.

Шерсть росла невероятно быстро. Колючие щетинки, покрывающие всё тело, превращались в густые, волнистые волосы.

Впервые, когда Градов нащупал длинным и тонким языком свои клыки, он невероятно расстроился. Правда, очень быстро спохватился, ведь их можно было использовать как оружие. С умилением Зиновий Сергеевич мечтал о том, как вцепится этими клыками в шею Боно (или хотя бы одного из его помощников). Пожалуй, мысли о кровавой мести – были единственным утешением для изуродованного Градова. Всегда за этим лжеутешением следовало ещё большее разочарование и тоска – обязательный атрибут лобового столкновения фантазий и реальности.

– Неплохо шерсть отрасти у Горгорот, – как-то произнёс Боно, сверкая жёлтыми глазами в дверную решётку. – Три дня пройти. Он уже должен готов к тренировке.

Помощник что-то буркнул в ответ.

ТРИ ДНЯ! Зиновий здесь всего три долбанных дня!

Три месяца, а то и три года – вот какими эти семьдесят два часа показалось Градову.

Может, так воспринимает время его новое тело?

А может, нужно просто напасть на эту сучью тварь и разорвать на части?

Дверь открылась. В камеру вошёл Боно. Землистокожий упырь с тонкими узловатыми конечностями и невероятно раздутым даже для чупакабры животом. Он стоял сгорбившись, опёршись на чёрную трость с набалдашником из слоновой кости в форме человеческого черепа. Горбатый Укротитель Мутантов выглядел слабым и беззащитным.

– Ррраавк!!! – сорвалось с клыкастой пасти Зиновия Сергеевича, что означало: «Ты умрёшь мучительно!»

Мгновение, второе, искры в глазах, резкая многократная боль по всему телу, судорожная тряска... Зиновий обнаружил себя на полу. Над ним возвышался Боно. Из наконечника трости змеились электрические разряды. Уродливое лицо Укротителя треснуло пополам хищной ухмылкой. Все его желтоватые зубы были заострёнными, как у акулы. Градов никогда не видел такого ни у одного полукровки, с которым доводилось пересекаться раньше. Был ли это результат изощрённой стоматологической работы, либо Боно принадлежал к особому подвиду чупакабр – особо не задумывайся. Ведь электрошок отнюдь не способствует мышлению...

– Ты не понимать ещё, к кому ты попадать, – заговорил чупакабра. – Я Великий и Ужасный Боно! Укротитель Мутантов! Ты теперь мой мутант. И я буду тебя укрощать.

Последовала новая череда электрических разрядов. Они парализовали тело, подпитывая ненависть Градова к Боно. Да что там к Боно? Ко всем этим дагонским тварям и их прихвостням! Так нагло лгать! Так бесчеловечно обманывать! Пускать стариков на байган... Продавать моральным уродам вроде Боно для маниакальных экспериментов, для удовлетворения больной прихоти!

ОНИ ВСЕ ДОЛЖНЫ УМЕРЕТЬ!

ОНИ ПОДЛЫЕ ТВАРИ, НЕДОСТОЙНЫЕ ЖИЗНИ!!

ОНИ РАКОВАЯ ОПУХОЛЬ ЗЕМЛИ!!!

Но лютая звериная ненависть не имела выхода. Она была заточена в клетку. Клетку страха перед металлической тростью, искрящейся парализующими молниями.

– У меня совсем скоро будет выступление, – признался Боно. – А ты ещё ничего не уметь. Я хочу сделать тебя как коронный номер, как гвоздь выступления. Времени совсем нет. Я придумать для тебя небольшой трюк. Дальше будем делать много трюков. Сейчас хватит один. Подняться на ноги!

Градов лежал неподвижно.

– Подняться, мазафака, на ноги! – завопил Боно и ткнул Зиновия искрящейся тростью в бок.

Электрический разряд обжёг сильнее огня. Но Градов продолжал лежать.

– Встать, бич, встать! Ап, мазафака, ап! Встать! – визжал Укротитель, люто награждая мутанта за непослушание сотнями тысяч вольт.

Боль. Чудовищная боль. Жизнь, собственно, и есть сплошная боль. Мы рождаемся с болью. Умираем в мучениях. А время, когда нам кажется, что не больно – лишь иллюзия. Это просто сильная боль на время затихает. Обязательно что-то продолжает болеть. Душа, либо тело – не важно. Оно всё связано. Оно всё болит... То с большей интенсивностью, то с меньшей. Но болит. И избавившись на время от сильной боли, мы попросту принимаем меньшую боль за освобождение...

Что от того, если тело Градова сейчас горит в электрической агонии? Это лишь физическая боль. Боль душевная намного сильнее её. Боль от предательства, от необъятного ужаса, случившегося с ним – куда страшнее... Она настолько невыносима, что хочется её

прекратить любым способом. И физическая боль – один из выходов. Оборвать нить жизни – значит оборвать мучения...

– Ты больной ублюдок! – заключил Боно. – Как с такой ублюдок можно работать? Лежи здесь и подыхай!

За спиной Укротителя хлопнула дверь.

Зиновий Сергеевич Горгорот вновь остался один.

«А жаль, – подумал он, продолжая неподвижно лежать на соломе, еле дыша, – ещё бы несколько минут электрической пытки, и этот кошмар мог бы навсегда закончиться...»

Истерзанное током тело начало более менее слушаться Градова лишь через какое-то время. Опять же, невозможно определить, какое – либо час, либо трое суток.

И пусть к двери никто не подходил, а в стенах и потолке сложно различить что-то похожее на видеокамеры – Зиновий буквально затылком чувствовал, что за ним постоянно наблюдают.

Когда Градов-Горгорот опять смог держаться на своих двоих, Боно вновь пришёл к нему с неприятным визитом.

– Опять на меня пытаться напасть? – ухмыльнулся он.

Градов показал ему очень некультурный жест.

– Вау, хоть чему-то мы учиться! – похвалил Укротитель. – Тогда присесть и руки в стороны!

Градов не шелохнулся, застыв всё в том же некультурном жесте.

– Ты ведь помнить, как больно эта штуковина делать? – Боно направил кончик трости с набалдашником из слоновой кости в форме человеческого черепа на непослушного мутанта.

Градов не пошевелил и мускулом.

– Что ж, я подозревать это, предвидеть тебя, – вздохнул Боно, прогулочным шагом направляясь к Градову. При этом, правда, не сводя с него конца трости. – Ты старый душа. Мы тебя омолодить немного, но твой душа всё такой же старый... Мы дать тебе второй шанс, ты это не хотеть понимать, – он остановился в трёх шагах от неподвижного Зиновия. – Тебя могли сделать консервы для кошечек. Их очень любить мой крылатый обезьян.

Горгорот оскалил пасть в нелепой ухмылке, вывалив набок язык.

– О, тебе есть смешно? – удивился Боно. – Это не есть хорошо, что тебе есть смешно. Ты не понимать ничего. Ты не хотеть жить. Твой старик Градов не хотеть жить. Но ты есть уже не он! Ты – Горгорот! Ты моё творение! Мой генетический эксперимент! Ты хороший получиться! Даже не представлять, насколько...

Тёмно-зелёные глаза Зиновия сверкнули звериным огнём.

– Ты не выполнять команды, как послушный пёсик, – сказал Боно, пятясь к выходу. Что так поразило его в глазах Градова? На какое-то мгновение Зиновию даже показалось, что Укротитель испытал нечто вроде... страха, что ли? – Да, не выполнять... Мы перестараться со звериным материалом... Ты сильно дик. Но я уже придумать для тебя номер. О да, Горгорот, ты будешь мой новый звезда! Да-да-да!

С едва различимым скрипом петель, металлическая дверь захлопнулась.

Зиновий Сергеевич вновь остался один.

Но ненадолго.

Ведь совсем скоро в городе Н состоится незабываемое представление Великого и Ужасного Боно Укротителя Мутантов!

У меня не было желания идти на это чёртово представление. После теракта в здании ОБООП мне вообще ничего не хотелось. К тому же, по городу ползали слухи о каких-то неприятностях в гетто чупакабр. И если не Светка, ради которой я, собственно, купил билеты,

то остался бы дома. Порылся в своей скудной библиотеке, может, откопал бы какой-нибудь подзабытый комикс или научно-популярный журнальчик. А куда лучше, позвал бы Вэньг Ли в гости...

Ох, Вэньг, моё ты азиатское чудо!

Светка... Из-за Вэньг я потеряю друга. Единственного за последние годы друга... Хотя и без Ли всё к этому шло. Бутон Светы Соловьёвой распустился. Она уже неоднократно лезла ко мне целоваться. Скоро в штаны полезет. Дружбы между мужчиной и женщиной не бывает. И я это прекрасно знал с самого начала. Во всём виноват я и только я. Не следовало подавать девчонке напрасных надежд. Сейчас она уже не девчонка. Сейчас она женщина. А я? Я просто негодяй, которому она не интересна как женщина...

Зато мне интересна Вэньг Ли. Очень интересна. Чёрт, я схожу по этой китаяночке с ума!

И почему в жизни ничего не бывает просто и легко? Зачем судьба постоянно ставит нас перед выбором: делай так, либо делай эдак. Хочешь любовницу – теряй друга. Хочешь друга – теряй любовницу. Хочешь друга – а друг не хочет быть другом, хочет быть любовницей...

Я поймал себя на мысли, что уж больно легко впадаю в размышления о своих личных проблемах, отрываясь от недавних ужасающих событий. Пятеро моих коллег мертвы. Свыше десяти – госпитализированы. Счастье многих, что были на заданиях, в противном случае список жертв увеличился бы раз в пять, если не в десять. Начальнику выписали пилюлю прямиком из Министерства. Как это отразится на нас, простых смертных гладиаторах и баранчиках – страшно даже подумать. Дмитрий Александрович очень требовательный человек... И при всём при этом, мне хватает инфантилизма размышлять о своих отношениях с двумя подружками-десятиклассницами!

Я полный кретин!

Хотя... С другой стороны, что от того, если я буду постоянно убиваться? Это вряд ли вернёт с того света коллег. Да и скорому выздоровлению раненых не поспособствует. Хуже здесь будет только мне. Нервные клетки не восстанавливаются, и всё такое. Знаю, звучит жестоко, но, по сути, ни с кем из пострадавших и погибших я не был близок... Да, жалко, да, обидно, да, судьба порой бывает жестока... Но что я могу поделать в этом случае? Вскрыть себе брюхо консервным ножом? У меня ведь есть своя жизнь тоже.

Эгоизм?

А кто не эгоистичен? Последний микроб – и тот существует для того, чтобы удовлетворять свои низменные потребности. Развиваться там, жрать то, что жрут микробы и плодиться с бешеной скоростью. Чем люди лучше микробов? Мы населяем Планету, используем её ресурсы, выжимаем до последней капли всё, что только можем. Оставляем после себя пустыни, бетонные склепы и бесплодные почвы. Но при всём при этом нам хватает наглости размышлять о чём-то лжевозвышенном, считать себя венцом природы, высшим звеном в пищевой цепи. И при первом подходящем случае с высот собственного самолюбия проявлять трусость и страх, высокомерно обличённые в фольгу «сострадания». Интеллект дан человеку зря. Мы попросту не ценим этот дар. Древние люди выжигали целые леса, чтобы было проще охотиться... Мы сейчас делаем подобные вещи гораздо изощрённее, но суть-то остаётся той же! Человек – эгоистичный зверь, живущий по простому правилу, установленному ещё миллиарды лет до его появления: *жри и размножайся*.

Всё.

Хотя нет, не всё ещё. С появлением дагонцев наивные представления о месте человека в цепи эволюции – изменились в корне...

Вот теперь всё.

Мысли какие-то пессимистичные и несвязные. Оно-то и не мудрено в свете последних событий...

Нет, надо развеяться, а то такими темпами и до шизофрении недалеко. Благо дежурства нет в день представления Укротителя Боно.

Но что-то мне подсказывает – нелёгкой прогулка выйдет. Нутром чую, что это будет последняя наша со Светкой прогулка. Рано или поздно она узнает обо мне и Вэньг Ли, так что... Так что, нечего из себя целку строить, надо самому ей всё рассказать. Во время выступления, либо после него – не важно. Главное поставить перед фактом. А там поглядим. Вдруг Светке это не помешает со мной дружить? Наивно...

Что ли воздухом подышать? Да, хорошая идея.

Последние дни выдались пасмурными. А сегодня небеса окрасились в характерный зелёный цвет. Порядочным гражданам бы дома сидеть. Но я ведь милиционер...

В воздухе повисло напряжение. Ожидание чего-то неизбежного, вот-вот должного произойти. Чего-то масштабного, чего-то серьёзного, вспять меняющего ход жизни. И таинственные исчезновения психокинетических сигналов с наших радаров, резкое изымание сигаретной продукции из продажи, в конце концов, взрыв в нашем здании – это лишь первые птички, имя которым буревестники.

Ноги несли меня по привычному маршруту. Вдоль разбитых дорог, мимо диких кустов полыни. В нагрудном кармане ветровки нашла приют недобитая пачка «Суйен». Рука так и тянулась к ней. Не то, чтобы я боюсь косых взглядов и всё такое... Но сигареты официально запрещены. А я ОБООПовец, как-никак. Посему с публичными сеансами употребления табака пришлось завязать. Приходится прятаться от любопытных глаз, как пацану какому-нибудь!

Может, пора на байган переходить?

Да ладно, я ведь в отрицаловке! Вот просто взять и ни с того ни с сего отказаться от многолетних принципов? Хе! Фе! Бе! Мда...

А вот и мой старый друг – взобравшийся на гранитный зиккурат лысый мужичок в костюме тройке из окислившейся бронзы. Костюм тройка... Что-то крутится в голове... Ах да, Джек Потрошитель, то есть Дядя Афанас! Станный старикашка с козлячей бородкой и усами. Он мне здорово помог с тем амбалом в пустынном переулке. И какая разница между чудачком Афанасом и Владимиром Ильичом Лениным?

ЛЕНИН!

Точно, вспомнил! Да, его так звали. Вождь пролетариата. Любитель прогулок на броневике! Отец русской демократии. Или нет, не так. Это уже не из той оперы, наверное. Странно, если сложить его инициалы, получится зловещее ВИЛ. Именно такова украинская аббревиатура русского ВИЧ. Поражающий нежную плоть наших стран вирус иммунодефицита в обличии переломившего ход истории человека? Картавого лысого коротышки, из уст которого чудовищное слово «расстрелять» звучало так непринужденно, так легко и незамысловато, так по-детски наивно, и в то же время, так по-взрослому убийственно...

Бронзовый истукан всё так же непоколебимо возвышался на гранитном постаменте, сжав опущенной рукой кепку (с определённого угла обзора может показаться, что это не кепка, а фаллос). Мои размышления не беспокоили его. Также его не беспокоили вороны и голуби, использующие его лысину и плечи в качестве общественного сортира. Он стоял там, вне времени и пространства, вне мыслей и идей. Вечное напоминание о зыбкости эпох...

Как его ещё на металлолом не растащили?

Хотя не мудрено – пункты приёма металла давно не такие, как прежде.

Мне чертовски сильно захотелось курить. Лёгкие буквально пульсировали желанием присосаться альвеолами к живительному дыму китайской контрабандной сигареты. Невдалеке с бродячим котом играли дети. Ну, эту игру трудно правильной назвать. Скорее живодёрство с использованием мотка капроновой верёвки, бензиновой зажигалки и стального прутика... Эта забава обещала полностью поглощать детское внимание ещё минут десять, а то и все полчаса (если кот окажется достаточно выносливым). Ввиду этого я достал сигарету и закурил.

Но удовольствие от курения было подмочено воплями бродячего животного и хохотом малолетних садистов. К тому же, не очень-то тут и расслабишься, когда по сторонам всё время косишься, а не идёт ли кто. И этот Ленин, чтоб ему, нависает...

Я принял единственно верное решение – направился домой.

И словно в насмешку, вдалеке засверкали зловещие зигзаги молний, облака треснули громом. На грешную землю хлынули кислотные слёзы небес...

Пришлось выбросить недокуренную сигарету.

Я раскрыл с пояса защитный халат. Тонкая прозрачная материя хорошо защищала, но это не повод оставаться под дождём.

У затёртой двери моей квартирки стояла Вэньг Ли. Она была одета в старый брезентовый халат. Судя по тому, как она в нём утопала, дождевик наверняка принадлежал её отцу. Под капюшоном сверкал хищный взгляд уссурийской тигрицы.

Я без колебаний впустил её, вяло поругав за то, что незачем так рисковать, когда на небе зелёные тучи.

Я завёл её в ванну, бросил халат в таз с водой. Вэньг последовала моему примеру. Не успел я толком насыпать нейтрализатор в таз, как Ли уже сбросила с себя остатки одежды и забралась в душ. Вскоре я присоединился к ней. Молодец, знает, что первым делом нужно делать, когда попал под кислотный дождь. Горячую воду опять не дали и нам пришлось изрядно переохладиться.

Мокрые, дрожащие, покрытые гусиной кожей, мы зашли в спальню.

Я нарыл в шкафу полотенце и принялся растирать им Вэньг. Потом она растирала меня. После Ли увлекла меня в кровать. Мы увязли в простынях, как две пчелы в сиропе.

Мы увязли друг в друге...

– Говард, Вар, я не хочу, чтобы ты дружил с этой дурой Светкой, – вкрадчиво прошептала Вэньг, играясь волосами на моём лобке.

Ну вот, началось. Всё, как я и предполагал! Женщины... Такие предсказуемые! Такие коварные...

– Вэньг, я не вижу проблем в нашей со Светкой дружбе. Мы...

– А я вижу, Говард, я вижу! – она сжала руку, которой теребила волосы на моём лобке. Больно...

– Ай! Ты чего это! Совсем уже из ума выжила?

Вэньг без разговоров вскочила с кровати и принялась одеваться. Я не успел опомниться, как она уже стояла у двери и возилась с замком. Не простой он у меня, замочек-то.

– Как это всё понимать? – я предстал перед ней завернутый одеялом а-ля Юлий Цезарь.

Она молчала. Нежное личико избороздили морщинки решительности и злости. Хрупкие пальчики безуспешно воевали с заклинившей дверной собачкой.

Простым нахрапом здесь не победить. Мне пришлось поменять тактику:

– Вэньг, девочка моя, прости, если как-то обидел тебя...

Ну и как у женщин получается так? Сама начала бред говорить. Сама мне всю растительность с интимного места чуть не выкорчевала. И я в конечном счёте виноват! Нет, ну нормально это?

– Да, обидел, Вар, очень сильно, – она повернулась ко мне лицом. И я буду не я, если когда-либо видел более несчастное лицо, чем у Вэньг Ли в тот момент. И, чёрт возьми, врёт ведь всё, играет – знаю прекрасно. Но всё равно ведусь, как пацан молокососовый.

– Я не хотел, – честно признался я.

– Не хотел, но всё равно обидел, – казалось, куда несчастней лицо, так ведь нет, ещё несчастнее сделалось! Мне аж сердце сжало тугим обручем. – Ты, Говард, для меня всё. Моя Вселенная! Мой Микрокосм и Макрокосм! А Света. Эта хитрая лиса, она хочет отнять тебя у меня! Я не отдам! Я буду бороться, я...

Конечно же, тут она разрыдалась. Конечно же, я обнял её. Конечно же, в тот момент я жалел, что знаком со Светкой Соловьёвой. Но с другой стороны, если бы я не дружил с ней, то и с Вэньг никогда бы не познакомился.

Микрокосм и Макрокосм... Откуда она такие матюги знает? Эх, не тому нынче школа молодёжь учит, да-а-алеко не тому.

– Она не знает о нас, Вар. Но когда узнает – не отступится. Она до последнего будет пытаться растоптать наше счастье. Она желает нам зла!

– Солнышко, думаю, ты преувеличиваешь...

– Нет! – Вэньг отстранилась от меня и топнула ножкой. – Это ты ничего не понимаешь, глупый ты! Я знаю, что вы с ней идёте на Укротителя Мутантов. И там она будет к тебе приставать. Будет гладить тебя и целовать твои медовые губы! Нет! Я не вынесу этого! Нет! Нет!

– Хм... Девочка моя, ты всё преувеличиваешь. Я люблю только тебя, – я попытался вновь обнять Вэньг, но она не далась. – Со Светкой у нас никогда ничего не было. И не будет. Мы друзья, и всё здесь. Ну как ты не понимаешь?

– Она подлая змея, – прошипела Вэньг. – Она притворяется твоим другом. На самом деле Соловьёва только и строит планы, как бы залезть тебе в штаны! Я не хочу, чтобы вы вообще виделись. Я не хочу, чтобы вы шли на это представление.

– Но Вэньг, я за билеты четверть месячной зарплаты отвалил.

– Тебе деньги дороже меня? Если так жалко билеты, так возьми меня вместо неё. Что тебе мешает?

Вот подло это...

– Нет, конечно же, нет. В смысле, ты дороже мне всяких денег. Деньги – они вообще фантики разноцветные, не больше. Но я ведь не могу так, Вэньг. Я пообещал Светке, что поведу её на представление. Мы с ней не первый год дружим. Пойми, я привык держать слово. Раз уж пообещал, то хоть сдохну, но его выполню.

– Скажи, что любишь меня, – прошептала Вэньг.

– Я люблю тебя, – не стал лгать я. Мы обнялись и поцеловались. Казалось, этот поцелуй смоем всё напряжение разговора, всю вредоносную спесь негативных эмоций.

Но так лишь казалось.

– Пообещай, что не пойдёшь с ней на представление, – сладко прошептала Вэньг Ли.

Господи, какая она настойчивая! Какой железный характер! Ей после школы напрямую в гладиаторы идти надо!

– Я не могу тебе этого пообещать.

– Тогда иди в жопу, козёл! – прорычала Вэньг и в считанные секунды разобралась с дверным замком. – Я ей всё про нас сегодня расскажу! Позвоню и расскажу!

– Милая... – промямлил я.

Но Вэньг хлопнула дверью.

Закипевшая внутри злость вырвалась наружу. Я опомнился секундами позже. Мои костяшки были сбиты в кровь. Дверца гардероба изуродована...

Хорошо, хоть дождь перестал, ведь Ли забыла у меня брезентовый халат.

Из жизни доблестной милиции 11

Теракт выбил из колеи привычный ритм работы отдела по борьбе с особо опасными преступниками. Но если чего и может парализовать работу доблестного ОБООПа, то уж явно что-нибудь помасштабнее. Взрыв Водородной бомбы, к примеру. Или глобальная утечка хлорциана на додагонских военных складах.

В бывшем член тайного общества Карающий Феникс, а ныне майор-гладиатор – Чан Вэй Кун не поддался паническому настрою. В то время как многие его товарищи не устояли...

В частности, его напарник Говард Закиров. Новоиспечённый старший лейтенант взял внеплановый отпуск, как и некоторые его слабовольные коллеги. И это тогда, когда родному отделу так нужна поддержка, дух товарищества и взаимопомощь! Но если молодому сопляку Говарду подобная слабость прощительна, то его взрослых коллег Малыш никогда не простит. Они потеряли авторитет в его глазах.

Время сводить счёты ещё придёт. Сейчас же главное – продолжать бороться, выполнять свой долг: душить гидру преступности, топтать гнид беспредела, стирать в порошок беззаконие, вырезать из тела общества раковую опухоль психокинетики!

По уставу не положено идти в дежурство одному. Но сейчас неуставная ситуация. Форс-мажор. Аврал, как бы сказал один из первых напарников Чана – отставной моряк Златоусов – если был бы жив...

Малыш нарушил устав, в одиночку взяв патрульный флаер и отправившись на дежурство. Смотритель взлётной площадки – седоволосый коротышка Юлий Григорьев – не стал останавливать Чана, хотя ему не составило бы особых усилий дёрнуть за рычаг тревоги. Он лишь вздохнул, причмокнув языком. Отчасти из-за страха перед Малышом, отчасти из-за понимания того, что в уставе написано многое, но, к сожалению, не всё...

Несмотря на то, что в паре патрульных милиционеров управляет флаером баранщик или младший напарник, матёрый гладиатор должен быть всегда готов его подменить. Раз в три года даже устраивается экзамен по вождению. Не сдавший его гладиатор получает штрафные санкции: начиная от банального вычета из заработной платы и кончая жестоким увольнением с занесением выговора в личное дело. Сказать, что Чан Вэй Кун не сдаст экзамен по вождению... Нет, вряд ли. Базовый уровень пилота у него был. Но вот дальше в этом направлении Малыш не продвинулся. Совершить вертикальный взлёт с ровной площадки – это одно. Совсем другое – держать нужную высоту в условиях повышенной облачности и ветренности.

За десять минут полёта с майора сошло десять потов, если не сто. Особенно когда он по ошибке отключил левый двигатель, от неожиданности дёрнул штурвал и тем самым вошёл в неустойчивый штопор. Трудно предположить, что почувствовал Чан в тот момент. Сколько раз он ходил по лезвию смерти... Чтобы погибнуть из-за банальной глупости.

Но трезвый ум сделал своё дело. Вращение остановлено, двигатель запущен, полёт нормализован. «Крылатый Патриот», как ни в чём не бывало, продолжал путь сквозь туманное небо города Н.

Вскоре Чан посадил флаер на первой попавшейся площадке, более-менее годной для приземления. Ею оказалось заброшенное футбольное поле, заросшее бурьяном, крапивой и полынью. Хлопнув дверцей, Чан направился в сторону домов. Он не обратил внимания на ожоги крапивой.

Малыш привык терпеть боль.

С поиском психокинетов в последнее время возникали серьёзные проблемы. Всплеск пришёлся на день теста на совершеннолетие в средних школах. После него радары вновь замолчали.

Чан добрался до улицы «Малая Слободская». Прохожие старались как можно быстрее скрыться с прицела его пронзительных глаз.

Малыш нарушил устав, дав волю эмоциям. Чувства – непозволительная роскошь для адепта тайного общества Карающий Феникс. Но Чан Вэй Кун давно уже не адепт. Он порвал связи с обществом, как последний предатель. Отступник... Но есть ли отступничество – не плясать под дудку Триад? И всё же... Бросить своих братьев феникса в такой тяжёлый

момент. Ведь можно было поднять восстание, порвать все сомнительные связи. Но Чан предпочёл убежать прочь, как последний трусливый щенок!

Ну вот, сколько десятков лет ещё должно было пройти, чтобы Чан наконец-то признался себе в этом?

– Ты! – рявкнул Чан. – Да, ты, мальциська! Да, ты!

Пацан, на вид не старше тринадцати лет, вздрогнул. Окровавленные руки тут же исчезли в карманах затёртой гимнастёрки.

– Сто ты делаешь, засранца!

Чан быстрым шагом направился к гаражам, в укрытии которых промышлял малолетний садист.

– Дяденька милицейский, это не я, это не я! – плаксиво оправдывался пацан.

– Не ты? Ты кому врать будешь, засранца? Ты кому врать будешь?

– Не я-а-а-а-а! – затянул волынку пацан.

Чан остановился в метре от него и остолбенел. Нет, такого он не ожидал увидеть. Издали казалось, что подросток душит кота, вырывающегося, царапающегося, жалобно мяукающего. Так оно и было. Вот только до этого пацан замучил до смерти с две дюжины других бродячих животных. Коты, мелкие собаки, крысы, голуби, вороны, даже воробьи и одна канарейка – куча мёртвых тушек в проёме между заброшенными гаражами, прикрытая с одной стороны забором, с другой – навалом веток и ветоши, который сейчас был разрыт. Молодой садист бережно хранил свой секрет, пряча трупки жертв, каждый раз загребая обратно разрытый навал.

В основном это были крысы.

Едко-сладковатая трупная вонь резала глаза. До слёз. Или это резало сердце понимание, что такие люди существовали и будут существовать? Кайфующие от страданий других. Сегодня это животные. А завтра могут быть и люди...

Из этого тринадцатилетнего ублюдка может вырасти знатный серийный убийца, в лучшем случае – зоофоб, калечащий скот на фермах чупакабр.

– М-а-а-а-м-а-а-а-а! – завопил пацан, аки свинья недорезанная. – Ма-а-а-м-о-о-о-ч-к-а-а-а!

– Вот к ней мы тебя и атведёма, – кивнул Малыш, волоча за ухо визжащего и брыкающегося садиста.

Несмотря на возраст, пацан был выше Чана на голову, и майору для своего же удобства пришлось заставить малолетку согнуться в три погибели, чтобы не лишиться уха. Мало того, садюге пришлось волочиться следом за милиционером. И не прогулочным шагом, а чуть ли не бегом.

Малышу не составило труда выдавить из пацана адрес.

Жил тот в семи кварталах от гаражей. В ветхом одноэтажном домике с зарешёченными окнами. Мать пацана оказалась дома. Работала она ночным сторожем на байгановом складе.

Заплесневелая дверь отворилась со скрипом. Дом выдохнул в Чана и его малолетнего пленника спёртый дух мокрого зверья. В коридоре старого домика, больше похожего на склеп, стояла седоволосая женщина с бледным, недовольным лицом и грязью под ногтями распухших пальцев.

– Что эта сука на этот раз натворила? – словно отплёвывая мокроту, спросила она.

– Простите мою бестактность, мадам, – Малыш поморщился. – Но что это за скрежет и писк?

– Ах, это? – она оглянулась в темноту коридора. – Это мои питомцы. А теперь я могу знать, что натворил мой нерадивый Андрей, товарищ...

– Чан Вэй Кун, майор отдела по борьбе с особо опасными преступниками.

Женщина выпучила на Малыша мутные глаза, уж очень похожие на глаза варёной рыбы. В них плескался страх, граничащий с безумием.

– Да нет, ваш сын не дорос до особо опасного преступника, – успокоил Чан. – Пока ещё не дорос. Вот я и хочу сделать так, чтобы он и не дорос до него... Крысы?

– Что? – ещё больше выпучила глаза женщина.

– Ваши питомцы. Это крысы?

– В основном крыски, да, – кивнула женщина.

– Мадам, можно я зайду?

– Нет, – едва слышно сказала женщина. Её трясло от страха перед этим узкоглазым коротышкой, держащим за ухо её нерадивого сына.

– Почему? – задал риторический вопрос Чан.

– Ммм... м-м-мне нечем вас угостить, – выдавила женщина. Из её полубезумных глаз брызнули слёзы.

Чан лжепонимающе кивнул.

– Где ваш муж?

– Он на работе, этот ублюдок, – словно отплёвывая кровавые слюни, произнесла женщина. – Он пьянь и мразь, я хочу, чтобы он сдох.

– Он бьёт вас?

– Мам, прекрати, мам, хватит, успокойся, ай, – подал было голос пацан, но тут же утих, стоило Чану немного «подкрутить» ухо.

– Нет, конечно же, нет, – опомнилась женщина. Слёзы не переставали течь из её глаз. Казалось, это её постоянное состояние.

– Тогда почему вы его так не любите?

– Кого?

– Своего мужа, мадам.

– Как не люблю? – искренне удивилась женщина. – Я люблю своего мужа!

– В таком случае, почему вы желаете ему смерти? – Чану хотелось прекратить этот разговор ещё на «в основном крыски».

– Он не любит моих питомцев, – при этом лицо женщины сделалось несчастней несчастного. Слёзы усилились, в солидарность с ними из левой ноздри показалась зелёная сопля.

Женщина утёрла слёзы, а затем и соплю тыльной стороной ладони, которую потом вытерла о передник.

– Забирайте его, – Чан отпустил ухо малолетнего садиста, который тут же забежал в дом, оттолкнув мать.

Женщина шлёпнулась спиной о стенку коридора и сползла на пол.

С пола на Чана смотрела, без сомнений, сумасшедшая.

– Увы, ни ему, ни вам, ни вашему мужу я никак не могу помочь, – вздохнул Чан и поплёлся прочь.

Женщина молчала, сверля отрешённым взглядом его спину.

– И да, вы болеете маниакальным собирательством животных, – кинул через плечо Малыш.

– Хотите отведать чаю с крысиным мясом? – любезно поинтересовалась женщина.

– Спасибо, я сыт, – учтиво ответил Чан, прошептав самому себе: – сыт по горло тобой и твоим ублюдком сыном.

На этой шизофренической ноте Малыш решил закончить дежурство. Настроение было ни к чёрту. Красный сектор.

В конце концов, дело Чан Вэй Куна – ловить психокинетов.

Психопатов пусть ловят ребята из других отделов. Нечего вмешиваться в их работу...

Глава 12

ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ,
ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ,
ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ,
ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ,
ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ,
ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ,
ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ,
ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ,
ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ,
ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ!!!

Пронеслось в голове Зиновия Сергеевича Градова.

ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ,
ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ,
ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ,
ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ,
ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ,
ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ,
ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ,
ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ,
ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ,
ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ!!!

«Гррравк! Гррравк! Рровлф! Ровлф! Гррравк!» – срывалось с его пасти. Новое тело всё лучше слушалось. Оно было сильное, выносливое, быстрое. Оно требовало места.

ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ,
ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ,
ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ,
ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ,
ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ,
ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ,
ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ,
ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ,
ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ,
ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ,
ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ, ГОРГОРОТ...

Вот уже третий день в самом сердце города Н – на пересечении бульвара Макарова и улицы Советской – возвышался красно-белый шатёр. Гигантский купол стал объектом бесчисленных разговоров и взглядов. Праздные зеваки кружились возле него, как мухи возле бургистского продукта пищеварения... Особо смелые и наглые пытались проникнуть внутрь, подглядеть. Охрана чётко и жёстко пресекала любую подобную выходку. Если тебе так уж хочется оценить коллекцию мутантов Боно – плати деньги!

И приходилось платить.

Несмотря на то, что жители города Н не отличались особым финансовым достатком – последние билеты на представление были раскуплены за две недели до прибытия Укротителя в город. Чему сейчас особенно радовались запасливые перекупщики, шныряющие вместе с зеваками у шатра и предлагающие по невероятно накрученной цене «свое место, от души оторванное, ведь на представление пойти ну никак не получается, жена заболела/собака в ухо клещ заполз/родственники из Мешково-Погорелово незвано приезжают».

В принципе, ничего удивительного. Город Н не очень-то и балуют представлениями. Нет, есть, конечно же, местные коллективы артистов, но их выступления большинству обывателей давно приелись. Многие изголодавшиеся по зрелищу жители душу готовы продать за свежую порцию эмоций. И тут, как бальзам на душу, приезжает Боно! Не какая-нибудь увядающая эстрадная фиалка, а настоящий бессмертник цирковых представлений, всемирно известный Укротитель Мутантов! Великий и Ужасный собственной персоной!

День оказался на удивление солнечным и ясным. После всех этих мрачных туч и кислотного дождя подобный контраст производил ошеломляющее впечатление. Но чистоту неба компенсировала Светка. Она была хмура, насуплена и молчалива. Я долго думал, как можно нарушить неловкое молчание, но ничего дельного в голову не приходило. Тупой банальщиной вроде «как тебе погода» или «как успехи в школе» усугублять ситуацию не хотелось.

Так мы и прошли всю дорогу до красно-белого шатра Боно. Погрузившись в мысли. Даже не держась за руки...

Представление должно было начаться через сорок минут, но у входа уже толпилась куча народа. Охранники, в лучших традициях своего ремесла, крайне медленно пропускали желающих поскорее занять свои места.

Смысла поддаваться паническим веяниям стадного рефлекса я не узрел. Пусть быдло поддаётся. Да к тому же, моя милицейская корочка может стать ключом для «сокращения дистанции». У одного охранника знакомая физиономия. Зуб даю, что он из наземной патрульной службы. Эти ребята дальше шмона карманов малолеток не продвинулись.

Неясно откуда возник унылый человек с невероятно вытянутым лицом и грустными глазами. Перед собой он катил белую тележку с выцветшим рисунком, который, по всей видимости, когда-то был чем-то похожим на воздушный розовый комок на палочке.

– Купите своей прекрасной даме сладкую вату.

– Она у тебя свежая? – усомнился я, с недоверием поглядывая на рисунок.

– Лучшая в городе... – вздохнул продавец. Мне показалось, что ещё чуть-чуть, и он заплачет.

– Ну да, другой здесь не наблюдается, – я протянул ему завалявшуюся в кармане мелочь, лишь бы он поскорее скрылся с глаз моих.

Но, о чудо, взамен милостыни я получил воздушный моток нитей из застывшего сахарного сиропа. Моток был тут же передан Светке. Продавец уныло кивнул и растворился в толпе, как сахар в слюне. Светка от ваты не отказалась.

– Ну и как ты её вдул, дорогой, сзади входил или старым добрым миссионерским стилем? – с набитым ртом спросила Светка.

Меня как молнией пришибло.

– И как это было? – стояла на своём она. – Расскажи, дорогой, мне очень интересно.

Светка говорила нарочито наивно, хлопая ресницами, делая ангельское личико и тем самым очень уж походила на котёнка у опрокинутой банки со сметаной, глядящего в глаза так преданно и невозмутимо... и, чёрт побери, начинаешь верить, что пакость не его лап дело!

Вот только напакостил я...

– Свет, во-первых, я ведь тебя сколько раз просил не называть меня дорогим. Во-вторых, я... я не понимаю о чём ты...

– Да всё ты понимаешь, дорогой, всё прекрасно понимаешь, – в голосе Светки проблеснуло отчаяние. Но лишь на мгновение. – Ты трахаешь мою бывшую подругу Вэньг Ли, – имя моей любимой Светка произносила так, словно изрыгивала комок чего-то мерзкого, ядовитого и обязательно при этом покрытого плесенью.

– Она тебе рассказала?

– Да, дорогой, она много чего мне о вас рассказала...

Странно, я ожидал истерики, криков, обвинений и рукоприкладства. Светка же выбрала совсем другую тактику. Не до конца мне понятную, если честно.

– Свет, моя личная жизнь – это моё дело, ты должна понимать... – замямлил я.

– Ну да, милый, я понимаю всё, конечно, – Светка обнажила серебряные пластинки в широкой, почти искренней улыбке. – Ну так как, ты давал ей в рот? Она глотала твою сперму?

– Чёрт! – внутри меня всё вскипело. – Солнышко, что же ты такое несёшь?

– Значит, не дошло до этого, – с облегчением выдохнула Светка, поглаживая русые волосы.

– Я... это моё дело. Не хочу больше говорить.

– Ну конечно, Вар, это твоё дело, не мне, глупой малолетке, в него вмешиваться, – она взяла меня за руку. – Пошли лучше на мутантов смотреть.

Светка посмотрела сквозь меня. И, поскольку я не стеклянный, она заглянула за мою спину. Что она там высматривала? Хотела ещё сладкой ваты? Увидела знакомого? Нарочито пыталась показать, как игнорирует меня? Какая разница...

– Ох, Говард, ты мне так дорог, – вдруг призналась Светка, взяв мою вторую ладонь в свою.

Так мы и стояли, держась за руки, друг напротив друга. Умные серые глазки смотрели пронизывающе. Взгляд женщины, знающей, чего она хочет и как это получить. Я не понимаю, как произошло... Просто наши губы встретились... Её язычок был сладким от сахарной ваты. Но я готов голову на отсечение дать, что и без сладостей он сохранит тот же вкус.

– Вар... Говард... Садовый... КОЗЁЛ!!!

Этот голос был невероятно знаком мне.

Вэньг Ли!

Я оторвался от Соловьёвой. Слева стояли две девушки. Моя возлюбленная Вэньг и грудастая рыжеволосая бестия модельного роста. Я видел её несколько раз до этого в компании Светки. Глаза последней ликующе горели, хоть всем видом она пыталась показать, как ей стыдно и неловко.

– Вэньг, я...

– Между нами всё кончено! – слова любимой ледяными копьями пронзили сердце.

– Да чтоб тебя, – я понял, что по-прежнему держу Светку за руки, стряхнул их, и направился к Вэньг.

– Не подходи ко мне, – прорычала она. – Никогда больше не подходи, дрянь! Изменник! Сволочь!

Ни одна слезинка не сорвалась с её глаз. Вэньг была слишком рассерженна, чтобы плакать.

– Любимая...

– Не разговаривай со мной. Не приближайся ко мне. Не показывайся мне на глаза. Исчезни из моей памяти. Таня, пошли, этим любовным птичкам нужно нащебетаться.

Рыжеволосая лишь пожала плечами, обменялась многозначительными взглядами со Светкой и поплелась за Ли. Прямо в жерло гипертрофированной толкучки у входа в шатёр.

А мы со Светкой остались. За недавнее время на работе мне два раза пришлось пройтись по лезвию. Руками напарника со мной чуть не разделалась малолетняя психопатша; мне чуть не расплавили мозги. Я всё это пережил и стал сильнее. А сейчас мне не хватило духу пуститься вдогонку за Вэньг...

Я трус, мать вашу!

– Ты, должно быть, очень расстроился... – притворяясь участливой, сказала Светка.

– Что?

– Я имею ввиду, дорогой, что у тебя приятные губы, не удивительно, что эта дура Ли на тебя позарилась.

– Опять двадцать пять.

– Вар, я сейчас серьёзно, я люблю тебя, – эти слова были искренними, как мне показалось.

Правда, красоту момента немного подмочил толстяк с громадным бумажным стаканом «пэпси», блующий у столба. Но Светка его не видела и не слышала.

– Я всегда любила тебя, глупый ты эгоист! Сколько времени мы дружим, сколько раз я пыталась тебе об этом сказать. И я говорила. Говорила поступками. Говорила жестами. Но ты не слушал. Нет, мистер, ты не слушал! Твоё счастье – это я. Я всегда была и буду рядом, Вар. Я никогда тебя не брошу, дорогой, как эта дрянная Ли! Эта кукушка, подбрасывающая свои яйца в чужое гнездо! Она не достойна тебя, она предательница. Она подлая. Что ты в ней нашёл, Вар? Что ты нашёл в этой сучке?

Я хотел влить Соловьёвой отрезвляющую пощёчину. Но поздно было строить из себя мужчину. Надо раньше проявлять характер.

Надо было не подавать напрасных надежд...

Я ничего не ответил ей. Мне нечего было ответить. Мне хотелось вернуться домой, накачаться водкой, выкурить блок контрабандных китайских сигарет, обнюхаться байганом, который я никогда и не пробовал...

Но, чёрт подери, билеты стоили так дорого. И Вэньг. Она будет на представлении. Я вполне могу встретить её после всего этого мутагенного цирка и объясниться. Нет, я не позволю рушить пока ещё зыбкую стену нашего с ней совместного счастья! Светка, глупая дурочка. Ты ничего не понимаешь, ты ослеплена своей молодостью и гормонами. Я не пара тебе. Ты не пара мне. Ты достойна кого-то получше. Кого-то, кто будет трепетно носить тебя на руках, сдувать с тебя пушинки и боготворить твою осиную талию, твои пышные русые волосы, твой вздёрнутый носик и твои изящные бёдра. Но только не я. Я не вижу в тебе никого, кроме друга. Которого, увы, совсем скоро потеряю...

– Ну так что? – потребовала ответа она.

– Пошли, скоро начнётся, – буркнул я и поплёлся к входу, осаждаемому всё увеличивающейся живой массой людей и чупакабр.

Я был страшно зол. Без особых церемоний, я принялся рубить локтями путь в живой массе очереди. Светка незаметным хвостиком жалась ко мне. Мне хотелось потерять её в толпе... Увы, бегство от проблем – не панацея.

– Эй, чего без очереди прёшь?

– Так уж вышло...

– Полегче, гражданин.

– Иди в жопу.

– Эй, эй, чего надумал, парень?

– Вчерашний день поймать пытаюсь.

– Но-но-но-но! Спешешь на тот свет, сопля? Я тебе сейчас морду набью, молокосос!

Я не стал распыляться на разговоры, а лишь пнул пожилого жлоба в голень. Вся его спесь куда-то испарилась.

– Куда прёшь, кретин?

– На тот свет.

– Ну, тогда иди с миром...

– Ты прошёл вне очереди, уважаемый, вернись в начало и дочку свою не забудь.

– Ты называешь эту давку очередью? И девочка мне не дочь, она претендует на роль моей подстилки, – цинично сообщил я охраннику. – Слушай, парень, мы ведь с тобой коллеги, – я показал ему удостоверение сотрудника ОБООП.

Охранник невольно выпрямился; видимо, когда прочёл словосочетание «старший лейтенант»:

– Проходите...

Буравящий взгляд его молчаливого коллеги в миг перекрасился из презрительного в уважительный.

– А вы чего уставились? – эти слова были адресованы простым смертным, не имеющим на руках корочки ОБООПовца. – Следующий!

– Сам ты подстилка, – буркнула Светка, когда мы подходили к своим местам.

Мягкие раскладные сиденья располагались вокруг сцены, возвышаясь с каждым новым рядом. Мы уселись чуть ниже условного центра рядов. Достаточно неплохой обзор. Нет, конечно же, это вам не VIP-ложа, но всё же...

Толкучке перед входом не было оправдания. Зал наполнен зрителями лишь на треть. А широкий входной коридор без проблем пропустил бы всю уличную толпу обилеченных граждан за считанные минуты. Но нет же! Люди, стойте у входа, терпите унижительные процедуры ковыряния в ваших сумочках и портмоне, выворачивайте свои карманы на радость больным «синдромом вахтёра» охранникам!

Хотя, какая разница, когда ты уже сидишь на своём законном месте и дожидаясь начала представления?

Светка сидела насупленная, вздыхала и ёрзала, «совсем случайно» задевая меня. Но в эту маленькую игру я не стал играть, без особых усилий не обращая внимания на её попытки привлечь к себе внимание. Я безуспешно высматривал Вэньг Ли. В очереди у входа её не увидел. Да и не мудрено – в том море лиц не сложно раствориться.

От моего профессионального милицейского взгляда не скрылось обилие вооружённой охраны. И вооружены ребята были не резиновыми дубинками а-ля «чесалка задницы», а игрушками посерьёзнее. Огнестрельное и электрическое оружие, в основном. Этот засранец Боно печётся о своей безопасности, ничего не скажешь. Говорят, некоторые его мутанты смертельно опасны. Поэтому сцена затянута куполом из стальной сетки. Усиленная охрана предназначалась на случай, если какой-нибудь «экспонат» вырвется наружу. Но уверен на сто двадцать процентов, что Боно больше волновала его собственная репутация, благодаря которой представления собирали аншлаги, чем, собственно, здоровье зрителей, как таковых, обеспечивающих эти аншлаги. Знаем мы таких...

Тем временем кресла заполнялись людьми и чупакабрами. Местные полукровки не преминули раздобыть билеты на представление их знаменитого собрата по генетическому материалу. И, следует отметить, за ценой не постояли. Практически все передние ряды и VIP-ложи забиты чупакабрами. А потом вопросы возникают, почему люди к чупакабрам не очень-то и хорошо относятся. Почему милиция на днях проигнорировала анонимные звонки и не полетела в гетто... Как к ним хорошо относится, если они всем видом показывают, что богаче нас? Правда, бывал я в байгановых магазинах пару-тройку раз, интереса ради. Так там они – как сама любезность. Сложно понять их, в общем.

А вот и моё солнышко, моя азиатская принцесса!

Вэньг Ли и её рыжеволосая подружка гордо прошествовали вдоль рядов, потолкались в скоплениях спешащего занять места народа и в конечном итоге уселись в кресла. Они расположились в противоположной части амфитеатра, на два ряда выше наших со Светкой мест. Обзору мешали решётки клетки, накрывшей сцену и, конечно же, шныряющие вдоль рядов люди. Вэньг Ли упорно делала вид, что не смотрит в мою сторону. Её подружка не скрывала, что заметила нас. Она даже помахала нам. Светка помахала в ответ.

Раздалась пронзительная трель.

«Первый звонок!» – прогремело из динамиков, щедро понатыканных вдоль брезентовых стен шатра и свисающих с потолка дивными техногенными фруктами.

И без того суетливое мельтешение зрителей, разыскивающих свои места, усилилось. Мне и Светке несколько раз приходилось подниматься, чтобы пропустить вяло извиняющихся граждан, желающих уместиться на нашем ряду. Справа от меня уселась грузная пожилая женщина в пёстром канареечном платье, с фальшивой лисицей на плечах. От неё пахло дешёвыми духами и лекарствами.

Ко второму звонку наш ряд заполнился зрителями за исключением двух мест по левую руку от Светки.

Напряжение повисло в воздухе, как что-то осязаемое, материальное. Казалось, вот-вот, протянешь руку и поймаешь пальцами кусочек потного, нервного, сжатого, как пружина, напряжения...

По всей видимости, охранники утолили зуд гипертрофированного чувства собственной важности, поскольку проход был расширен и наплыв людей по обратную сторону шатра ускорился.

Разумеется, началась давка.

Разумеется, без потасовки не обошлось. Один худосочный очкарик, похожий на божьего человека, которого тронуть грех, влепил оплеуху охраннику, за что отведал резиновой дубинки. Хорошо, хоть не пошёл в ход электропистолет или ещё чего посерьёзнее.

За очкарика вступился лысый здоровяк из толпы. Либо закон равновесия действительно существует, либо у мужика просто чесались кулаки. Но результат один – охранник получил по полной. Для меня загадка, почему его коллеги не связались в драку.

Здоровяк и спасённый им очкарик прошли по коридору, отыскивали свои места и тихонечко в них уселись, став общим пейзажем зрителей амфитеатра.

Двое человек пробирались через наш ряд. Не сложно догадаться, на какие места.

– О, привет, Говард, – дядя Афанас поздоровался со мной за руку, когда пролезал мимо. Он был одет во всё тот же костюм тройку и котелок.

Следом за козлобородым протискивался по ряду худосочный мужчина в чёрном трико. Его правильное лицо чем-то мне напомнило лицо одного западного актёра в молодости, игравшего британского агента с правом на убийство. Не помню ни имени актёра, ни имени его персонажа. А вот лицо... чертовски красивое лицо... да, его забыть невозможно.

Мистер красавец прошёл мимо, едва не вывалив меня за спинку кресла своим внушительным мужским достоинством, так бесстыдно бугрящимся под трико.

Женщина-канарейка с фальшивым боа даже не скрывала, что пялится на него.

«Третий звонок!» – громогласно сообщили динамики после мелодичной трели.

И началось!

Барабанная дробь, оттеняемая едва уловимой флейтой.

В зрительном зале погас свет. Яркие лучи десятков прожекторов в одночасье зажгли манеж. Красный, жёлтый, зелёный, оранжевый, фиолетовый, синий, белый – стуски света множества оттенков и цветов сменяли друг друга в хаотичном бесчинстве. С потолка спустились три громадных зеркальных шара, щедро разбрызгивающих ослепительные блики в лица зрителей.

Звучание флейты нарастало. Дробь ненавязчиво сменил бой африканских барабанов. В композицию вкраплялись экзотические струнные аккорды – загадочная смесь арфы, электрогитары и лютни. В нарастающую вакханалию музыки и света вклинилась скрипка. Вначале одна, потом несколько, и вот уже слышен унисон дюжин скрипок и виолончелей, выводящих прекрасную, сладкую, но в то же время грустную мелодию.

Не знаю, как там других, но меня эта музыка унесла в таинственный край вечных грёз, бесконечного голубого неба и колышущихся на ветру маков...

Так бы в той стране я и остался, если бы внутри клетки, накрывшей манеж, не началось движение. Из прохода одна за другой начали появляться уродливые твари – орломартышки. Они были наряжены во что-то вроде униформы лакея: красный с чёрными полосами жакет и

чёрные брюки. Я видел их на постере. Тело мартышки, морда мартышки, но только с клювом вместо рта и носа, и орлиные крылья за спиной, продетые в прорези жакета.

Эти бесовские создания кувыркались, цеплялись за прутья клетки, порхали в воздухе, время от времени делая захватывающие акробатические трюки. Парочка тварей затеяла драку. Но при рассмотрении, дракой это и не назвать. Скорее психоделический танец уродцев на земле и в воздухе.

Пространство внутри клетки заполнялось новыми орломартышками. Всё больше и больше их становилось. Перевернутая чаша из крепких стальных прутьев заполнялась до отказа генетически-модифицированными организмами. Казалось, вскоре зверькам совсем не останется места, и они превратятся в единую массу перьев, шерсти и клювов.

Вспышка, словно какой-то умник взорвал световую гранату. Резкая смена музыкального оформления, на более ритмичную, дикую, агрессивную музыку.

Когда в глазах прояснилось, я попросту не поверил тому, что увидел. Верх клетки был откупорен. Из проёма бил гейзер орломартышек. Они взлетали к потолку, откуда пикировали на зрителей. Раздались крики множества впечатлительных дам и некоторых мужчин. Светка завизжала и вцепилась мне в руку. Уродец пролетел от нас на расстоянии вытянутой руки. Так, что был ощутим его острый звериный запах. И ещё один уродец, и ещё...

В бешеном ритме музыки и разноцветных вспышек света, мутанты кружились над зрителями.

– Бояться нечего, – сквозь шум и гам я попытался докричаться до Светки. – Они приучены не прикасаться к нам.

– А-а-а-а-а-а-а-а!!! – истерически завизжала канареечная женщина, когда крылатая обезьянка сорвала боа с её плеч.

Мда... таки прикасаются...

Светка сильнее прижалась ко мне.

Дядя Афанас показательно рассмеялся. Его спутник в трико вторил примеру.

Обезьянка таки сжалась, и метнула искусственную лисицу обратно хозяйке, которая, впрочем, верещать не перестала.

Раздался выстрел.

Винючник всего этого хаоса стоял посреди арены. Из ствола револьвера в его руке едва различимо струился дым.

Великий и Ужасный Боно! Укротитель Мутантов!

Как по мановению волшебной палочки, орломартышки все, как одна, влетели в брешь в клетке и скрылись там, откуда появились в самом начале. Стоило последней зверушке исчезнуть, как клетка захлопнулась.

Музыка утихла. Разноцветный хаос прожекторов прекратился. Сцена залилась простым светло-жёлтым светом.

Динамики заговорили восторженно доверительным басом:

– Дамы и господа! Он приехал к вам из далёкого Нью-Йорка, чтобы покорить ваши сердца! Он не знает страха! Он не знает усталости! Он укротил необузданную природу генома! Он собирает аншлаги в Париже и Риме, Токио и Пекине, Москве и Минске, Лос-Анджелесе и Мехико! Его неоднократно встречали и провожали бурными овациями в Дагонске-1! А теперь он прибыл к вам, в город Н! Вы никогда не видели нечего подобного! И никогда больше не увидите, если он этого не захочет! Просим любить и жаловать! Великий и Ужасный! Неповторимый! Непревзойдённый! Неподражаемый! Бо-оно-о-о-о! Укротитель Мутантов!

Фитиль напряжения догорел, и толпа взорвалась стоячими овациями!

Боно впитал нужный заряд аплодисментов и выстрелил из «Смит-энд-Вессона».

Условный знак был распознан молниеносно. Все затихли. Жаждающие зрелища тысячи глаз с надеждой смотрели на своего новоявленного бога – чупакабру в красном с чёрными полосами костюме, с пристёгнутой к поясу плетью.

– Что же, мой приветствие вам! – начал Боно. – Я не люблю много говорить. Я люблю много делать. Вы прийти ко мне на представление, вы хотите получить экстрим, да. Я дать вам его, очень дать! Вы хотите драйв мэд мьютант шоу?

– Да-а-а! – завопил кто-то из зала.

– Я вас плохо слышать! – Боно поймал в мушку револьвера того, кто кричал.

– Да-а-а-а-а! – подхватило ещё человек десять.

– Ай донт хиа ю!

– ДААААААА!!! – восторженной смесью голосов взревел зал.

– Ах так, хотите, значит, – Боно театрально почесал подбородок, якобы размышляя о чём-то невероятно важном. – Ну, раз хотите, так получать!

Укротитель разрядил остаток холостых патронов. Манеж вспыхнул разноцветными прожекторами. Зеркальные шары закрутились ещё неистовей. Колонки изрыгнули странную музыку с различными восточными нотками попеременно с чем-то тревожным и непонятным...

Боно тем временем вытряхнул из барабана отстрелянные гильзы и принялся показательно медленно, но уверенно вставлять новые патроны.

Голос из динамика оповестил:

– Дамы и господа! Вы никогда не видели ничего подобного! Закройте глаза своим впечатлительным детям! Спрячьте взоры сами, если не готовы к тому ужасу, который сейчас предстанет перед вами! Это невероятно! Это страшно!

Пока звучал голос, распахнулся проход, и четверо лысых мускулистых парней в красно-жёлто-синих облегающих трико волокли на сцену нечто громоздкое и прямоугольное, на колёсах, покрытое завесой. Нетрудно догадаться, что под завесой находилась клетка. Волокли они её за цепи, сторонясь стенок, как огня. Совсем скоро клетка заняла центр манежа – рядом с зубоскалящим Боно.

Кто-то, или что-то внутри клетки негодовало.

– Итак! Ошибка мутагенной инженерии! Существо, созданное дагонским учёным Ньегоном Седьмано, который не выдержал уродства своего создания и покончил с собой! Приготовьтесь получить свою долю ужаса и страха! Перед вами предстаёт... СЕРПЕНТИНА!!!

Ассистенты сорвали завесу.

Зал ахнул.

Стройные женские ножки, сочные груди, красивое лицо... Будь посмертно проклят Ньегон Седьмано, это ведь женщина! Вернее, две третьих женщины, а всё остальное – скользкая змеиная чешуя... Она стояла, скаля острые ядовитые клыки, выбрасывая из широких чувственных губ чёрный раздвоенный язык, вцепившись в прутья клетки руками со змеиными головами вместо ладоней. Из потолка выплыл объёмный экран, на котором появился приближённый вид на клетку. Не знаю... На экране глаза с фиолетовыми вертикальными зрачками Сербентины выглядели совсем и не злыми. Печальными, что ли... И выражение лица – такое бывает только у несчастных людей... Ненависть и страх? Нет, я испытал искреннюю жалость к этой затравленной женщине...

– Пусть вас не вводит в заблуждение её внешность! От человека в этой твари нет ничего! Ошибка генетического кода, досадная оплошность! Волк в облики ягнёнка! Она не способна мыслить! Её главное желание – впитаться всеми шестью клыками в ваше тело и влить в него стократную лошадиную дозу смертоносного яда! Но не стоит бояться, дорогие зрители, ведь с нами Великий и Ужасный Укротитель Мутантов! Он вмиг усмирит эту дикую и безжалостную змею!

– Сейчас эта гадина получить своё! – подхватил Боно, снимая с пояса плетью. – Сейчас!

Он взмахнул плетью. Кожаный хлыст опустился на прутья. Зашипев, Серпентина заметалась по клетке. Она протягивала руки сквозь прутья, пытаясь вонзить ядовитые клыки в Боно. Тот специально стоял в нескольких сантиметрах от её змееголовых конечностей, дразнился и хлыстал плетью.

Женщина-змея бесилась. Лицо её искажалось от ярости и гнева, изо рта текла пена.

Невидимый ведущий вновь перенял инициативу, и донёс до зрителей через динамики:

– А теперь, друзья, смертельный номер! Боно покажет вам, почему его зовут Великий и Ужасный Укротитель! Не падайте со своих кресел, ведь сейчас Серпентина покинет свою клетку!

Боно демонстративно вытянул вверх правую руку, на которой заблестел в свете десятков прожекторов металлический браслет. Крупный план на экране не дал усомниться – брелок был испещрён кнопками. Тонкий чупакабриный палец ткнул на одну из них, и клетка посреди арены раскрылась, как экзотический цветок в жаркий майский день.

Шипя и брызгая пеной, серпентина вырвалась наружу.

Не нужно быть гением, чтобы разгадать простую истину: она ненавидела Боно всей душой (вернее тем, что у неё было вместо души).

Выпад, второй, третий, из клыков брызгал яд, что охотно и в деталях демонстрировал зрителям объёмный экран – и всё мимо, всё впустую, хоть порой до цели не хватало нескольких миллиметров. Но Боно был неуловим. Он двигался молниеносно и точно. Его тело было неуклюжим только на вид.

Боно дразнил Серпентину, подставлялся, но в самый последний момент каким-то чудом уклонялся. Это бесило женщину змею. Она шипела и скалилась, совершая неудачные атаки. Моё воображение невольно рисовало ужасные сцены того, что могло бы случиться, будь Боно чуточку медленнее.

Но Укротитель был на высоте. На потеху толпы вдоволь наигравшись с жертвой, он взмахнул кнутом. Серпентина повалилась на пол – стоило Боно дёрнуть за плетень, овившуюся вокруг ноги женщины-змеи. Мгновения спустя, Великий и Ужасный восседал на связанной извивающейся Серпентине. Несмотря на скованность, она не оставляла попыток наградить мучителя укусом смерти. Ещё немного поиграв на публику, водя руками в миллиметрах от клыкастого рта женщины, одёргивая их, порой даже трепля её волосы и уши, Боно набросил остаток длинной плети на шею Серпентины. И принялся душить. Мертвецки белое лицо женщины-змеи вмиг покраснело. Она жалобно заскулила. Глаза Серпентины вылезли из орбит. Она задыхалась. Всё слабее она извивалась, в попытке сбросить с себя Укротителя.

Экран показал крупным планом одержимое лицо Боно. Признаться, я не сильный специалист по эмоциям чупакабр, но сомнений не возникло: Укротитель явно получает кайф.

– Ты убьёшь её, подлый ублюдок! – раздался отчаянный женский голос из зала.

– Да, отпусти! С неё хватит! Достаточно! – подхватили другие сочувствующие...

Боно словно очнулся от наваждения. Посмотрел на бессознательное тело Серпентины, потом на свои руки, продолжающие душить её, потом в зрительный зал.

– Да, я думаю, с этой снэйк бич хватит, – согласился он и ослабил хватку. – Бойс, забрать её квики!

Из прохода на сцену выбежали четыре мускулистых парня в трико. Боно слез с жертвы, и они подхватили Серпентину, заволокли её в клетку и закрыли проход. Ещё какие-то секунды, и клетка вместе с перевязанной плетью женщиной-змеей скрылась в проходе.

И в это время на арену выбежал пятый ассистент чупакабра, который без лишних церемоний передал Боно новую плетень и тут же скрылся.

– Не волноваться, друзья, Серпентина спит, – обратился к опешившему залу Укротитель. – Через полчаса она опять будет хотеть кусать ядом меня и вас!

– Дамы и господа! Ваши бурные аплодисменты Великому и Ужасному Бо-о-о-но! Непревзойдённому Укротителю Мутантов! – взревели колонки!

Зал взорвался овациями.

– Тихо! – рявкнул Боно.

Зал стих.

– Я что-то чувствовать себя колюче, на душе змея ползает! – признался Укротитель.

Пока зрители переваривали его слова, отчаянно гадая, что они могут значить, на сцену выполз громадный красный удав с гребнем длинных колючек от головы и до хвоста. Существо не производило отпугивающего впечатления. Скорее вызывало недоумение и жалость. Я поймал себя на странной мысли, что мне симпатичен этот извивающийся уродец. Было в нём что-то из давно забытой детской сказки, что не пугало. Что-то такое, что располагало к себе, несмотря на всю несуразность и идиотизм сочетания змеиной чешуи и колючек дикобраза.

Разумеется, сие заблуждение могло стоить очень дорого, попадись эта зараза мне где-нибудь на улице. Я бы на неё смотрел с искренним детским умилением, а она бы меня в кольца свои поймала, проткнула длинными иглами (наверняка ядовитыми) и проглотила живьём, после чего уползла куда-нибудь в укромное канализационное местечко, где бы переваривала мои останки месяцок-другой...

Игольчатый питон подполз к Боно на расстояние вытянутой руки, свернулся кольцами, вытянул голову и угрожающе вздыбил иглы, треща ими, как гремучник костяным хвостом.

– Молчать, бич! – порекомендовал Укротитель и выстрелил из «Смит-энд-Вессона».

Змей оказался понятливым мутантом. Вздыбленные иголки сложились в покорности, треск прекратился, гордо поднятая голова склонилась.

– Развлекать всех! – приказал Боно и щёлкнул хлыстом.

Игольчатый мутант пустился наворачивать круги вдоль стенок клетки. И хоть поверх прутьев была натянута двухметровая противозмеиная сетка, ужеёжику переростку не составило бы труда перемахнуть через неё. Правда, зверушка оказалась воспитанная. Вместо учинения террора, она ползала себе по сцене, вычерчивая разные фигуры и слова. Танец безлапой таври.

Ничего особенного я в этом не нашёл. Боно, по всей видимости, тоже, поскольку его и след простыл на сцене.

Светка больше заинтересовалась. Она то и дело выкрикивала буквы, слова, фигуры, которые пытался донести залу питон-дикобраз.

Дядя Афанас сидит возле Светки, как ни в чём не бывало. Задумчиво наблюдает за сценой. После представления надо будет с ним поговорить, спросить, может надо чего помочь или просто компанию составить. Он мне ведь жизнь спас...

Тем временем на сцену выпорхнули орломартышки. Они закружились в на первый взгляд хаотичном ритме, но если присмотреться – в их гротескных воздушных пируэтах читалась слаженность и синхронность. Это невероятно взбесило небритого ужика-переростка. Видимо, воздушные танцы орломартышек задели его творческое самолюбие, если таковое в нём присутствовало. Он перестал «танцевать» и принялся атаковать хвостато-крылатых вторженцев: сжимаясь как пружина и выстреливая в жертву своим телом с раскрытой пастью. Воздушные акробаты держали достаточную высоту, чтобы не стать сытным обедом уродливого питона.

И весь этот бред продолжался бы долго, если бы одна нерасторопная орломартышка не зазевалась и опустилась ниже условно-безопасной линии. Чем не преминул воспользоваться удав...

Визг десятков перепуганных мартышек. Вот сейчас начался настоящий хаос в воздухе! О слаженности не могло уже идти и речи. Со взлохотенных, бьющихся крыльями друг о друга и о прутья клетки зверьков сыпались перья. Довольный удав-дикобраз заглатывал добычу. Орломартышки одна за другой скрывались в проходе. Живая масса шерсти, перьев и клювов втягивалась в дыру, сулящую спасение от рептилии-мутанта. Адреналиновый выброс

ослепил зверьков. В отчаянном стремлении к спасению, они не уступали друг другу. Некоторые из них устроили ожесточённую драку у прохода, в результате чего на земле остались лежать три изувеченных тела орломартышек.

Сцена опустела.

Удаву сегодня везло. Он подполз к тельцам убитых сородичами зверьков и принялся их заглатывать. Одно за другим.

– Сегодня твой удачный день, мистер Колючка! – разбил оцепенение зала голос из динамика и замолк. Больше ему, по всей видимости, сказать было нечего.

«Мистер Колючка» как раз заглатывал последнюю орломартышку, когда мимо него прошёл Боно, удостоив быстрым, но очень злым взглядом. Укротитель вышел на середину арены и заговорил:

– Это не планировать, это получилось само собой, – не стал врать чупакабра. – Спайк лакомиться мой дорогой манкиигал. Я не винить его. Но теперь, когда ты, зритель, видеть кровь, ты разбаловаться. Ты хочешь видеть ещё кровь. Игра на скрипка собака с руками на спина, или цапли с ногами корова, клюющие наглый жабокраб, или пегас из пони и стервятник, или колобок – шерстяной комок, или поющий креветкаволк, или гигантский скарабей катить по кругу шар из головастики, или жонглирующий черепами мэнбэрпиг – это всё тебя уже не интересовать сильно. Ок?

Из зала прозвучали какие-то вялые протесты, мол, так уж и быть, давай нам свою собаку с руками.

– Я не слышать?! – завопил Боно. – Вы хотите видеть блад? Хотите настоящий представлений? Хотите перейти сразу к тому, зачем прийти сюда?

– Да. Да! ДА-А-А! – одобрительный гул толпы нарастал, подобно лавине. – ДА-А-А-А-А!!!

– Вэл зэн, приготовьтесь быть шокированы! – ехидная ухмылка прилипла к лицу Боно, как печёночный сосальщик к печени заражённого. – Гвоздь мой представления! АРЕНА СМЕРТИ!

Арена окропилась кровью красных прожекторов.

Зал взревел!

Народу, быть может, не всегда хватает хлеба... Но зрелища! Зрелища, мать вашу! Сейчас их будет в избытке!

Боно покинул сцену. За ним следом лениво пополз сытый удав-дикообраз.

Заиграла беспокойная музыка. Станный ряд ударных и струнных.

– Хорошо, так и быть, – Боно вновь появился на сцене, катя за собой тележку с черепами. – Мэнбэрпиг я вам всё равно показать!

Укротитель стрельнул из револьвера, щёлкнул три раза кнутом и на сцену выбежал громадный урод. Это невероятное чудовище достигало не меньше двух с половиной метров в высоту. Боно, наверняка большой фанат «Южного Парка», раз обзавёлся такой игрушкой. Гризли с кусками человеческих и свиных частей. Только болезненное воображение дагонских генетических инженеров могло породить эту ВЕЩЬ. Нет, я понимаю ещё в мультике такое нарисовать, но в реальность воплотить...

И как воплотить!

Густая седоватая медвежья шерсть шла плешью свиной и человеческой кожи. Громадная круглая морда разделялась на две части: правая, которая поменьше, принадлежала свинье, плавно перетекая в медвежью. Человеческая грудь, свиной хвост, медвежья спина. Человеческие гениталии в обрамлении шерсти...

Это существо вызывало ужас.

Не только у меня – Светка испуганно зажмурилась и до боли вцепилась мне в плечо.

Разве что Дядя Афанас не проявлял каких-либо заметных эмоций, что нельзя сказать про его компаньона в трико: красивое лицо мужчины застыло в гримасе отвращения.

– Кэч мэнбэрпиг! – рявкнул Боно и бросил мутанту собачий череп.

Чудовище поймало череп человеческой пятернёй, погладило его медвежьей лапой и подбросило в воздух.

Боно тут же бросил ещё один череп. Предположительно обезьяны...

Мутант поймал и его.

– Наслаждаться, зрители, радоваться, это начало Арена Смерти! – сообщил Великий и Ужасный, подбрасывая жонглирующему уродцу новые черепа.

Боно вновь покинул сцену, оставив за спиной челомедведосвина, развлекающего зрителей подбрасыванием звериных черепов. Делал монстр это весьма умело.

Моё воображение не удержалось и нарисовало гротескную картину: мэнбэрпиг отталкивается от пола гипертрофированным свиным копытом с медвежьими когтями, катя тем самым трёхколёсный велосипед...

Интересно, мозг у этого мутанта человеческий, свиной или медвежий?

И вообще что-то не очень это гуманно, как я погляжу... Мне казалось, что человеческие гены нельзя использовать для подобных опытов. А тут тебе и Серпентина, и это лохматое нечто... Ну да, они заверяют, что от человека в этих тварях ничего нет... Но как можно не верить своим глазам?

Не знаю, как там другим зрителям, но меня это представление с самого начала начало напрягать. Пусть этот Боно тысячу раз будет всемирно известным и всё такое... Но мне не нравится, то, что он нам показывает! Несчастные животные, скрещенные непонятным образом, человеческие части... Плюнуть бы на всё и уйти. Да вот денег жалко. Да и Светка правым глазом жмурится, а левым подглядывает, что же там на сцене происходит. Ладно, дотерплю ради неё, куда уж денусь.

С верхней части общей клетки отпочковался купол из стальных прутьев. Он медленно, но уверенно опустился, заточив в себе мэнбэрпига. Но мутант не обратил и малейшего внимания на это. Он продолжал жонглировать.

– Дамы и господа! – возгласили колонки восторженным голосом ведущего. – Это великая честь для вас! Прямо сейчас вы увидите существо, которое ещё не видел ни один зритель до вас! Ни в Париже, ни в Риме, ни даже в Дагонске-1!

На сцене появились лысые парни в красно-жёлто-синих трико. Они волокли крытую телегу – такую же, в которой держали Серпентину. От стенок своей ноши лысики держались также настороженно отстранённо, как и в прошлый раз. Я уж было подумал, что диктор над нами подшучивает и в клетке окажется всё та же женщина-змея. Но мои подозрения развеялись, как осенний туман с дневным бризом, когда из-под клетки донёсся леденящий душу вой:

– У-у-у-ф-ф-ф-ф!!! Гррра-а-а-вк!!! У-у-ф! Т-у-у-ф! Ррровлф!!!

Повозку докатили до края арены, который находился ближе к нашей со Светкой частью амфитеатра. На противоположной стороне бился о прутья мэнбэрпиг, позабывший о жонглировании. Занавес был сорван. Яркие прожекторы окропили дневным светом сцену и зал. Пока мои глаза привыкали к свету, ассистенты скрылись.

Зал ахнул.

В клетке находилось существо, покрытое коричневой шерстью. Сложно сказать, на какое животное оно было похоже. На немецкую овчарку или волка? Скорее нет, чем да. Морда, уши, зубы, вываленный набок язык – напоминали волчьи. В общем, затрудняюсь сравнивать с каким-нибудь зверем. Если прошлые мутанты имели чёткие сходства с животными или людьми, то это чудовище было похоже только на само себя. Думаю, такое может привидеться лишь под действием «Триллера Майкла» – байгана для любителей острых психоделических ощущений. Если верить рекламе, разумеется.

Оно стояло на иррационально загнутых в обратную сторону (по сравнению с человеческими) ногах и трясло прутья клетки мощными длинными лапищами.

А потом оно пересеклось со мной взглядом. Мне так показалось. Но я понял, что эта тварь смотрит не на меня. Она смотрит на Светку!

По спине заползали ледяные черви.

Светка смотрела в тёмно-зелёные глаза чудовища зачарованно. Словно оно гипнотизировало. Существо перестало трясти клетку. Оно буравило Свету взглядом. И будь я проклят, если в этом взгляде плескалась ненависть, злость или жажда крови. Чёрт, это был взгляд существа, обладающего интеллектом! Не побоюсь этого сравнения, человеческий взгляд, исполненный болью, досадой и страданием...

Мне всё больше не нравилось то, что происходило на арене.

– Светка, ты в порядке? – я потряс её за плечо. – Как ты?

Она посмотрела на меня, открыла было губы, чтобы заговорить, но они тут же скривились, ноздри вздулись, а из глаз брызнули слёзы.

Я растерялся. С одной стороны, мне хотелось немедленно схватить Светку за руку и увести прочь с этого придурочного представления. С другой... Что бы подумала об этом Вэньг Ли? Уверен, что она подглядывает за нами. Как любимая расценит такой поступок? Уж точно в мою пользу он не сыграет. Лучше всего дожидаться конца выступления. А там? Ну, дальше видно будет. Может, «случайно встречу». Объяснюсь. Помирюсь. Обнимусь. Да, было бы здорово...

Размышления прервал вездесущий голос ведущего:

– Дамы и Господа! Представляем вашему вниманию ужасающую ошибку генной инженерии! Мутант, родившийся из хаотично смешавшихся кодов ДНК в результате несчастного случая! Бойтесь его! Запомните его имя! И приготовьтесь видеть его в своих кошмарах! Чудовище, жаждущее лишь смерти и крови! Дамы и Господа! Пред вами Горгорот!

Челомедведосвин взбесился не на шутку, неистово тряс прутья. Если я и буду видеть кого-то в кошмарах, то уж точно его, а не Горгорота.

– Приготовьтесь, друзья! – вещали динамики. – На Арене Смерти нет места милосердию! Заходят в неё двое, но уходит только один! Кто победит? Полу-тонная машина для убийства – мэнбэрпиг или ошибка эксперимента, выскочка генетических изысков – ста-пятидесяти килограммовый Горгорот? Дамы и господа! Без лишних разговоров! Вы готовы? LET’S GE-E-ET READY-Y-Y TO RU-U-UMBLE-E-E!!! СЕЙЧА-А-АС ГРЯ-Я-ЯНЕ-Е-ЕТ ГРО-О-ОМ!!!

Одновременно поднялся купол мэнбэрпига и открылась дверца клетки Горгорота.

Хитрый челомедведосвин метнул черепом во врага. Снаряд разбился о прут клетки, некоторые осколки скользнули по цели. Это заставило Горгорота оторвать взгляд от Светки. Зверь выпрыгнул на арену. Издав оглушающий клич, он бросился на врага!

Мэнбэрпиг не стал мешкать. Он метнул череп в мчащегося Горгорота. Но «ошибка эксперимента» проявила не заурядную ловкость, мастерски увернувшись.

Шатёр сотрясся чудовищным звериным воплем. Он был одновременно похож на рёв медведя, визг вепря и крик одичавшего человека. Горгорот сжимал мощными челюстями медвежью лапу. Объёмный экран выдавал ошарашенным зрителям все подробности в приближении: медвежья шерсть мокнет от крови, острые клыки раздирают плоть...

Человеческой рукой челомедведосвин вцепился в шею врага. Со звериной силой пальцы душили Горгорота, но тот и не думал ослаблять хватку. Вместо этого он пустил в ход лапы, осыпая громадную тушу врага ударами – больше бесящими последнего, нежели наносящими реальный урон.

Мэнбэрпиг согнулся и распрямился, подобно титану, рвущему оковы Аида. Зверь отбросил Горгорота человеческой рукой, оставив у того в пасти добрый шмат лапы...

Проехав горбатой спиной по полу арены с десятков метров, Горгорот не стал разлёживаться, театрально показывая зрителям, как тяжела его гладиаторская доля. Он

вскочил на лапы, заглотил добытый в бою кусок мяса с медвежьей шерстью, издал чудовищный вопль и бросился в атаку.

На этот раз мутант медведь оказался расторопнее. Он махнул когтистой лапой, сметая врага на пол, как тряпичную куклу. Бросок, и мэнбэрпиг навалился всем полу-тонным телом на Горгорота. Буквально похоронил его под собой.

– Гр-р-равк! Тявк! Ту-у-у-ф-ф! Ровлф! – доносился слабеющий скулёж из-под него.

Челомедведосвин давил врага массой. Душил его телом и мощными лапами.

Исход боя очевиден...

Я посмотрел на Светку. Она зажмурилась. В периодическом свете вращающегося прожектора блестели слёзы на её щеках. Что с ней случилось – не имею и малейшего понятия. Загипнотизировал её тот мутант, что ли?

– Мммуууааа! Мммуууааа! МММУУУААА!!! – раздался оглушающий вопль.

Вопль отчаяния.

Вопль страдания.

Вопль страха.

Вопль близости смерти...

Вопль мэнбэрпига.

Он подскочил и поплёлся к проходу на сцену. Правда, проход был закрыт. Но в любом случае, мутант не добрался до мнимого спасения. В его медвежье-свиной шее фонтанировала бурой кровью громадная рваная рана. Горгорот под тяжестью полу-тонного сгустка силы и злобы сумел впиться ему в горло.

Челомедведосвин с грохотом повалился в двух метрах от прохода. Вокруг него разрасталась лужа крови.

Он был мёртв...

– Дамы и господа! – взвыли динамики. – Поприветствуйте победителя! Единственный и неповторимый! Кошмар генетического учёного! Кошмар каждого из нас! Злой и неумолимый Горгорот!

Кто-то из зрителей захлопал, кто-то даже завизжал от восторга. Но я не разделял их воодушевления. Эта дрянь подошла к краю клетки, и вновь принялась буравить взглядом мою спутницу. Светка не стала жмуриться, как делала на протяжении всего боя. Она опять пристально вглядывалась в его глаза: то на объёмном экране, то вживую.

Горгорот пугал меня. Нет, не своим уродством. Это трудно объяснить и невозможно понять... Но, в общем, меня пугала его человечность при всей несуразной звериной внешности...

Должно быть, Светка это тоже поняла.

Вот почему она не переставала плакать.

Глупая Светка...

– Вы видели его мощь! Вы видели его коварство и звериную жестокость! Но трепещите! Узрите, как самое страшное существо на Земле покоряется! Станьте свидетелями триумфа Великого и Ужасного Боно! Осознайте, почему его называют Укротитель Мутантов!

На сцене появился Боно. Свой красный с чёрными полосами костюм а-ля лакей он поменял на что-то футуристически облегающее, серебрящееся, напоминающее чем-то одежду биоробота из забытого всеми фильма про миелофон, но только с некоторой модификацией – на поясе, спине, груди, локтях и коленях щетинились тонкие металлические трубки с круглыми набалдашниками, между которыми бегали голубые змейки электрических разрядов. Мистер Молния – так и хотелось дать ему такое прозвище. Левой пятернёй он сжимал «Смит-энд-Вессон»; что-то подсказывало мне, на этот раз в барабане дожидались своего звёздного часа не холостые патроны... В правой руке Боно держал плеть.

– На колени, бист, клонись мне, бойся меня! – завизжал Укротитель и взмахнул хлыстом.

Горгорот рывкнул от боли. Но не сдвинулся с места. Он всё так же стоял спиной к Боно, держался за прутья клетки, накрывшей арену, и сверлил странным взглядом Светку. Невольно возникла ассоциация с провинившимся солдатом. Вот он стоит, прикованный к столбу, а палач хлещет его плетью.

Боно не отвлекался на размышления. Он вновь потребовал от зверя повиновения и наградил того ещё одним ударом плети, оставившим на спине кровавый след.

На этот раз Горгорот развернулся. Да так быстро, что не укладывалось в голове. Вот он стоял на месте, держался за прутья решётки, а тут он уже мчится на Боно, как бык на красное.

Чего-то подобного следовало ожидать. Не добежав метра до цели, Горгорот повалился на пол арены, как подкошенный. Его поразила вереница электрических разрядов, вырвавшихся из металлических прутьев, коими был усеян странный наряд Укротителя.

– Знать место, бист, знать своё факин место, бич! – кричал в экстазе Великий и Ужасный. – Лежать на место, зверь, лежать у моих ног!

Вроде бы кто-то даже заплодировал. Придурок какой-то, должно быть.

Мне этот Боно всё больше и больше не нравится.

Горгорот продолжал лежать, на первый взгляд подобно беспомощному, загнанному охотниками волку. Правда, было два «но». Первое – мутант отнюдь не беспомощно лежал. Опёршись на левые локоть и колено; ему не составит труда в считанную секунду вскочить на ноги. Второе – загнанные волки опаснее всего. Им некуда бежать и они готовы на всё: если и не спастись, так хоть вгрызться своему убийце в глотку перед смертью.

Боно взмахнул плетью, но Горгорот увернулся от удара, перекатившись на другой бок. При этом он ещё и умудрился схватить плеть за конец и со всей силы дёрнуть. Укротитель не ожидал такой наглости. Поэтому-то плеть и выскользнула из его рук, как бойкая скользкая рыбина.

– Ты сейчас получить своё! – взвыл Укротитель и направил длинный ствол «Смит-энд-Вессона» на мутанта.

Но Горгорот не мешкал. Он взмахнул плетью – намеревался, конечно же, выбить пистолет из рук врага. Но выяснилось, что мутант совсем не умеет пользоваться этим оружием. Хвост плети вяло щёлкнул о пол в двух метрах от цели. А вот Боно показал, что своим оружием владеет в совершенстве. Раздался выстрел. Пуля вгрызлась в дощатый пол арены в сантиметре от ноги мутанта.

– Брось хлыст, бич! – настолько грубо, насколько доходчиво порекомендовал Боно. – Брось, мазафака! Или следующий пуля попадать в твой мохнатый лоб!

Горгорот какие-то секунды вёл борьбу внутри себя, но победу одержал инстинкт самосохранения. Он бросил плеть.

– А теперь танцуй, сака!

Горгорот зарычал.

Боно не стал церемониться и пустил пулю возле ноги непокорного мутанта. Горгорот одёрнул ногу.

– Танцуй! – потребовал Боно и пульнул жертве под ноги ещё раз. – Танцуй! Ах-ха-ха! Танцуй! Йи-и-х-а-а! – поймавший кураж Укротитель выпустил остаток обоймы. И на самом деле, со стороны одёргивание ног было похоже на танец.

Танец унижения...

– Подождать, парень, отдыхать, мне надо зарядиться, – смиловился Боно, вытряхивая отстрелянные гильзы из барабана и принимаясь показательно медленно заряжать патроны.

Горгорот не счёл нужным стоять столбом, дожидаясь очередной порции унижения. Он пустился со всех ног на мучителя. Но в метре от цели мутанта опять окутал чудовищный кокон электрических разрядов, извергаемых из прутьев на футуристическом наряде Укротителя. На этот раз укрощаемый упал не сразу. Какое-то время стоял, содрогаясь в конвульсиях.

– О да! Смотреть все – наш парнишка решил сделать электро-танец! – на потеху зрителям покривлялся Боно, защёлкивая барабан револьвера.

Укротитель сжалился над корчащимся на полу мутантом и отошёл на несколько шагов, чтобы пытка прекратилась.

На время...

– Встать, бист! – потребовал Боно.

На удивление многим, Горгорот тут же поднялся. Хотя это стоило ему больших усилий и с первого раза на прямые ноги стать не получилось. Но всё же он сделал это.

– Дэнс, мэджик дэнс! – экстатически взвыл Боно и принялся стрелять под ноги мутанту.

Горгорот выполнил ещё один унижительный танец. Укротитель вновь принялся перезаряжать револьвер. Мог ли он даже предположить, что это в последний раз он перезаряжает свой раритетный 4,2-линейный «Смит-энд-Вессон» образца тысяча восемьсот семьдесят второго года? Мог ли он, Великий и Ужасный Боно, подумать даже о том, что его «объект укрощения» окажется хитрее, чем предполагалось?

Конечно же, нет...

Мутант вновь сделал попытку атаки. Но на этот раз он совершил прыжок в полтора метрах от беспечно заряжающего патроны Боно. Молнии охватили Горгорота, но его несущееся в воздухе тело не остановилось, как это и подсказывали все школьные учебники физики. Сто пятидесяти килограммовый зверь сшиб лёгкое тело чупакабры, накрыл собой, как совсем недавно его самого же накрыл гигант мэнбэрипиг.

Боно завизжал, как резаная свинья. На это были все основания! Правой лапой Горгорот сжимал не скрытое электростойкой одеждой лицо, отдавая приличную часть электрического разряда в мозг чупакабре. Второй лапой монстр сдавливал запястье руки, в которой Боно держал револьвер. Мощной челюстью Горгорот ни много ни мало – грыз всё ту же руку. Превозмогая электро-судорогу, борясь с невыносимой болью. Но грыз...

И отгрыз!

Какие-то мгновения, и Горгорот отполз от тела умирающего Боно. С его рукой у себя в пасти...

Мутант оказался уж слишком смыслёным. Видимо, он подглядел, как Укротитель открывает решётку арены для своих любимых орломартышек, нажимая на кнопки пульта, пристёгнутого к руке. Так уж вышло, что отгрызенная рука содержала бонус-приз – этот самый пульт, которым уже всюду принялся пользоваться Горгорот. Он множество раз надавил на все кнопки. Клетка арены открылась в одном месте в верхней части и в двух местах по бокам.

Всё происходило слишком быстро. Вооружённая до зубов охрана просто не ожидала такого. Эти ребята нанимаются на такую работу, чтобы утолять зуд больного самолюбия за счёт унижения посетителей. К реальной схватке с лохматым чудовищем-убийцей они себя не готовят.

Крики и визг зрителей. Самые быстро-соображающие побежали прочь. У выхода началась нешуточная давка. Даже страшно подумать, сколько в тот вечер человек или чупакабр было затоптано своими же друзьями, коллегами, родными...

Эта тварь двигалась молниеносно. Она подскочила к нам, минуя разбегающихся в ужасе зрителей. Я попытался остановить Горгорота, но он легко отпихнул меня, как крошечного котёнка. Я стукнулся затылком о подлокотник кресла. Однако разлёживаться не стал и вновь попытался атаковать.

Но было поздно.

Слишком поздно!

Горгорот унёс упавшую в обморок Светку, с лёгкостью прорвав дыру в брезенте шатра и скрывшись во мраке ночи.

Это был худший день в моей жизни!!!

ВНИМАНИЕ!

Всеобщая милицейская мобилизация.

С представления «Укротитель Мутантов Боно» сбежал особо опасный мутант Горгорот, лишив при этом жизни самого Укротителя. Существо забрало с собой ученицу десятого «В» класса школы номер двадцать два с углублённым изучением дагонского языка Светлану Соловьёву.

Девушка предположительно уже мертва.

Мутант подлежит немедленному уничтожению при обнаружении.

ВНИМАНИЕ!

Глава 13

– У-у-у-ф-ф-ф, гравк, ровлф, у-у-у-ф-ф-ф, гравк, т-у-у-у-ф, – поскуливал Горгорот, поглаживая четырёхпалой лапой русые волосы Светы. Девушка не приходила в сознание...

Я протолкался сквозь живую гущу страха и растерянности к дыре в брезенте шатра. Какие-то мгновения, и прохладный ночной воздух хлыстнул меня по лицу.

– Дамы и господа... это ужасная трагедия... сохраняйте спокойствие... Великий и Ужасный Укротитель навсегда останется в наших сердцах... – доносился мне в спину скулёж незримого ведущего.

Куда бежать? Повсюду тёмные переулки, битые фонари и отчаяние...

Я едва сдерживал себя, чтобы не разрыдаться, как пятилетний мальчишка, потерявшийся в толпе, оказавшийся в незнакомом месте, вдали от мамы...

– К чему такая спешка, друг, – чья-то рука легла на моё плечо.

Захват. Резкий разворот и залом. Коленом давим шею. Классика.

Парень в чёрном трико лежал у меня под ногами и стонал, чтоб я отпустил. В сумраке ночи лицо было размыто, но это не помешало мне различить его правильные, красивые черты. Ба! Неужто это компаньон Дяди Афанаса? Чего это ему от меня надо?

– Говард, отпусти его, что он тебе сделал? – чуть с запозданием попросил Дядя Афанас. Я чувствовал его присутствие спиной. Почему он заговорил не сразу, а ждал какое-то время, пока я душил его товарища – для меня загадка.

– Что вам от меня нужно? – я не собирался играть роль «мистера учтивость», но душить перестал.

– Я перейду сразу к сути, Говард, – не стал церемониться Афанасий. – Мутант унёс твою спутницу. И ты, хоть и мент, но не имеешь и малейшего представления о том, где начинать поиски. Они сейчас могут быть где угодно. Это при условии, что Светка ещё жива...

– Ах ты паскуда, откуда ты знаешь её имя? – крышка с котла моего самообладания слетела окончательно. Я замахнулся на Дядю Афанаса, но тот встретил мой кулак ладонью. Стоило нашим рукам соприкоснуться, как мою голову пронзила резкая, пульсирующая боль, одновременно ледяная и горячая, неосязаемая и чертовски реальная. Я уже испытывал подобную боль. Такое испытываешь, когда тебе в голову забирается сильный психокинет...

Ноги мои подкосились. Я потерял контроль над телом, которое рухнуло на землю, как мешок с ослиным навозом. Будь ты проклят, Махно!

– Да, парень, я из тех ребят, которых ты обязан отлавливать и поставлять подкармливающей тебя «Фармацевтике Бережных Рук». Я проверил, ты и представления не имеешь о том, что они с нами делают...

Я мог только слушать. В голове роились обрывки собственных мыслей, подавляемые мощной чужеродной волей. Я превратился в овощ.

Сейчас меня нарежут для салата...

– Серёга, пошли, здесь слишкомлюдно, – произнёс Дядя Афанас красавцу в трико.

– На тебе! – Серёга пнул меня в живот, но боли я не почувствовал, ведь всё во мне, даже нервные рецепторы, было подчинено психокинетическими волнами. Парень с завидным достоинством, бугрящимся под трико, поднял меня на ноги и закинул мою болтающуюся как хлыст руку себе на шею. От него пахло табачным перегаром.

Ноги плелись сами.

Как Дядя Афанас, так и его компаньон – молчали всю недолгую дорогу. По пути нам встретился охранник с озадаченным лицом и электрической дубинкой в слегка дрожащей руке. Но он, видимо, счёл меня пьянчугой, которого тащат домой заботливые друзья, и прошёл себе мимо.

Мы оказались в тёмном переулке, укрылись за пузатыми мусорными баками. Не то ли это место, в котором Дядя Афанас спас меня от разъярённого амбала, треснув того старинными часами по лысой башке? Наверняка не то, ведь подобных мест по городу, как крыс не резаных.

Значит так, мальчик, я сейчас отпущу тебя. – Прозвучал голос у меня в голове. – *Обычно, таких как ты я давлую, как клопов, но ты особенный. Я никогда не забуду того, что ты решил прикрыть меня тогда, в переулке. Того здоровяка я свалил больше ради удовольствия, чем ради твоего спасения. Но твои действия были искренни. Уж я-то знаю... В общем, сейчас я отпущу тебя. И не вздумай делать глупости – от этого напрямую зависит твоя жизнь. И если не ради себя, так уж точно ради своей подруги Светы Соловьёвой. Я могу помочь тебе. А ты можешь помочь мне. Услуга за услугу, договорились?*

Я сделал титаническое усилие, чтобы кивнуть.

– Вот и прекрасно, – прошептал Афанасий Михайлович Махно, отпустив моё сознание. – Я запросто могу держать тебя в постоянном психокинетическом контроле, сделать твоё тело послушной марионеткой. Но сейчас мне этого не надо, а тебе – уж давно. Нет, парень, ты будешь работать на меня по своей воле!

Серёга не сводил с меня глаз, время от времени почёсывая своё достоинство.

– Ты сказал, что можешь помочь мне... – ах, как приятно вновь завладеть собой, быть способным произносить собственные слова, думать без цепких «строгачей» инородных мыслей! Хотя... какая уверенность в том, что Дядя Афанас не продолжает прощупывать мои мысли? Без сомнений, он телепат третьей степени! А такие ребята могут многое. Очень многое...

Я влип. Окончательно и бесповоротно. Хотя плевать с высокой горы – я на всё готов, если это только поможет спасти Светку!

– В общем, Говард Андреевич Закиров, приготовься к жгучей правде, – сказал Дядя Афанас. – Тебя и таких как ты идиотов – гладиаторов и баранщиков, как вы любите себя называть – имеют во все дыры ребята из ФБР. А вы им ещё и спасибо говорите, и челом бьёте, и жопу лижете до блеска. Я уже говорил тебе, что дагонцев не существует. Это всё обман, промывание мозгов. А вот что реальность – так это то, что из органов и крови психокинетов делают байган. Да, да, да, парнишка, ты и такие как ты – снабжаете эти алчные морды сырьём...

– Всё бы ничего, – набрался смелости я, – но ведь дагонцы есть. Существуют. Это реальность. Я видел одного своими собственными глазами. Его звали генерал Машхаран, и он повысил меня до старшего лейтенанта за поимку опасной телепатши.

– Чего? – у Дяди Афанаса округлились глаза. – Чего ты мелешь?

– Я не боюсь тебя, – соврал я. – А раз я тебя не боюсь, то и не стану молчать. Но всё же... помоги мне спасти Светку, если ты действительно это можешь...

Цепной пёс Серёга растерянно посмотрел на хозяина.

– Секундочку, – козлобородый усач сделал успокаивающий жест.

В эту «секундочку» мой мозг свело от невыносимой боли, словно тысячи мозговых червей принялись копошиться в извилинах.

– Бляха, мусорской ушлёпок говорит правду, – с этими словами Дяди Афанаса прошла боль в голове. – И это не имплантированные воспоминания. Уж их я-то различить могу. Серёга, мне самому тяжело в это поверить... Но дагонцы и вправду существуют. По крайней мере, один уж точно.

– И что мы теперь будем делать, Дядя Афанас? – дрожащим голосом, полным разочарования и досады, спросил цепной пёс-красавец.

– Да ничего! – рявкнул его хозяин. – Это не меняет ровным счётом ничего. Начало уже положено. Обратного пути нет. Мда... Дела осложняются... Но всё же... Всё же... Ну да, ничего не меняется.

– Но Дядя...

– Заткнись! – Афанасий снял несуразный котелок и вытер капли пота с лысины. В темноте, едва разбавляемой тусклым уличным фонарём, не составило труда разглядеть вздувшиеся вены на лбу.

– Ах, – только и выдохнул Серёга, хватаясь за голову, медленно оседая на землю, как подрубленная сосна.

– Хватит лирики, – попытожил Дядя Афанас. – Перейдём сразу к делу. Если ты, Закиров, хочешь вырвать свою Светку из лап чудовищного мутанта Горгорота, то тебе придётся немного-немало – угнать для нас милицейский флаер. Для тебя это не составит труда, насколько я могу судить по твоим служебным обязанностям, засевшим у тебя в мозге, как адовитая игла.

– Но зачем? – это был риторический вопрос.

Я уже было приготовился к новой порции психокинетического удара по мозгу, как Дядя Афанас ни с того ни с сего заговорил:

– Всё очень просто, парень. Я изначально не хочу, чтобы ты думал, что мы с Серёгой, – он кинул беглый взгляд на поднимающегося с земли раба, – твои враги. Мы друзья. Настоящие. Твой враг – подлая корпорация ФБР, которая пользуется тобой, как послушной марионеткой. Стоят за ней дагонцы или люди, чупакабры или антропоморфные коты с планеты Мяу-Трах – не важно. Важно то, что я бы без проблем мог прополоскать твои мысли и сделать из тебя послушную овечку, блеющую даже при намёке на команду. Но я ведь не делаю этого, Вар, потому что я твой друг. И сейчас я трачу на тебя время, объясняю тебе всё только по этой причине. Скоро... Намного быстрее, чем ты можешь вообразить, всё поменяется. И те парни, которые раньше правили балом, окажутся в лузерах. Грядёт новая эпоха... Ну да ладно, я ещё успею тебе об этом рассказать. Сейчас нам надо спасти твою девочку.

– Если ты мне друг, Дядя Афанас, то хотя бы Расскажи, зачем тебе милицейский флаер?

– Всё очень просто. Ты когда-нибудь задумывался над тем, как работают ваши бортовые датчики психокинетической энергии? Нет. Я так и думал. Разумеется, о датчике настроения на руке каждого – ты тоже не утруждался размышлять. Так вот, мой мальчик, ваши бортовые игрушки – ничто иное, как считыватели информации с датчиков настроения. Эти датчики – паразиты, которые выдают хозяина, стоит мозгам настроиться на волны психокинетики.

– И всё так просто? – профессиональный интерес взял надо мной верх. – У тебя, Дядя Афанас, и у твоего дружка в руках экраны датчиков настроения. Ты сейчас в активной психокинетической фазе. Почему тебя не засекают радары моих коллег? Почему, чёрт

подери, который день мы не улавливаем ни одного вредоносного сигнала? Все психокинеты разом сговорились и сломали свои датчики?

– Ты почти догадался, Вар, – глаза козлобородого загорелись недобрым светом, – но сам подумай, сколько бы привлекли к себе ненужного внимания мои коллеги, вздумай они разом вывести из строя датчики? Ведь всем прекрасно известно, что любые поломки датчиков настроения тут же отображаются в базе данных ФБР. Это нужно для «эффективного взаимодействия корпорации и клиента». Для тотального контроля, короче. Даже самые тупые ментяры заподозрили бы неладное, а про ваш элитный ОБООП уж и говорить не приходится. Массовые поломки начинают вызывать вопросы... Всё очень просто, Вар. Твой покорный слуга нашёл способ перехитрить датчик. Всего-то и нужно – выкурить сигарету! Да, дружище, именно так! Вот ты куришь просто так, из вредности или попытки выделиться из общего стада байгановых наркоманов. А я и такие как я – мы курим ради того, чтобы ваша ментовская братия нас не отыскивала. Никотин и смолы совсем немного действуют на длину мозговых волн, но и этого достаточно, чтобы одурачить ваши радары. Я долго готовился к тому, что мы сейчас имеем. Я научил своих братьев прятаться от вас. Если неделю назад это были только жители Города Н и области, то сегодня это практически все психокинеты Украины, России, Беларуси, Молдовы, Казахстана, Туркменистана и Грузии. Ещё неделя – и этот секрет узнают психокинеты всего мира!

– Ах ты ж хитрый сук...

– Но-но, Говард, нет причин для ругани, – ухмыльнулся Дядя Афанас. – Это было неизбежно. Когда на зверя идёт охота, у него есть только два выхода. Либо сдаться и умереть, либо замаскироваться. И вот когда охотник проходит мимо места маскировки, ничего не подозревает – можно нанести смертоносный удар!

– Такой же удар, который произошёл в нашем главном здании? Погибло пять милиционеров...

– Поверь мне, Говард, ни я, – Афанасий кинул взгляд на своего щерящегося пса, – ни Серёга – не имеем к тому теракту и малейшего отношения. Насколько я могу судить по статьям в газетах, его совершила ваша сотрудница. Корочкина или Корицкина, не помню.

– Корицына, – поправил я. – Она была из тех людей, о которых без притворства говорят: «она и мухи не обидит».

– Ничего не знаю, Вар, – Дядя Афанас неудачно изобразил участие. – Но поверь моему глубокому опыту телепата. Люди далеко не такие, какие кажутся со стороны...

– Поэтому с улиц демонтировали последние сигаретные автоматы? – спросил я. – Но почему тогда не перекрыли контрабанду китайских сигарет?

– Это простое совпадение, ничего больше, – вздохнул Дядя Афанас. – ФБР, как и любая уважающая себя мультикомпания, душит рынок продукции, способной составить байгану конкуренцию. А контрабанда... Что ж, здесь без нашего брата не обошлось...

– Пока мы здесь говорим, вполне вероятно, что тварь Горгорот уже разорвал Светку на мелкие кусочки, – эти слова вырывались из моего рта сухими колючими комьями...

– На самом деле, это маловероятно, – решился успокоить Афанасий. – Я ведь был рядом, когда эта дрянь утащила твою девочку. Я успел заглянуть Горгороту в мысли...

Я выпучил на него глаза. Так, должно быть, смотрит на фары грузовика застывший на трассе лис. Дядя Афанас поймал взгляд, какое-то время он молчал, изучая мои глаза. Это было не больно, значит, в голове моей он не копался. Потом всё-таки Афанасий сжалился надо мной и продолжил.

– Он похитил её не просто так. Он знал её имя. Ещё в его планах не было причинять ей вред. Это всё, что мне удалось различить в запутанном клубке его странных мыслей.

Какое-то время мы молчали.

– Ну да, тогда не хотел вредить, а что он хочет сейчас? – нарушил тишину я. – Мало ли что может прийти в голову этому мутанту. Ты сам сказал, что его мозги запутаны.

– Вот поэтому-то я предлагаю тебе заткнуться и слямзить для нас милицейский флаер, – твякнул Серёга, поглаживая свой внушительный пах.

– Как это поможет отыскать Светку? – я вернулся к тому, с чего начал.

– Очень просто, – поднял бровь Дядя Афанас. – Через радар психокинетических волн можно отыскать любого человека с датчиком настроения на руке. Нужно лишь немного его «перенастроить». Мы умеем это делать быстро и качественно. На самом деле, у нас был такой радар достаточно долгое время. Через него мы и отыскивали наших товарищей по психокинетическому дару и рассказали им про сигареты, посвятили в наши планы... Но позавчера кое-кто разлил на радар кофе... – он испепеляюще глянул на Серёгу.

Словно поджавшая хвост дворняга, Серёга потупился, бурча под нос что-то вроде «извините» или «он всё равно бы скоро сломался».

– Хорошо, я сделаю это, – едва заметно кивнул я. – Мне не составит труда взять наш с Чаном патрульный флаер. Ради Светки.

– Вот и чудесно, – похлопал меня по плечу Дядя Афанас. – Но запомни, друг, я рассказал тебе сейчас намного больше, чем тебе следовало бы знать. Если ты дорожишь нашей с тобой дружбой (а если не дорожишь, то в любом случае дорожишь здоровьем Светланы Соловьёвой), ты будешь нем, как рыба. Ок?

Я кивнул.

– И не вздумай шутить, – продолжил Дядя Афанас. – Я могу отследить каждый твой шаг, могу услышать каждую твою даже крохотную мыслишку. А ещё я могу превратить твои мозги в пережаренную гренку. Но расслабься, я не собираюсь ничего этого делать, – он хищно улыбнулся, сверля маниакальным взглядом. – Друзья должны доверять друг-другу, ведь так?

– Так, – согласился я.

– А иначе я вырву телекинетическими щипцами позвоночник у тебя из спины и воткну его тебе в задницу, – поставил жирную точку в беседе Серёга.

Вполне резонная причина не злить моих новых друзей, как по мне...

Из жизни доблестной милиции 13

Старший лейтенант отдела по борьбе с особо опасными преступниками Говард Андреевич Закиров вернулся из внепланового отпуска также неожиданно, как и взял его. Хотя в общей суматохе, не устаканенной толком после теракта в здании ОБООП и добавленной мутантом-убийцей, сбежавшим прямо с представления всемирно известного артиста – на какого-то там лейтенанта и его график внеочередных отпусков всем было по большому счёту плевать.

«Надоело парню баклуши бить» – подумалось зрителю взлётной площадки Юлию Григорьеву, когда мимо его пропускной будки промелькнула решительная фигура Говарда.

– Пока ты прохлаждался, твой напарник сделал несколько одиночных вылетов, – твякнул вслед зритель.

– Вот как, – буркнул себе под нос Закиров. – Спасибо.

– Решил составить ему компанию в ночном дежурстве? – продолжал праздную беседу седоволосый коротышка Юлий.

Но Говард не расслышал этих слов. Не сбавляя шаг, он уверенно приближался к своему «Крылатому Патриоту – 1280». В салоне лейтенанта ждал непредвиденный сюрприз, способный свести на нет всё задуманное.

– Привет, Говард, – на чистом русском поздоровался Малыш. – Давно не виделись.

– Чан... – Говард попытался собраться с мыслями. – Чан... Я хотел... Представление... Я на нём был... Эмм...

– Ты был на «Укротителе Боно»? – поднял левую бровь Малыш.

– Да, Чан...

– По радиации передали, что мутант похитил Светлану Соловьёву, – не стал церемониться Чан Вэй Кун. – Это с ней ты был на представлении?

– Да...

– И ты тут же пришёл сюда, за флаером, чтобы начать её искать?

– Да...

– Что ж, Закиров, тебе чертовски повезло, что у меня такие же планы, – попытался подбодрить Малыш. – Ты в состоянии сесть за штурвал?

– Да, Чан, я в состоянии... – Говард помедлил, нервно потирая подбородок. – Слушай, Малыш, это ведь личное... Не обижайся, но я хотел бы заняться этим в одиночку.

– Так, понятно всё, ты не в состоянии вести, – вздохнул Чан, заводя моторы, сквозь гул которых он прокричал: – Садись, дурья башка, мы твою девчонку вмиг отыщем и мозги тому уроду продырявим.

Говард не смел послушаться.

Патрульный флаер взмыл в звёздное небо города Н.

Звёзды были чисты, луна полна, а воздух свеж.

Подобно голодным диким псам, рыщущим в поисках добычи, небо расчерчивали лучи прожекторов патрульных флаеров. Они искали сбежавшее чудовище. Мутанта, ошибку генной инженерии. Тварь, убившую самого Великого и Ужасного УМБ! Мразь, похитившую несчастную десятиклассницу Свету.

Они искали Горгорота.

– Пока ты задницу прохлаждал в своём отпуске, – решил развеять повисшее молчание Чан. – Я в одиночку ходил в патрулирование. Ничего особенного, ни одного психокинета – одни только психи и мелкие жулики. Скукотища...

Говард молчал. Но это молчание стоило ему очень многого. Его лицо приняло болезненный, напряжённый вид. В голове Чана тут же возникла ассоциация с молчаливым военнопленным, попавшим на допрос.

– На тебе лиса нета, – произнёс Малыш. – Ты хочешь мне сказать что-та?

– Чан, я... – кожа Говарда стала белее мела, а голос задрожал. – Я даже не знаю, Чан. Я... Блин, Малыш, ты даже не представляешь, как мне сейчас трудно!

– Я не совсем понимаю того, что ты испытываешь в связи с пропажей Соловьёвой, – вновь перескочил на питерский русский Чан Вэй Кун. – Но, должно быть, тебе сейчас очень плохо душевно...

– Эх, Чан, если бы ты только знал... – Говард разрывался на части. Он явно знал что-то очень важное, но всё никак не мог решиться рассказать об этом напарнику. – Это всё объясняет. Всю эту глушь на наших датчиках психокинетических волн...

– Так, Говард, не спеши, сделай глубокий вдох и расскажи мне то, что ты знаешь, – предложил Чан тоном психолога, ковыряющегося резинкой карандаша в ухе, у кушетки с душевнобольным.

– Я... Я не могу так! – бледное лицо Говарда покрылось багряными пятнами. – Посади флаер, Чан, я так не могу. Посади его немедленно!

Малыш посадил флаер на тротуаре проспекта Ленина.

– Вар, ты можешь говорить. Я выслушаю всё, что хочешь сказать.

– Чан, ты лучший на свете напарник, Чан, мне действительно больно, – глаза Закирова заслезались. – Малыш, прости меня!

Чан Вэй Кун забился в судороге. Из его шеи торчали иглы на проводах. Какие-то мгновения, и отступник Карающего Феникса отключился. Иуда Говард аккуратно, почти с материнским тщанием вытянул иглы из шеи напарника и протёр ранки спиртом из аптечки. После чего он вытянул Малыша наружу, оттащил его к ближайшей стенке полуразваленного дома, и оставил там.

Патрульный флаер системы «Крылатый Патриот» вновь рвал дюзами звёздное небо.

«Это всё ради Светки, только ради неё» – пытался утешать себя Говард Закиров.

Щёки взмокли от слёз. Слёзы были чертовски горячими и, казалось, что мокрые борозды разъедают кожу, словно серная кислота.

Слёзы предательства...

Глава 14

Светлана Соловьёва очнулась. В выбитое окно просачивались первые лучи восходящего солнца. В тени облезлых, покрытых мхом и плесенью стен прятался мутант-убийца. Образ уродливого мохнатого чудовища нарушали разве что его тёмно-зелёные глаза. Уж слишком человеческими они были...

– Я тебя не боюсь, – заявила ученица десятого «В» класса.

– Т-у-у-у-у-у-ф, – жалобно протянул Горгорот.

– Зиновий Сергеевич, это ведь вы? – не удержалась Света. – Я знаю, что это вы. Что с вами случилось?

Загнутые в сторону противоположную человеческим колени согнулись, монстр сел рядом с девушкой. Несмотря на густой мех, он дрожал.

– Вам холодно? – спросила Света.

– У-у-у-у-ф-ф-ф, – Горгорот покачал головой. Он старался отворачивать свою страшную клыкастую морду от бывшей ученицы. Градов стыдился своего уродства.

– Нам сказали, что вы ушли на пенсию, – сказала Светка, подбирая к груди колени и обхватывая лодыжки тонкими пальчиками. – Вы сейчас должны быть в Ялте...

– Гравк! – возмутился Горгорот.

Света какое-то время молчала. Ей было невыносимо жалко своего учителя. А ещё она злилась на себя, ведь вместо того, чтобы расплакаться, она сидела себе, как ни в чём не бывало, и вела беседу с Зиновием – беднягой, изувеченным генной инженерией...

– Вы теперь не можете говорить? – спросила Светка.

– Т-у-ф, – жалобно тявкнул Горгорот.

– Но вы всё понимаете, вы – всё тот же Зиновий Сергеевич, ведь так?

Монстр отрицательно покачал головой.

– Что с вами случилось? Кто это сделал? Как бесчеловечно, бессердечно, ужасно... Вы не можете говорить... Но ведь писать вы можете? Зиновий Сергеевич, напишите мне... Да хоть на полу пальцем! Хоть как-то...

Горгорот отрицательно покачал головой.

– Но почему?

Горгорот продемонстрировал. Он коснулся толстым когтистым пальцем пыльного пола. Попытался вывести когтем какую-то букву. Кажется, это должно было быть «В», но на половине дела мутант взвизгнул от боли и схватился за четверню, внезапно забившуюся в конвульсии.

Горячий ком подобрался к горлу девушки, но она не смогла заплакать. Слёзы кончились ещё на представлении Боно. То, что сейчас она испытывала, было намного хуже слёз. Когда ты плачешь – ты вымываешь из души накопившуюся боль. Когда ты не можешь плакать – эта боль, не находя выхода, раздирает тебя изнутри, как загнанная в коробку крыса.

Зиновий Сергеевич хотел утешительно похлопать Свету по плечу, но опомнился, увидев свою уродливую лапу. В тот миг ему захотелось умереть...

– Вам, наверное, очень одиноко...

– У-у-у-у-ф-ф, – жалобно протянул Горгорот.

– Мне тоже... – вздохнула Светлана Соловьёва. – А знаете, Зиновий Сергеевич, давайте друг друга развеселим?

Мутант вопросительно посмотрел на Светку. На какие-то секунды он забыл, что старается прятать свою чудовищную морду от девушки. Хотя во взгляде последней не было отвращения. Уже хорошо...

– Да, именно! – загорелась идеей Соловьёва. – Давайте будем разговаривать. Я буду говорить, а вы будете давать мне знать – «да» или «нет».

Горгорот положительно кивнул.

– Вот и здорово, – попыталась улыбнуться Света, хотя ничего хорошего во всей этой ситуации не видела.

Её учитель превращён в безжалостное чудовище, которое совсем недавно лишило жизни знаменитого Укротителя. Боялась ли Соловьёва? Отчасти. Но не за свою жизнь, нет. Вряд ли Горгорот причинит ей вред – если уж она до сих пор дышит, то... Света боялась за мир, в котором приходится жить. В чём можно быть вообще уверенной, если вместо ялтинского отдыха – твой учитель в облике уродливого мутанта выволочен на сцену в качестве кровавого развлечения? Толчок стола, и картонный домик иллюзий вмиг рассыпался, оставив на гладкой лакированной поверхности пустоту и разочарование, растерянность и грусть...

– Т-у-у-ф, – почти весело тьякнул Градов-мутант.

– Скажите, как вы будете говорить мне «нет»?

– Гравк, – тьякнул Горгорот.

– А «да»?

– Ровлф!

– Тогда начнём?

– Ровлф!

– Вот с чего бы начать, – Светка почесала затылок. – Всегда сложно начать. Дальше просто. Вот чем бы нам... чего бы... эх... Зиновий Сергеевич, вы любите мороженое?

– Ровлф.

– А вы много сортов пробовали?

– Ровлф!

– А я вот, только один раз пробовала – шарик с кокосовой стружкой. Оно было подтаявшее, но всё равно вкуснее я ничего не ела. Мама принесла его домой. Где она достала эту невероятную редкость – для меня до сих пор загадка. Правда, я всем подружкам рассказывала, что съела тогда полведра мороженого разных вкусов и сортов. Некоторые даже верят. Особенно эта сраная корова Вэньг Ли. Как-то по-детски, да?

– Ровлф...

– А тупица Вэньг Ли вообще никогда мороженого не ела!

Зиновий посмотрел взглядом любопытной собаки, пытающейся понять мысли своего хозяина.

– Она украла у меня парня, сучка узкоглазая, – Светка почувствовала, как всё внутри закипает, досада и зависть тысячами крошечных сколопендр забежали по сердцу.

Зиновий Сергеевич Горгорот захотел погладить бывшую ученицу, но не посмел. Он вообще хотел отгрызть себе лапы за то, что осмелился схватить ими Светлану в шатре и принести её в эти развалины на окраине города. Но инстинкт самосохранения не позволял причинять себе вред.

– Вы ведь знаете моего бывшего парня Говарда Закирова? – немного успокоившись, спросила Светка.

– Гравк.

– Ну да, откуда вам его знать? – девушка задумчиво почесала затылок. – Ах, я и забыла совсем. Он сидел рядом со мной на представлении.

Горгорот пожал громадными плечами, покрытыми густой коричневой шерстью, мол, слишком народу было много, на тебя только и обратил внимание.

– Не важно. Это наша последняя прогулка. Знаю я Ли. Сучка своего не упустит. Её показуха, что она его бросает... Дешёвка!

Горгорот внимательно слушал, время от времени кивал, и как никогда сожалел, что не может сказать и слова. Ох, был бы он былым Зиновием Сергеевичем Градовым – вмиг успокоил Светлану и перекрутил всё так, что девушка рада была бы, что у неё парня увели. Говард ведь педагог с не одним десятком лет стажа...

– А знаете, Зиновий Сергеевич, я начинаю догадываться, кто мой отец, – неожиданно переключилась Светлана Соловьёва. – Вы вот спрашивали у меня, и с мамой моей разговаривали. Думаю, для вас её «молчаливый пост» показался чем-то странным. Мне тоже её молчание и... – Света пощёлкала пальцем, подбирая подходящее слово. Слово вскоре нашлось, вероятно даже подчерпнутое с уроков Зиновия Сергеевича, но в значении сего слова Света была не совсем уверена, хотя это не помешало его произнести: – апатия... Да, апатию мамы я долгое время не понимала. Хотя совсем недавно... вы не поверите, но это случилось после теста на совершеннолетие и... попробовала взрослый байган... В общем, я начала немного понимать свою мать. Всё стало на свои места. Я читала её тайный дневник. Упоминания об отце в нём были тщательно вырезаны или замазаны. Я слишком сильно обращала внимание на них, и только сейчас поняла, что разгадка лежала совсем не в отсутствующих записях. Разгадка лежала в остальных записях. Тогда мама была примерно моего возраста. Она страдала от неразделённой любви. Прямо как я сейчас... Всё это записано в дневнике с большой точностью и деталями. А ещё мама писала, что раны может лечить любовь к детям... Тут бы в пору догадаться, что моя мамочка просто пошла и переспала с первым встречным, чтобы зачать меня. Но вы ведь не знаете того, что знаю я.

Горгорот слушал, наострив уши. Очень внимательно, впитывая каждое слово, как губка. Перерыв в исповеди Светы, да ещё и на самом интересном месте – заставил его невольно поёжиться. Он с надеждой поглядел на рассказчицу и жалобно тявкнул.

Света медлила по двум причинам. Первая – она просто собиралась с мыслями. Вторая – просто хотелось помучить учителя. Сколько лет подряд он непрерывно что-то рассказывал на уроках, а Светка и её одноклассники внимали. Теперь всё поменялось, из рассказчика Градов превратился в слушателя. Правда, он ещё и в мутанта превратился...

Странное дельце получается: чтобы начать слушать, нужно ни много, ни мало – просто перестать говорить!

– Думаю, вам можно это рассказать, – Светка решительно кивнула, словно побеждая саму себя в мысленной баталии. – Я не была первой у своей мамы. Был выкидыш на седьмом месяце. Мальчик, мама ему даже имя дала. Вова. Я долгое время думала, что это имя моего отца... И так бы всегда думала, наверное, если бы не перечитала дневник. *На этот раз пошла домой другой дорогой, мимо странной вывески на покрытом белой плиткой двухэтажном здании «экстракорпоральное оплодотворение».* Я специально выучила. Да, можно это списать на любовь к деталям. Но, чёрт подери, почему в дневнике, который кишит деталями и дотошными описаниями – про дорогу домой в тот день сказано одним предложением? Ни тебе разговоров с подружками, ни тебе описания погоды, ни тебе других зданий по пути... Это непохожее на остальные предложение мама оставила мне специально. Она не хочет и не может говорить с кем-либо об этом. И только Богу известно, что она испытывает, когда кто-то спрашивает её о моём «отце». Мама специально оставила дневник, не сожгла, хотя вполне могла. Она сберегла его для меня вместе с загадкой, которую может понять только взрослый. И вот я выросла...

Света сделала глубокий вдох:

– Зиновий Сергеевич, я дитё из пробирки.

Горгорот участливо смотрел на Светлану.

Щёки Соловьёвой взмокли от слёз. Девушка даже и не заметила, что они потекли. Физиология, ничего больше. Слив накопившейся в слёзных железах жидкости. Правда, их не мог не заметить Зиновий Сергеевич...

– Да... Сомнений здесь не может быть...

Некоторое время Света молчала. Последующие слова срывались с её губ весьма нехотя, тихо, словно девушка невольно озвучивала свои мысли:

– Жаль, что вы не можете говорить. Никто не знает того, что я сейчас скажу. Во снах ко мне приходит мой не родившийся братик. Окровавленным зародышем он разговаривает со мной. Но его слова очень трудно понимать, ведь детский ротик ещё плохо предназначен для разговоров. Порой я различаю некоторые слова... *мама, семья, смерть, детство*... Я думаю, что вижу его потому, что у нас с ним был один донор спермы. А вы как думаете?

– Ровлф... Гравк...

– Ну да, сложно всё, – вздохнула Светлана. Её знобило.

Сердце Горгорота разрывалось на части. Соловьёвой сейчас нужен совет педагога, психолога, друга... А он, мутант хренов, даже слова сказать не может, только твякает и поскуливает. Нет! Плевать на своё физическое уродство. Внутри грузного и лохматого тела прячется добрая душа Зиновия Сергеевича Градова. Если и не советом, так хоть её теплом он согреет Свету.

Шершавая лапа с четырьмя когтистыми пальцами легла на спину девушки. Нежные и бережные поглаживания действовали успокаивающе. Соловьёва прижалась к мягкой и тёплой шерсти Горгорота. Девушка хотела согреть своё тело. Но больше всего, она хотела согреть свою душу. И, как ни странно, оба её желания начали осуществляться...

– Убери свои грёбанные лапы от неё, тварь! – тигром прорычал старший лейтенант Говард Закиров.

Рассветное солнце вычерчивало силуэт в оконном проёме. Блеснул электропистолет.

Паника под шатром, на манеже которого Великий Боно отдал своему чупакабровому богу душу, нарастала. Люди, превратившись в единую массу искривленных в криках ртов, рвались к главному выходу. Рвались прочь от смерти.

Разумеется, не обошлось и без жертв. Испуганная толпа людей – ничем не хуже стада баранов, гонимого волком-убийцей. Неудачливая старушка оступилась и легла на пол. Чтобы уже никогда не подняться... Сотни ног многоликого монстра толпы туфлями и туфельками, кроссовками и кедами, мокасами и сапогами – вдавливали пожилую женщину в землю, превращая в бездыханное месиво костей и кровавого мяса.

Две школьные подруги – Вэньг Ли и Таня Паучкова – даже не подозревали, что и они стали невольными участницами убийства. Ведомые паническим страхом, девушки и не заметили, как пробежались по изувеченному, хоть ещё дышащему телу...

Но вот зловещий шатёр позади. Некогда единая, толпа распалась, растеклась по проспекту, как поток муравьёв, выбравшихся из норы. Ещё какие-то мгновения, и никто уже не дышит тебе в затылок. Можно сбавить темп.

Можно попытаться забыть...

Жаль, что мозг не похож на жёсткий диск. Удалять с него информацию – весьма кропотливое и неблагодарное занятие, требующее большого периода времени. И при всём при этом всегда есть вероятность, что удалённое воспоминание выскочит из «корзины» в самый неподходящий момент.

– Говард, там остался Говард, – замямила Вэньг Ли. – Мне не следовало с ним ссориться. Мой мальчик Говард, мой красавчик. Мне нужно вернуться за ним. Он ведь может пострадать, он ведь может даже погибнуть...

Ли трясло в горячке. Она развернулась к шатру.

– Дура! – рявкнула Паучкова и со всей силы дёрнула подругу за руку, увлекая за собой. Ли попыталась сопротивляться, но оказалась слабее... – Ты хоть видела, кого та тварь утащила с собой? Светку! Светку, мать твою! А твой любимый Говард побежал за ней, как герой-любовник. Наверняка они уже мертвы. Ты видела, как то чудовище умеет убивать? Вряд ли оно оставляет кому-то шансы... Я не хочу попасть к нему в смердящие лапы. И тебе не позволю этого!

– Да пошла ты! – забилась в истерике Ли. – Да пошла ты, соска крашенная! Говард пропадёт без меня!

– Успокойся, нервнобольная! – Таня вlepила Вэньг отрезвляющую пощёчину. – Чем ты сможешь помочь ему? Шею свернёшь Горгороту? Ты хоть понимаешь, что он похитил Светку? Тебе мало её жертвы? Хочешь и себя загубить? И меня тоже хочешь? Дура! – Паучкова не пожалела ещё одной пощёчины.

– Ах ты дрянь! – завизжала Вэньг и вцепилась Тане в волосы. – Ах ты ж...

Паучкова застонала от резкой боли. И без того вскипевший котёл нервов треснул от жара и давления, извергая наружу струи пара истерии и кипятка злости. Её тонкие пальцы вцепились в смолянистые волосы подруги, как челюсти бульдога в пятую точку случайного прохожего. Девчонки схватились не на шутку. Какие-то мгновения, и они уже катались по земле, щипая друг дружку, душа, кусаясь, плюясь и вырывая волосы.

И ни один пробегающий мимо человек не счёл нужным вмешаться. Словно так и надо было...

То ли боль стала невыносимой, то ли подруги выдохлись, но вскоре они перестали драться. Просто лежали на земле. Бок о бок. Можно даже сказать – в обнимку. Обе тихонечко плакали.

Слишком тяжёлым оказалось испытание этого дня для девчонок. Как по волшебству, они заснули.

Чтобы проснуться от сладкого мужского голоса.

В бледных лучах уличной лампы стоял человек. Мужчина. В трико. В глаза бросался чрезмерных размеров бугор в области паха.

– Девочки, пора просыпаться, с вами хочет повстречаться ваша подруга, – хищно улыбаясь, сказал Серёга.

– Светка? – потирая заспанные глаза, спросила Паучкова.

– Вы так и будете здесь лежать, как трахнутые бомжихи с херсонского шоссе? – грубые слова человека совсем не стыковались с его красивой внешностью и приятным голосом. – Она не будет ждать вас вечно.

– Ты кто вообще такой? – вполне резонно поинтересовалась Вэньг Ли.

– Я тот, кто может исполнить все ваши заветные желания, – театрально продекламировал Серёга. – А ещё я могу отвести вас к Светлане Соловьёвой. И это... Ли, не пытайся делать вид, что тебе не интересно. Ты ведь прекрасно знаешь: где Светка, там и твой любимчик Закиров...

Таня Паучкова ещё до упоминания о Светке поднялась на ноги. Вэньг Ли встала только сейчас. Они обе ошарашенно смотрели на таинственного ночного незнакомца, как крольчихи на удава.

– Короче, времени у меня нет с вами панькаться, – нетерпеливо произнёс Серёга. – Я лечу туда, где будет Светлана и Говард. А вы как хотите...

Он демонстративно развернулся и зашагал в сторону ближайшего неосвещённого переулка. Шагал он медленно, но уверенно.

Подруги переглянулись. В глазах Тани Паучковой читалось недоумение. А вот на Вэньг Ли разговор с незнакомцем сработал лучше ледяной воды.

– Ты как хочешь, а я пошла за ним, – твёрдо сказала Ли, непроизвольно потирая ушибы, полученные в драке с одноклассницей.

– Я ему не доверяю, – призналась Таня.

– Я тоже, – вздохнула Ли и решительно зашагала в сторону переулка.

– Эй, подруга, а как же я? – сон наконец-то сошёл на нет.

Ли ничего не ответила.

– Нет, ну надо же быть такой эгоисткой! – кинула в след Таня.

Ли опять ничего не ответила.

– Да пошла ты, курица! – продолжала Паучкова.

Ли всё отдалялась.

– Чтоб ты была здорова, засранка, – буркнула себе под нос Таня. Отчаянно топнув ногой, она прокричала: – Стой, Ли, подожди, я с тобой!

Вэньг Ли сделала вид, что не услышала, хотя темп сбавила.

Паучкова нагнала её уже в глубине переулка, освещённого разве что редким светом из окон полуразваленных домов. В конце переулка стоял таинственный незнакомец. В одной руке он держал фонарик. Второй он манил девчонок к себе, как какой-нибудь волшебник из педофилической сказки.

Свет фонарика вгрызался в темноту, вырывал из неё кирпичи стен, мусорные баки, битые бутылки и кусты полыни, пробивающиеся из трещин в асфальте. Девчонки взялись за руки. О недавней вражде и вспылчивой драке как-то не вспоминалось...

В заброшенном дворике сиротливо дождалось хозяина старенькое такси системы «Волга-2113». Шашечки на дверце флаера горели потускневшими от времени неоновыми трубками. Таинственный незнакомец сел за штурвал такси и выключил эти долбанные шашечки. Видимо не хотел, чтобы его гости решили, что их будут везти за деньги.

– Мало времени, Ли и Паучкова, очень мало, – вздохнул Серёга, выглядывая в открытое окно флаера. – Садитесь. Вы что, никогда флаеров не видели?

– Нет, видели, – ответила остолбеневшая у задней дверцы такси Таня. – Но не летали. Я, по крайней мере.

– Я тоже не летала никогда, – не стала врать Вэньг.

– Вот и полетаете, – буркнул Серёга, заводя мотор.

Выхлопные трубы выплюнули отработанные газы. Запах бензина и серы почему-то подействовал на Паучкову успокаивающе. Страх полёта испарился с первым вдохом. Таня дёрнула за ручку пассажирской двери, но та не сдалась так просто. Лишь с третьей попытки дверца нехотя скрипя петлями открыла проход в салон. Сиденья были обшарпаны и протёрты, в надрывах торчал поролон. Здесь к выхлопным запахам примешивался ещё и резкий запах нафталина. Паучкова пятнадцать раз спросила себя «зачем это она села в сей гроб на дюзах?» и начала было выбираться назад, как путь к спасению был перекрыт Вэньг Ли, забирающей в себя.

– Ну что, девочки, полетели? – задал риторический вопрос таинственный незнакомец Серёга.

Мотор взревел. Дюзы выплюнули мощные струи раскалённого газа в землю. Ли с перепуга вцепилась в спинку водительского сиденья. Ей чуть-чуть не хватило, чтобы добраться побелевшими ногтями до поролона... Взлёт чем-то напомнил Вэньг качели. Только бесконечные. В которых ты падаешь вниз без конца, и единственная твоя опора – деревянная седлушка в форме волчьей головы.

Ли глянула на подругу. Та ни во что не цеплялась руками. Просто себе сидела, как ни в чём не бывало. Правда, по телу девушки гуляла мелкая дрожь, а её смугловатое лицо сделалось блее первого октябрьского снега.

– Ну что, не обмочили себе юбочки? – подколот Серёга.

Девушки ничего не ответили.

– Нам недолго лететь, так что не сильно там умишайтесь, – решил завести светский разговор Серёга.

– У тебя здесь устроишься, – фыркнула Паучкова. – Берлога медвежья какая-то, а не салон. В троллейбусах и то уютнее.

– Какая жизнь у нас с вами, такой и салон, – парировал Серёга.

Если верить приборам на панели водителя, «Волга» взяла высоту в двести с небольшим метров и шла со средней скоростью в триста пятьдесят километров в час. Ли даже перестала сжимать спинку кресла.

– Куда ты нас везёшь? – спросила Паучкова.

– К вашей подруге, – ответил Серёга, пробегая пальцами по кнопкам панели.

– Где наша подруга сейчас? – не отступала Таня.

– У меня дома, – невозмутимо отвечал Серёга, медленно толкая штурвал от себя. Флаер пошёл на снижение. – Мы уже прилетели. Остаётся только посадить...

– А эта тварь, Горгорот? – подала писклявый голосок Ли. – Что она сделала Светке? Изувечила?

– Цыть, дура! – цыкнула Таня. – Накаркаешь ещё.

– Это из-за неё Говард в беде, – едва различимо прошептала Вэньг.

– Надоели вы со своим Говардом, – призналась Паучкова. – Носитесь с ним, как с торбой писанной.

Ли хотела ответить что-нибудь язвительное, но не успела. Захватило дух, как при взлёте. Опять бесконечные качели, несущие в никуда...

Салон немного встряхнуло. В троллейбусах и сильнее тряхнуть может, когда цельнорезиновое колесо в яму попадает.

– Вот и прилетели, – признался Серёга. – Вылезайте. Ваша подруга ждёт вас не дожётся... – он едва различимо хихикнул.

Приземлились они на разровненную площадку заброшенной стройки. Лет тридцать назад здесь планировалось возвести новый микрорайон. Таких истуканов былой экономической мощи пруд пруди как в черте города, так и за ней. Флаер нашёл укрытие под потолком первого этажа предполагаемой сорокаэтажки. И хоть в стене была проделана внушительная дыра, в которую без проблем проник бы носорог, мало у кого возникли бы мысли парковаться в этом месте.

Близ развалин осталось множество карликовых домиков, в которых когда-то жили строители. В один из таких домиков с осыпающейся штукатуркой и стрелчатой шиферной крышей направился Серёга. Шёл он быстрее спутниц и скрылся в нём до того, как девушки успели что-нибудь сообразить.

Ли и Паучкова переглянулись, пожали плечами и направились следом. Домик оказался пуст. Разве что за ковролином виднелась квадратная дыра в полу. От прохода к этой дыре в пыли была протоптана свежая дорожка. Оставляя и свои следы, девушки подошли к дыре. Вниз тянулась металлическая лестница, наподобие тех, что ведут к канализационным стокам.

– Этот канализационный люк, наверное, был здесь всегда, – предположила Ли. – А дом сверху поставили. Для отвода глаз.

– Какая к чертям разница? – фыркнула Паучкова.

– Ну вы что, заснули там? – донёсся из отверстия голос Серёги, как из бочки.

– Да идём, идём, – недовольно отозвалась Ли и села на край, свесив ноги в отверстие. – Хотя канализационные люки круглые. А это квадратный...

– Ты гениальна, миссис Ватсон! – заплодировала Паучкова.

– Выкуси, – Ли скрутила подруге дулю.

– Вылижи, – Паучкова без стеснений указала на свой детородный орган.

– Вылизала бы, если бы в мужчинах разочаровалась окончательно, – кинула Ли, после чего повисло недоуменное молчание.

Раздался хохот Тани Паучковой. Ли подхватила, но веселье продлилось недолго. Его оборвал нетерпеливый голос Серёги:

– Ещё нахихикаетесь, вас тут подружка ждёт!

Вэньг в очередной раз посмотрела вниз. Лампочка в стене разбрызгивала тусклый свет на железобетонные плиты пола.

– Будь что будет, – озвучила в миллионный раз крутящуюся в голове мысль Вэньг и полезла вниз. Круглые стальные перекладки неприятно холодили руки. Лестница крепилась к осклизлой стене из красного кирпича, в щелях между которым рос мох.

Паучкова не придумала ничего лучше, как последовать примеру подруги.

– Умные девочки, – одобрил Серёга, дожидаящийся в конце кирпичного коридора, в который вела лестница. – За мной.

Вэньг Ли и Таня Паучкова не смели противиться.

И зря...

Они спустились в катакомбы. Сотни ходов, комнат, лестниц... Целый подземный город. Эхо прошлого, подаренное таинственными племенами скифов. Во время оккупации, откопанное и приведённое в подобающий вид отрядами СС. Место, в котором приносились кровавые жертвы. Вначале Великой Богине Табити-Весте. А потом и Великому Фюреру Адольфу Гитлеру. Место, о котором многие жители города Н упорно пытаются не вспоминать.

Потолки были высоки, стены располагались достаточно широко друг от друга, будто строились они не для простых людей, а для трёхметровых переростков. Кто знает, быть может, так оно и было... По дороге встречались люди. Бледные и молчаливые. Некоторые из них сухо кивали Серёге, чтобы тут же скрыться. На Таню и Вэньг никто не обращал внимания, словно и не было их вовсе.

Подруги шли молча, крепко держась за руки.

После полутёмных коридоров, свет люминесцентных ламп резал глаза. В комнате ждала подруга. Но это была не Света Соловьёва. Да и не совсем подруга, если откровенно. Гадливо хихикая, Серёга закрыл дверь за спинами девушек. Оставляя их наедине. Таню Паучкову, Вэньг Ли и Лену Крохину.

Ту самую Лену, от которой они вместе со Светкой отвернулись, которую прогнали, не взяли с собой пробовать взрослый байган. Оставили наедине с суицидальным настроением и невыносимой болью от проваленного теста на совершеннолетие...

Крохина гордо восседала на старом кожаном кресле (единственном атрибуте мебели в пустой комнате), её каштановые волосы увенчивала пластмассовая диадема с красными стёклышками вместо рубинов. Одета Крохина была, как и в день сдачи теста, в потёртые голубые джинсы и жёлтую байковую рубашу. Правда, длинные рукава были засучены. Словно девушка нарочито хотела продемонстрировать свой свежий и очень уродливый шрам. Место, через которое чуть не вытекла вся её жизнь...

– Ну что, суки, не ожидали меня здесь увидеть, – спокойно спросила Крохина.

– Лена... что... ты... здесь делаешь? – выдавила Ли.

– Что делаю? – ещё спокойней спросила Крохина. – Вдыхаю в себя радость, – она махнула на пол, на котором в обилии валялись отработанные «маски счастья».

– Я даже и не знаю что сказать, Лена, ты... – подала голос Паучкова.

– Не говори ничего, мразь, – порекомендовала Крохина. – Я здесь маленькая королева подземелья. Меня все любят и уважают. А ещё я могу расколоть твою сраную голову, как грецкий орех – просто подумав об этом...

– Ты... чёрт, Лена, ты что, психокинет? – Ли попыталась сглотнуть, но в горле пересохло. Она буквально почувствовала, как каждая волосинка на её теле встаёт дыбом.

– На колени, суки! – вдруг завопила Крохина.

Ли и Паучкова вмиг ощутили, как невидимые клещи схватили их тела и повалили на пол.

– Какая же я королева без шутов-марионеток? – вновь спокойно, даже позёвывая спросила Крохина. – Для полной коллекции осталась только Соловьёва. Ну и Говарда вашего, так уж и быть, в лакеи запишу.

«Вот и доигралась я, дура набитая» – подумала Вэньг Ли.

Таня Паучкова ничего не подумала. Ей было больно думать.

Из жизни доблестной милиции 14

Горгорот вскочил на ноги, закрывая массивным телом Светлану Соловьёву. Оскалился, обнажая кинжалоподобные клыки, из лёгких вырвался рык затравленного зверя. Ноги согнулись в готовности к молниеносному прыжку.

– Чего ты ждёшь, Говард, стреляй в него! – потребовал Дядя Афанас, выглядывающий из-за спины старшего лейтенанта. – Мочи паскуду!

– Не-е-е-т! – завопила Светка, и выбежала из укрытия, пытаясь заслонить своим худощавым тельцем громадного мохнатого Горгорота. – Говард, не делай этого! Он хороший! Он не причинил мне вреда! Говард, миленький, не стреляй!

– Бей его, Вар, не слушай её вопли, – науськивал Дядя Афанас. – Он ни за что не отдаст тебе её. Она теперь его маленькая игрушка. Красивая куколка, которой он будет играть без остановок, пока не замучает до смерти!

Говард не сводил наводки электропистолета с мутанта. Стрелять опасно, можно задеть Светку. Мощность оружия стояла в режиме «поражение на смерть».

Горгорот аккуратно отодвинул Соловьёву за спину. Отлично, открытая линия для огня. Но чего ждал уродливый мутант? Он не нападал. Он стоял в угрожающей стойке, скалился, но не нападал. И что это? Горгорот выровнялся, опустил руки и сменил оскала на... подобие улыбки. Он не хотел сражаться. Словно говорил всем своим видом: «что ж, друг, стреляй».

Пот заливал лоб Говарда, скапливался на бровях и щипал глаза. Но о том, чтобы смахнуть его второй рукой, которой лейтенант поддерживал низ рукояти пистолета, разговоров быть и не могло. Адреналин стучал в висках, а в голове где-то за гранью реальности раздавался вкрадчивый шёпот Дяди Афанаса: «убей эту тварь, убей, убей, убей его, убей Горгорота, убей...»

Говард Закиров засомневался...

– Вар, это не чудовище, это мой учитель! – сквозь слёзы кричала Соловьёва. – Они изуродовали его, превратили в мутанта. Он никому не хотел причинять вреда. Он должен был отправиться на пенсию...

– Бред, Говард, это тупой бред! – завопил Дядя Афанас. – Этих мутантов выращивают из опасных пород земных животных с добавлением генов чупакабр! Никаких людей! Эти твари могут проникать в наши рассудки. Они телепаты. Горгорот сейчас управляет твоей подружкой, как марионеткой!

– Враньё, враньё! – не выдержала Светка! – Говард... – её голос резко оборвался. Слышно было только тяжёлое дыхание Горгорота.

Вдруг Соловьёва отбежала в угол комнаты и забилась в истерике:

– Говард... он... насилдовал... Вар... убей его!!!

Горгорот посмотрел на Светку, потом на выглядывающее из-за спины лейтенанта довольное лицо козлобородного усатого мужчины в старинном котелке. Зиновий Сергеевич Горгорот понял всё моментально. Какие-то доли секунды, и, извергая звериный вопль, он нёсся на телепата, завладевшего сознанием его бывшей ученицы.

Палец надавил на спуск.

Иглы вонзились в мохнатое тело.

Смертоносный разряд в десятки тысяч вольт поразили Горгорота. Он рухнул на пыльный пол.

– Дави его, жги, жги! – экстатически вопил Дядя Афанас. – Пали его органы электричеством! Не жалей! Не жалей!

Светка молча сидела в угле комнаты заброшенной стройки. Нервно грызла ногти. До крови. Потом она начала рвать на себе волосы и вопить. А потом Дядя Афанас вновь завладел её сознанием...

Предсмертные конвульсии Горгорота не прекращались, пока в тэйзере не кончился заряд.

Говард отбросил от себя пистолет, как ядовитую змею.

Грузное, нескладное тело мутанта лежало, раскинув руки и ноги в пугающей позе, на морде застыла предсмертная гримаса боли и злости.

Говард Закиров подбежал к полусознательной Светке, взял её на руки и понёс к патрульному флаеру, который был припаркован достаточно далеко, чтобы шумом дюз не спугнуть мутанта. На выходе из комнаты он встретился взглядом с Дядей Афанасом. Вряд ли взгляд козлобородого можно назвать взглядом нормального человека.

Закиров встряхнул головой, словно пытался выбросить из неё этот взгляд.

У него получилось. Мало ли чего. Показалось, в конце концов...

– Я удостоверюсь в его смерти, – кинул вслед Дядя Афанас. – Жди меня у флаера и не вздумай улетать без меня.

Говард ничего не ответил.

Он был счастлив, что Светка у него на руках. Что она жива. Что Горгорот не причинил ей никаких увечий.

Разве что моральных...

Тем временем Афанасий Михайлович Махно вальяжной походкой направился к мохнатому телу человекозверя, присел перед его мордой и приложил руку к уродливой пасти. Горгорот не дышал.

– Что ж, жаль терять такой редкостный экземпляр, – вздохнул Дядя Афанас, поглаживая густую шерсть мутанта. – Но что поделаешь? Тому, кто не поддаётся моим психокинетическим сигналам, не место среди живых...

Ещё раз вздохнув, Дядя Афанас поднялся, пнул мёртвое тело мутанта и отправился к флаеру.

«Жалость должна быть жестокой» – так написал один американский писатель.

Глава 15

Они ушли. Эти злые люди. И забрали с собой Светочку.

А Горгорот остался лежать в бетонной пыли.

Он не дышал.

Его сердце едва билось. Медленно. Не больше одного удара в минуту.

Было бы здорово перестать осквернять мир своим богомерзким обликом. Отдать на милость Богу душу. Покинуть эту брнную суету.

Странно, почему-то всерьёз вспоминаешь о Боге только перед воротами смерти...

Жизнь сейчас для Горгорота – вопрос воли. Можно сдаться и всё будет кончено. Холодный всепоглощающий мрак...

Но что будет со Светочкой? Что эти твари сделают с ней? Особенно тот, кто умеет проникать в человеческие разумы. От мысли о нём внутри Горгорота всё закипает.

С каждым днём в Горгороте всё меньше оставалось от Зиновия Сергеевича Градова. Мысли тупели, сложные фразы превращались в обрывки слов. Их вытесняли рефлекс

молодого хищника. И всё же... Порядочность, честь, привязанность к людям – не выжрут ни одни звериные гены.

Боль – лишь проявление слабости.

Можно опустить руки и всё будет кончено.

Можно преодолеть боль и продолжить бой.

Застывшее в агонии тело Горгорота содрогнулось. Лёгкие жадно вдохнули воздух и резко выдохнули его, превращая в звериный клич. Мы рождаемся с криком. Перерождаемся тоже с ним.

Электропистолет был выставлен на смертоносный режим. Но не следует забывать, что режим рассчитан на человека. А Горгорот – лишь когда-то им был. И вонзившиеся в него иглы, пропускающие губительный ток, не смогли убить зверя. Но они убили в нём человека...

Горгорот поднялся на ноги. Вырвал из тела провода.

Нюх!

Звериный нюх способен на многое.

Горгорот потянул носом полный запахов воздух. Мутант замечал и раньше, что намного лучше человека способен распознавать ароматы. Но сейчас это чувство обострилось до предела. Подобно библиотекарю, раскладывающему книги по полочкам, Горгорот смог разложить весь спектр запахов на мельчайшие составляющие.

Кислый запах пота, прелой мошонки, одеколona «Русский лес» и табачного перегара. Таков «джентльменский набор» человека, осмелившегося проникнуть в детскую головку Светочки.

Горгорот выбежал из руин заброшенной стройки. Полная луна тоскливо следила за ним, проливая серебристый свет на поросшую бурьяном и полыньёю землю. Плохо. Горгорот пролежал без сознания целый день. Столько времени потеряно... Но у зверя появился неожиданный союзник. Ветер. Он был прохладным и стремительным. Он дружественно трепал шерсть Горгорота и подбадривал его. А ещё ветер приносил с собой запахи: палёной резины, мокрой кожи, крови, земли, растений, пластмассы, спермы, дешёвых духов, кала, бетона, мочи, пота, палёных листьев...

И среди этой вереницы запахов Горгорот различил тот, который ему был нужен. Запах козлобородого усача в котелке.

– Что ж, Говард, ты несомненно прав, – пожал плечами Дядя Афанас. – Я использовал тебя, как карту для размена. Но ты должен понять, на войне не без потерь. В нашем подземном королевстве появилась маленькая королева. И мне, как любому преданному подданному, следует выполнять её прихоти. Мы ведь здесь не хотим, чтобы она расстраивалась, понимаешь?

– Ты долбаный шизофреник, – выдавил из себя я. Мою шею, грудь, руки, запястья и бёдра стягивали металлические пластины, прижимая к сырой бетонной стене. Было холодно и больно.

– О нет, мой милый друг, я не шизофреник. Шизофреники – это все вы. Все эти овцы, жрущие байгановое дерьмо и мирно дожидаящиеся заклания. А я тот поводырь, который выведет вас на путь справедливости и равенства. На путь очищения от лжи и пороков. На путь...

– Хватит заливать, ублюдок, – не выдержал я. – Ты врал мне! Тот мутант... Светка была права, да? Это её учитель, отправившийся на пенсию?

– Скорее всего, да, – почесал бородку Дядя Афанас. – Но это только лишний раз подтверждает все мои слова. Они пускают нас на байган. А тех, кто не подходит – пускают на

генетические опыты. И не надо так на меня смотреть. Привязали мы тебя только ради того, чтобы ты не причинил себе вред. Мы твои друзья, не забывай об этом.

– Не друг ты мне, тварь сраная! – эти слова вырвались из моей души. – Что ты сделал с девочками? Где они? Если хоть одна волосинка с их головы...

– Ох, банально, Говард, банально и пресно, – тоном уставшего от обыденности сноба произнёс Дядя Афанас. – Всегда одни и те же угрозы. Скучно... Ну да ладно, не переживай сильно. Сегодня твои подруги не умрут. И, если ты будешь умным мальчиком, не умрут никогда. Ну, что за глупости я говорю? Умрут, конечно же. Все мы смертны... Но только длина их жизни в некоторой мере зависит от тебя. Сечёшь?

– Чтоб ты сдох!

– Глупый мальчик, горячая кровь, – Дядя Афанас снял котелок, чтобы вытереть пот с лысины. – Что с тебя взять? А ведь твои подруги, в особенности твоя сосалка Вэньг Ли, чуть не довели до смерти нашу маленькую королеву. – Он прочёл удивление на моём лице. Или в голове покопался. Не знаю... – Как, Ли тебе не рассказывала? Они своим безразличием толкнули её на самоубийство. И если бы я не поспел вовремя – то наша маленькая королева так бы никогда и не стала королевой... Так что подумай хорошенько, парень, кого ты защищаешь. Циничных, эгоистичных девок, вот кого.

– Оставь их в покое.

– А я их и не трогаю, – признался Дядя Афанас. – С ними разбирается наша королева Леночка. Да расслабься, она не кровожадная. К тому же, если она их убьёт, то ей не с кем будет больше играть в нашем взрослом подземном королевстве. Но если ты согласишься нам и дальше помогать – я запрещаю ей причинять им физический вред...

– Я убью тебя.

– Это уж вряд ли, – ухмыльнулся Дядя Афанас. – Я опять повторяюсь, только пойми меня правильно. Расплавить твой мозг мне не составит труда. Сделать из тебя тупого послушного зомби – всегда пожалуйста. Но я не хочу так поступать с тобой. Почему? Очень просто, ты мне нравишься. Нет, не подумай ничего дурного. Просто есть люди, которым я симпатизирую. Поэтому тогда в переулке я не дал амбалу задушить тебя, хоть и управлял им... К тому же, твоя башка варит более-менее неплохо. А обработав тебя телепатически – всё это исчезнет. Мне нужны помощники. Думающие, способные принимать решения. Понимаешь?

– Твоя душа сгорит в адском пламени.

– Может быть, – Дядя Афанас принялся пощипывать бородку и философски глядеть куда-то вбок, сквозь стену, что ли. – Это при условии, если оно существует. Хотя душа существует, это факт. Она сидит между сознанием и подсознанием. Нечто вроде передаточного звена. Когда копаюсь в чужих мозгах – постоянно на неё натыкаюсь. Бесполезная вещь, телепатическим воздействиям не поддаётся. Хотя, если копнуть глубже, то в этой эфемерной части мозга и заключается секрет психокинетии. Именно через неё в окружающий мир выплёскивается наша психосила. Ну, так мне кажется. А вообще, Говард, вот что я тебе скажу...

КВАУ, КВАУ, КВАУ, – завизжала сирена.

– Бляха, что за херня! – Дядя Афанас был застигнут врасплох.

Секундами позже он мчался по коридору катакомб. Оставив меня пристёгнутым к стене в сырой камере с тусклым красным освещением. Расчётливый сукин сын не забыл захлопнуть металлическую дверь в камеру и провернуть засовы.

До боли знакомая трель автоматных очередей едва слышно просачивалась в мою камеру. Неужели кто-то вмешался в гениальные планы Афанасия Михайловича Махно? Какая жалость...

А вот и первые крики раненых...

Надеюсь, кричат приспешники Дяди Афанаса.

Затишье.

До того тихо, что слышен тревожный стук собственного сердца. Если бы я только мог вырваться из заточения! Самое страшное, я не помню, как оказался здесь. Мы прилетели по указанному козлобородым адресу, я посадил флаер в районе заброшенной стройки, по наставлению Махно припарковался на первом этаже многоэтажки возле старенького такси системы «Волга-2113». А дальше... Дальше мой разум затуманился. И я очнулся здесь.

Проклятые телепаты.

Нет, в бредовых изречениях Махно есть какие-то рациональные зёрна. Несчастный Горгорот, который оказался пенсионером-учителем Светки, к примеру. Дурят нас, как пить дать. Дагонцы ли, чупакабры ли, люди ли. Но дурят! Не договаривают всего. Хотя это не упраздняет того, что Горгорот хладнокровно убил Боно. Да и психикинеты далеко не паиньки. В достижении своих корыстных целей они ни перед чем не останавливаются. Идут по головам простых людей, порою и по их трупам. Они считают себя сверхлюдьми. В некотором роде они и есть сверхлюди. Но это превосходство вредоносно для нашего общества. Яркий пример – всё тот же Дядя Афанас. Он очень умело забивал мне голову тоннами лжи вперемежку с крупными правды. Разобраться что правда, а что обман – непосильная задача.

Подсказывает мне сердце, не обошлось без его участия в теракте в главном здании ОБООП!

Мысли, мысли, мысли...

Когда ты скован, окружён полумраком и тишиной, остаётся только размышлять...

Тишина разлетелась на мелкие кусочки дикими воплями вперемежку с нарастающим тархтением автоматического оружия. К гулу бойни примешивалось и характерное жужжание электропистолетов и лазеров. А резкий хлопок и лязг металла о бетон говорил лишь об одном – в ход пошли гранаты...

Звуки боя то усиливались, то затихали, то были слышны совсем близко, то становились едва различимыми.

С каждой секундой мне становилось всё хуже от понимания своей беспомощности. От того, что я не в силах что-то поменять. От того, что я пристёгнут к стене, как пришпиленный булавкой ничтожный таракан. Мне хотелось кричать от невыносимого зуда своей ничёмности. Но закричать не хватало духу. Я долбанный трус, вот кто я! Молчаливое терпело, боязливый слизняк, забившийся в раковину. О Господи, Вэньг, Светка и их подруга всё-время-забываю-её-имя! Разве они могут выжить в развернувшейся ужасной бойне?

Это были худшие минуты моей жизни. Минуты? Или часы? Чёрт, время потеряло какой либо смысл...

Несколько раз я слышал шаги в коридоре за стеной камеры. Один раз кто-то остановился у металлической двери. Рука дёрнула ручку, от чего сердце учащённо застучалось где-то глубоко в моём анусе. Но замок не подвёл. Ключ от двери, полагаю, находился у Дяди Афанаса. Кто бы то ни был за стеной, но он не стал упорствовать и ушёл. Так и не обнаружив меня, чтобы всадить в череп с десяток маленьких свинцовых смертей.

Совсем близко раздалось быстрое шлёпанье ботинок о пол. Кто-то убежал. И в этого кого-то разрядили добрую обойму. Животный крик от резкой, убийственной боли, сопровождаемый глухим звуком вгрызающихся в плоть пуль и осыпающихся бетонных осколков. Не хотелось бы мне оказаться на месте этого парня...

Быстрые шаги отдалялись.

Вскоре я остался наедине с тишиной.

По крайней мере, рядом никто больше не проходил и не стрелял в беглецов.

Звуки сражений прекратились.

И я осознал, что лучше бы мне быть на месте того неудачника. Уж лучше подохнуть от огнестрельных ранений, чем медленно высыхать, прикованным к стене.

Ни воды, ни еды.

Самая жуткая смерть, которую можно себе пожелать.

Интересно, я сойду с ума до того, как откинусь от обезвоживания?

– Сиреневые розы, прекрасные апельсины, золотые фонтаны и зелёные фазаны! – я не знаю, сколько времени прошло с момента последнего выстрела, когда я начал визжать, как резаная свинья. Знаю только, что ещё не свихнулся. Просто принялся выкрикивать первое, что попадалось на ум. Мне хотелось, чтобы крики услышали. Хотелось, чтобы злобный палач пришёл и облегчил мои страдания. Хотелось умереть быстро и, по возможности, с минимальной болью. – Ля-ля-ля! Мы везём с собой кота! Светка! Ли! И как там тебя, девка! Все мы мёртвые уже! Что-то не так! Вот тебе, дружок, пятак! Сажу я в темнице сырой, пристёгнутый к стенке ментяра молодой! Ох, долбаный клоун, ох радости перст, отрежь ты мне яйца, ублюдочный ферзь! ФБР! ФБР! ФБР! Фармацевтика долбанных бережных рук! Отпили себе свой загнутый сук! Ля-ля-фа, эти ноты, ля-ля-фа, эти жмоты, ля-ля-фак, чтоб вы содохли!

Я так вопил, что и не услышал шагов в коридоре.

Но вот ручка металлической двери зашевелилась, и я замолк. По ту сторону камеры раздался звон. Словно кто-то поднял с пола связку ключей. Вот и в замочной скважине что-то лязгает. А вот уже и засовы поворачиваются. Медленно. Очень медленно.

Я старался держаться достойно.

Встречаем мы смерть только один раз в жизни. Так давайте же встречать её так, чтобы не было потом стыдно...

Правда, мои опухшие руки предательски тряслись. Дышать я стал очень часто – каждый вздох мог оказаться последним... Сердце... Оно уже давно превратилось в перепуганную птицу, бьющуюся о стенки коробки живодёра. Я был на грани обморока и держался из последних сил. Хотелось заглянуть палачу в глаза. Глупое желание, конечно. Предсмертная прихоть, если угодно.

Дверь отворилась с мерзким скрипом петель.

– Вот где ты, предателя, – своим махровым китайским акцентом произнёс Чан Вэй Кун. Его щеки, бронежилет и правая штанина были выпачканы кровью, левый глаз заплыл, левая рука свисала с плеча, как хлыст.

Уголки его губ приподнялись в едва заметной улыбке.

Из жизни доблестной милиции 15

Бывший отступник тайного общества Карающий Феникс, ныне майор ОБООП Чан Вэй Кун, известный среди сослуживцев под кличкой Малыш, очнулся с ужасной головной болью и сухим, как пустыня, горлом. Первые секунды он не мог сообразить, где находится, но потом воспоминание шипящей волны злости окатило его разум. Из пересохшего рта вырвался глухой рык:

– Говард Закиров, мать его так! Ублюдок и молокосос! Предатель...

Он увёл флаер!

В шее ныло, время от времени обдавая болезненными спазмами. Сотни, нет, тысячи раз Малышу доводилось стрелять в людей из электропистолета, хотя он и не сильно любил это оружие. Предпочитал разбираться с преступниками голыми руками, если позволяла ситуация. За жизнь чего только не довелось повидать. Чана резали широким лезвием гуань дао и острым серпом камы, метали в него сюрикэны, неистово лупили дзютте и нунчаками... один раз даже выстрелили из украденного музейного арбалета, но болт прошёл вскользь по берду, не причинив серьёзных увечий. А сколько раз в Чана стреляли из огнестрельного оружия (правда, промахивались), бросали гранаты (правда, не добрасывали), даже из стационарной

лазерной установки пытались поджарить (правда, не успели разогреть лампы для полноценного выстрела). А как-то один предусмотрительный психокинет обложил вход в свою квартиру скрытыми под коврами медвежьими капканами...

Но, чёрт подери, никто и никогда не стрелял в Чан Вэй Куна из электропистолета! Ведь это оружие – привилегия милиционеров отдела по борьбе с особо опасными преступниками!

Никогда, до сегодняшнего дня...

Ну, Говард, ну мутило, ну получишь ты у Чана!

Малыш не любил носить с собой рацию после того, как во время облавы телекинета второй степени это чуть не стоило Чану жизни. Он попросту забыл отключить звук, и в момент, когда надо было вышибать дверь, из динамика донёсся характерный треск и голос диспетчера. Непростительная ошибка. Правда, удалось отделаться лишь парой тройкой гематом...

Сегодня, здесь и сейчас Чан Вэй Кун пожалел о том, что не пристегнул к ремню рацию. Она бы очень не помешала.

Пришлось терять драгоценное время. Малыш добрался до ближайшего жилого дома, постучал в двери первой попавшейся квартиры в подъезде и потребовал у хозяйки – пожилой женщины с перекошенной улыбкой и выкрашенными дешёвой малиновой краской волосами – доступ к телефону. Женщина стала что-то себе ворчать про то, что ворюги вырезали кабель и телефон не работает, но сей поток бреда тут же был отсечён извлечённым из кармана удостоверением майора ОБООП.

Телефон, конечно же, работал...

Через небольшой промежуток времени Малыш был подобран патрульным флаером капитана Медведовского и сержанта Дмитриченко. Они залетели на базу, где уже собирались остальные милицейские силы, выделенные руководством для санкционированной Чаном операции поиска и возвращения патрульного флаера, украденного отступником Говардом Закировым.

В последнее время радары практически не фиксировали психокинетическую активность. Поэтому с поиском добровольцев проблем не возникло.

Если психокинета нужно отыскивать по его нестандартным волнам, выделяющимся в результате вредоносной мозговой активности, то для обнаружения патрульного флаера достаточно ввести его серийный номер в базу поиска. Каждое милицейское транспортное средство имеет маяк, по которому диспетчером определяется его местонахождение. И если маяк не выведен из строя, то флаер не скрыть в любой точке Земли. Да хоть на Орбите или на Дагонске-1 – поисковым спутникам всё равно.

Как и следовало ожидать, в украденном Закировым флаере маяк был выведен из строя. Поиски обещали стать изнурительным, нерезультативным занятием. Но их пришлось прервать из-за санкционированной Министерством Внутренних Дел боевой операции.

Руководствуясь своими мотивами, чупакабры из гетто отыскиали логово психокинетов. Они заранее сообщили милиции о планирующейся военной операции с привлечением боевых подразделений чупакабр из Киева, Харькова и Москвы, которые уже прибыли в город. Полукровки просили людей если не помочь, то хотя бы не вмешиваться по незнанию в намечающуюся бойню. Высшим руководством ОБООП было принято решение направить дюжину патрульных флаеров, чтобы проверить серьёзность ситуации. Чупакабры не стали препятствовать.

Предполагаемый штаб психокинетов базировался в неизвестных ранее катакомбах под заброшенной стройкой микрорайона в посёлке Лиманы. После завершения построек посёлок планировалось примкнуть к городу.

К большому удивлению Малыша, украденный флаер был обнаружен внутри незаконченной высотки. Он стоял на первом этаже рядом со стареньким такси системы «Волга-2113». Чан пробил по базе: такси принадлежало некоему Сергею Андреевичу Кавуну.

Сей гражданин уже несколько раз привлекался к административной ответственности за хулиганство и числился в общей милицейской картотеке с ярлыками «имеет склонность к выплеску неконтролируемой агрессии» и «эмоционально нестабилен».

Вход в катакомбы был обнаружен в одном из домиков для строителей.

Полукровки не ошиблись! В катакомбах скрывались психокинеты. Сотни, если не тысячи. Неуловимые для радаров, но уловимые для пуль автоматов, осколков гранат и игл электропистолетов...

Эпилог

Афанасий Михайлович Махно, гениальный безумец, решивший переломить хребет мощному монстру по имени ФБР, покинул пленника Говарда Закирова, чтобы вступить в бой. Чтобы защитить то, во что верил, даже если эта вера была непонятна окружающим. Подавляющее большинство даже сочло бы эту веру вредоносной.

Но Дяде Афанасу всегда было плевать на подавляющее большинство.

Милицейские прибыли неожиданно. Десятки патрульных флаеров сели на взлётную площадку тайной базы психокинетов. При посадке они на шумели похлеще гиппопотама, волею случая попавшего в супермаркет китайского фарфора.

И обитатели катакомб приготовились к горячей встрече незваных гостей. Их самые страшные сны стали явью – ОБООП прилетел за ними. И нечего тешить себя ложными иллюзиями и надеждой на светлое будущее. Это только вопрос времени. Если ты психокинет, то будь уверен, рано или поздно тебя ожидает эта участь. И то, что какой-то чокнутый телепат научил тебя скрываться от поисковых радаров – ещё ничего не значит...

Удел любого психокинета – жить в вечном страхе, что за ним придут доблестные ребята в форме и погонах...

Стоило обитателям катакомб принять бой, как милицейские вызвали подкрепление. И вскоре к заброшенному микрорайону в посёлке Лиманы начали слетаться милицейские флаеры, как осы на свежее мясо.

Прилетали флаеры всех возможных милицейских отделов, из всех возможных городов Украины. К разгару боя подоспело несколько грузовых флаеров, до отказа набитых спецназами из России, Беларуси и Молдовы. Гнездо вредителей было обнаружено. Шла всеобщая дезинфекция...

Милиция давила числом.

Но если бы только милиция. Чупакабры! Вооружённые новейшими видами смертельного оружия: от огнемётов до лазеров. Отряды безжалостных убийц, понятия жалости и страха у которых кардинально отличались от человеческих. Они хуже поддавались телепатическим воздействиям. Умирили они гордо и бесстрашно. Зато убивали подло и жестоко, не брезгуя глумлением над телами...

Дядя Афанас был телепатом третьей степени, но он не был военным стратегом. К тому же, подавляющая часть психокинетов примкнула к его рядам больше из страха к милицейским, нежели из уважения к его идеям. А многие из тех, кто способны показать себя в бою – были простыми анархистами и отморозками. Когда случилось нападение, централизованного отражения не последовало. Каждый психокинет был сам за себя. Сражался и бесславно умирал. Некоторые вообще не вступили в бой, а попытались спастись бегством. Только у одного это получилось...

– Серёга, мать твою, где ты, Серёга! – кричал Дядя Афанас, шныряя по коридорам подземелья и превращая в гренки мозги подворачивающихся под руку милицейских. В правой руке он сжимал казацкую шашку прадеда. Время от времени он рубил ей лишившиеся разума тела своих жертв. – Серёга, будь ты проклят!

И Серёга нашёлся. Он лежал на полу в луже собственной крови, сжимая мёртвой хваткой фаллоимитатор, который любил выдавать за свой детородный орган. Дядя Афанас склонился над трупом верного пса. Шея, грудь и ноги Серёги были испещрены пулевыми ранениями.

– Спи спокойно, мудила хренов, – вздохнул Махно и поймал в психокинетические тиски штурмовика, готового уже надавить на спуск калаша.

С особенным удовольствием, как бы в отместку за Серёгу, Дядя Афанас заставил милиционера выпустить себе в подбородок добрую очередь пуль калибра пять сорок пять.

Но силы были далеко не равны. Подкрепление милиционеров всё прибывало. Чупакабрам не было счёта. Психокинететы ложились под их натиском, как трава под лезвиями газонокосилки. Рано или поздно шальная пуля или игла электропистолета настигла бы и Махно.

Мёртвым Дяде Афанасу не осуществить своих идей. Он принял единственно верное решение – спастись бегством. Но по дороге к тайному туннелю, выходящему в нескольких километрах на север от посёлка Лиманы, он решил рискнуть и сделал громадный крюк, чтобы захватить с собой маленькую королеву их подземных владений – Лену Крохину.

По дороге он с большой радостью умертвил с дюжину милицейских и пять чупакабр в странной оранжевой броне, с металлическими ранцами за спинами.

В апартаментах Крохиной царилась смерть. В озёрце крови лежали десятки вывернутых, выкрученных, изломанных, раздавленных штурмовиков. Королева сидела в троне – стареньком кожаном кресле. Всё бы ничего, но вот только по лбу девушки тёк маленький багровый ручеёк. Тёк он из пулевого отверстия в черепе.

Лена Крохина была мертва...

Утихший было огонь отчаяния в сердце Махно запылал с невероятной яростью. Ещё сильнее, чем при обнаружении Серёги. Дядя Афанас окинул комнату взглядом бешеного зверя, желая выместить злость на первом попавшемся живом существе. Ох, если бы только встретились эти три малолетние сучки, которых он привёл своей королеве для развлечения! Он бы заставил их выцарапать друг дружке глаза до мозгов! Но их не было. Ни живьём, ни трупов. И по дороге сюда их не было. Неужели милицейские вывели сучек на поверхность? Последний раз, когда Дядя Афанас их видел, они были переодеты в свиней и ползали у ног Леночки, хрюкая и моля не причинять им физическую боль...

Их унижения развлекали маленькую королеву.

Ах, девочка Леночка, на тебя было столько надежд...

Дядя Афанас смахнул скупую мужскую слезу.

Теперь-то уж точно в этих катакомбах его ничто не держало.

Он благополучно покинул подземелье через тайный туннель, о котором знал только он один. По дороге, разумеется, ему пришлось умертвить ещё с десятков-другой гнусных штурмовиков...

И вот он, Афанасий Михайлович Махно, в безопасности. Посреди заброшенных полей, на которых когда-то растили то ли подсолнух, то ли пшеницу, то ли рапс. За его спиной глухо раздаются финальные аккорды боя. Страшная симфония смерти. Смерти тех, кто по тем или иным причинам вступил в повстанческую армию Махно. Что ж, это серьёзный удар. Но разве Дядя Афанас прогибается перед трудностями?

О нет! Нет и ещё раз нет!

Он создаст новую армию. И на этот раз всё у него получится. Это ведь благодаря его стараниям множество психокинетов по всему миру узнали, как маскировать свои мозговые волны. Они обязаны ему всем. И, будьте уверены, Махно найдёт способ потребовать с них этот долг.

О да! Да и ещё раз да!

Битву он проиграл, но война продолжается!

Эти ублюдки из ФБР ещё услышат об Афанасии Михайловиче Махно! Да так услышат, что мало им не покажется! Так услышат, что бывшая кровавая слава его прапрадеда Нестора померкнет на фоне ожесточённых боевых действий, устроенных Дядей Афанасом!

А сейчас нужно переждать бурю. Нужно выжить, чтобы потом отомстить.

Луну скрыли облака. Словно сама ночь желала прийти на помощь Афанасию Михайловичу, спрятать его от злобных глаз милицеских патрулей. Какая удача!

И овраг невдалеке – прекрасное место для укрытия.

Природа благословляла Дядю Афанаса.

Так ему казалось...

Он уместился в овраге, зарылся в зарослях полыни и бурьяна. Рядом с собой он положил окровавленную шашку. И принялся ждать своего часа. Несмотря на ужасные потери, которые довелось понести, Дядя Афанас поймал себя на мысли, что его переполняют чувства торжества и радости. Такие голые и искренние чувства испытывает разве что малолетний хулиган, очень сильно напакостивший и избежавший сурового наказания жестокой мачехи.

Вдалеке раздавались раскаты дюз, выбрасывающих отработанное топливо. Милицеские флаеры начали разлетаться. Сердце Дяди Афанаса сжалось в крошечный комочек, когда прямо над ним пролетала эскадра патрульных машин.

Пронесло.

Они улетели, не заметив своего главного врага. Они сами обрекли себя на его месть.

Дядя Афанас решил пролежать в овраге до утра. А после можно спокойно выбираться и идти в ближайший посёлок, слиться с его жителями и вынашивать зловещие планы мести.

В самую пору бы поспать, набраться сил, но сон не шёл в голову Дяди Афанаса. Не до этого было, ведь мозг уже прорабатывал схемы дальнейших действий. Первым делом следует завербовать новых приближённых. Это будет не трудно, главное, раскрыть им глаза...

Луна клонилась к горизонту. Чернота ночи сменялась ленивой серостью рассвета. Дядя Афанас старался всегда держать себя в психокинетической форме, и редки были моменты, когда он не мог воспользоваться психоволнами. Вот и сейчас, ощутив, что действие прошлого байгана закончилось, а вместе с этим утратился дар к телепатии, Махно открыл плоскую сумочку, которую всегда носил под своим пиджаком в белую полоску. В сумочке были ампулы с концентрированным байганом «Прямая ночь» и сигареты. Вначале он выкурил сигарету, после вдохнул «маску счастья» и закурил ещё одну сигарету. Ни один милицеский радар не покажет, что здесь зародился источник мощной психокинетической энергии.

И всё...

Он появился очень стремительно и совершенно неожиданно. Видимо, очень ловко и тихо подкрадывался.

Горгорот!

Он возник перед оцепеневшим от страха Дядей Афанасом, как ангел смерти перед грешником. Горгорот смотрел на него глазами уставшего старика. Но они блестели взглядом молодого зверя.

– Ох, чёрт бы тебя драл, дружище, ты пришёл за мной... – еле выдохнул Дядя Афанас, пытаясь пробраться в мозги мутанта. Но, как и в прошлый раз, козлобородого постигла неудача.

Горгорот едва заметно кивнул.

– Ровлф, – спокойно, не рыча произнесла пасть.

– Я ничего ей не делал, клянусь, – Дядю Афанаса била дрожь. Он схватился за шашку, но скользкая от крови рукоять выскочила из трясущейся руки. Тело налилось свинцом. Да и вздумай Махно бежать – это бессмысленно. – Твою Светку забрали менты. Они ворвались к нам. Перебили всех...

– Туф, гравк, – кивнул Горгорот и оскалил кинжаловидные клыки в чудовищной улыбке.

– ОХ, МАМОЧКА, ОХ ЧЁРТ!!! – завопил Дядя Афанас.
Горгорот принялся разрывать его тело на мелкие кусочки...

Ну вот и кончилось всё. По крайней мере, для меня.

Нет, я продолжаю жить, чувствую себя здорово и всё такое...

Я имел в виду свою карьеру гладиатора в отделе по борьбе с особо опасными преступниками. За укрытие важной информации от напарника, за кражу патрульного флаера и передачу его в пользование преступным элементам, меня лишили звания старшего лейтенанта. Тем, что меня не попёрли ко всем чертям из отдела, а то и в тюрьму не упрятали – я обязан всё тому же напарнику Чану Вэй Куну. Он сделал всё возможное, чтобы я обошёлся минимальными потерями. Чан, если ты читаешь сейчас эти строки, спасибо тебе за всё. И... прости меня... Я был недостоин такого напарника, как ты. Я подвёл тебя, твоё доверие, твою дружбу... И после этого ты всё равно не отвернулся от меня...

Признаться, чем выше ты летаешь, тем больнее падать. Меня понизили до сержанта и записали в «вечные баранчики». Что ж, могло быть намного хуже.

Ну и ладно. Жизнь на этом не заканчивается.

В принципе, я мог остаться и при звании, и при хорошем расположении начальства. Стоило только доказать, что действовал я не по своей воле, а был ведом психокинетической силой Афанасия Махно. Увы, я не стал этого делать.

Терпеть не могу врать!

Но плевать на работу. Главное, что девчонки живы. Моя любимая Вэньг Ли, Света Соловьёва и их подружка Таня Паучкова (наконец-то выучил её имя). Все трое были спасены.

А Крохина, оказавшаяся психопаткой и телекинетом третьей степени, не захотела сдаваться живьём...

Она издевалась и унижала трёх подружек. Воспоминания об этом ещё долгие годы будут преследовать их. Но, если интересно моё мнение, лучше жить с маленькой психологической травмой, чем не жить вообще.

Солнышко Вэньг Ли, моя кареглазая китайская богиня. Я люблю её. И сделаю всё, чтобы она как можно скорее забыла весь тот ужас, который произошёл с ней. Кстати, мы помирились. Мы вместе. И вы не поверите, я собираюсь сделать ей предложение! Жду вот подходящего момента...

Со Светкой всё гораздо сложнее. Она тяжело перенесла психологическую травму. Меня она старается обходить стороной. Стоит мне заговорить, как она погружается в молчание, словно её мать, когда у той спрашивают про отца Светы. Думаю, Светка до сих пор считает, что во всём плохом, что с ней произошло, виноват я. И ещё она никогда не простит мне того, что я выстрелил в Горгорота...

Да, я специально говорю «выстрелил» а не «убил», поскольку тела мутанта на месте никто не обнаружил. На заброшенной стройке остался лежать только мой тэйзер. В общем, или кто-то похитил тело, или по окраинам города Н бегают двухметровый мохнатый мутант, способный выдерживать смертельную дозу электричества.

Анализ ДНК крови, оставшейся на иглах проводов электропистолета, показал, что исследуемый код подозрительно похож на код пенсионера Зиновия Сергеевича Градова...

Я настоял на расследовании через Чана, ведь сам-то я потерял авторитет у коллег.

Расследование оказалось далеко непростым, пришлось усилиями ребят из других силовых структур поднять засекреченные дела, покопаться в базах данных, в которых нам, обычным смертным сотрудникам ОБООН, копать не положено. Малыш сам проявлял инициативу и торопил расследование. В конечном итоге ответ был дан. Градова похитили незадолго до посадки на грузовой флаер, который направлялся в пенсионный пансионат

города Ялта. Исполнителей похищения установить не удалось. Зато удалось узнать заказчика. Конечно же, им оказался Великий и Ужасный Боно Укротитель Мутантов!

Суровый рок – погибнуть от лап своей жертвы...

А что же касается Дяди Афанаса – то его обезображенное тело... нет, не так. Некоторые части его обезображенного тела были обнаружены в четырёх километрах от входа в катакомбы. Ещё один намёк на то, что Горгорот жив. Это пугает. Если он действительно такой мстительный, то вскоре придёт и за мной...

Афанасий Михайлович Махно! Серо-зелёные, похожие на кристаллы апатита глаза, козлиная борода, усы, древняя шляпа с короткими полями и костюм тройка в белую полоску – на первый взгляд простой чудак, но уж подавно не маньяк и психопат. Классический пример, подтверждающий тезис: «внешность обманчива». Его бредовые речи были полны обмана и душевной болезни. Но всё же... Были ведь и крупницы правды.

Чему верить, а чему нет? Нас имеют, нам промывают мозги, нам продают товар, который не следует продавать – ведь это правда. Именно поэтому я и отказался от байгана. Потому что не могу терпеть, когда меня держат за тупое быдло.

ФБР использует психокинетов в качестве сырья для байгана? Вряд ли. На такую дикость не способен ни один более-менее вменяемый человек. А дагонец и чупакабра – так подавно.

Всемирное восстание психокинетов? Что-то тихо пока всё. Враги общества забились по своим норам и сидят молча, боясь лишний раз пошевелиться. Бойня в катакомбах послужила им всем хорошим уроком. Теперь ведь не секрет, что сигареты сбивают работу поисковых радаров. Уже ведутся разработки по созданию поисковиков нового поколения, которые будут без проблем отслеживать не только мозговые волны, но и содержание никотина в крови. У врагов общества нет и малейших шансов. И они знают это. Они боятся этого. Уверен, многие даже перестали употреблять байган, чтобы не будить свои вредоносные способности мозга. Такие ребята для нас вроде бомбы замедленного действия. Выявить в них психокинетов крайне сложно. Разве что заставить употребить байган. Но это неблагоприятное и хлопотное дело, то же самое, что искать монетку на дне океана. А из-за скрытых носителей заразы тень подозрений упадёт и на добропорядочных граждан, таких как я, к примеру.

Хотя... я ведь ни разу не пробовал взрослую «маску радости». Идти наперекор всем, быть белой вороной! Да кого я обманываю? Я просто до смерти боюсь, что вместо обычной реакции, во мне проснётся психокинет...

Никаких пенсий нет, это всё ложь, чтобы послушное баранье стадо шло на убой без лишнего блеяния? Отказываюсь категорически в это верить! Бред! Бред! Бред! Беее!

Но в любом случае, речи Дяди Афанаса не прошли мимо. Они зародили во мне ростки сомнений. Чёрт, терпеть не могу, когда нет определённости!

Это злит и нервирует.

Что ещё?

А разве ещё что-то надо? Мы живы – и это главное...

Бывший старший лейтенант
Говард Андреевич Закиров.

Из жизни доблестной милиции

За многолетнюю преданность делу. За неоднократно проявленную доблесть. За мужество и самоотдачу. За упорство в поимке особо опасных преступников. За инициацию расследования, выведшего на чистую воду тёмные дела Боно Укротителя Мутантов, что привело к последующим разбирательствам...

Майор отдела по борьбе с особо опасными преступниками Чан Вэй Кун был удостоен наивысшей чести – досрочной пенсии!

За ним прилетел «самолётик счастья стариков-работников». Предполагалось, что СССР умчит Малыша на заслуженный отдых в Гоа.

Но Чана не оказалось дома.

Его не оказалось и в городе. И в стране...

Проводя личное расследование о Горгороте, Чан Вэй Кун узнал многое. Даже большее, чем предполагали ребята из ФБР. Так бы они отправили за ним не самолётик счастья, а отряд дагонских спецназовцев. И сделали это на несколько недель раньше.

Дважды отступник. Он мог рассказать всё своим товарищам и коллегам, мог пролить свет на злодеяния и ложь. Про то, что людей держат за тупое стадо. Про то, что психокинеты хороши для байганового бизнеса в качестве тушек, запечатанных в коллекторы, заживо выцеживаемых до последней капли крови месяцами, а иногда и годами. Про то, что из пенсионеров получают мало сырья, и в расход их пускают больше из-за того, что не хотят тратиться на выполнение обещаний. Как никогда ещё подавляющая масса людей была объединена общей идеей – о жизни на пенсии. Высший пилотаж при этом кормить умы несуществующей истиной.

Таким стадом легче управлять. И с него легче стричь шерсть, задабривая байгановой травкой.

Самое страшное, помимо дагонцев и чупакабр, ФБР управляли и люди. Многие из них известные личности: олигархи, звёзды кино и эстрады, политики.

Чан мог рассказать всем. Его бы послушали. Он мог поднять восстание... Но, как когда-то в молодости, он бросил близких в беде. Правда, сейчас он был мудрее. Если раньше он предал соратников из-за простого страха. То сейчас сделал это лишь потому, что понимал свою беспомощность. Попробуй он что-либо изменить – сделалось бы только хуже. Пролилась бы ненужная кровь. Много крови. И здесь не обошлось бы одними только повальными «досрочными выходами на пенсию». Что можно говорить о враге, который не ценит человеческую жизнь? Который по мимолётной прихоти может сжечь в ядерном огне целый мегаполис?

Когда ты смотришь сквозь слёзы на смертельно больного товарища, что ты можешь? Помочь ему скорее умереть, перестать мучиться. Остаться наблюдать, как он угасает. Или просто уйти...

Чан покинул свой новый дом, чтобы вернуться в старый. В Шанхай. Ему не терпелось повидаться с бывшими товарищами по Карающему Фениксу. С теми, кто смог выжить и приспособиться. Чтобы попросить у них прощения...

А ещё он намеревался отомстить Триадам. За тот страх, который на долгое время превратил Чана в труса, убивавшего и травившего чужих врагов в попытках доказать себе свою смелость.

Малыш поклялся, что если останется жив, то обязательно возьмётся и за ФБР.

Иногда человек уходит от смертельно больного товарища для того, чтобы потом вернуться к нему с лекарством.

Лишь бы не опоздать...

Николаев – Коблево
8.06.2010 – 22.09.2011
Доработано: 25.05.2012 – 04.08.2012